

ЯКОВЛЕВ А. И.

**ЛЕКЦИИ
ПО ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ.**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
Лекция 1. ПОНЯТИЕ О ЦЕРКВИ	3
Лекция 2. ЦЕРКОВЬ ГОНИМАЯ.....	11
Лекция 3. ЦЕРКОВЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ.....	17
Лекция 4. ИСТОЧНИКИ ХРИСТИАНСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ.....	25
Лекция 5. ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ.....	30
Лекция 6. УЧИТЕЛИ И ОТЦЫ ЦЕРКВИ	43
Лекция 7. ДОГМАТЫ, ТАИНСТВА И БОГОСЛУЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	56
Лекция 8. МОНАШЕСТВО НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ В III-X ВВ.....	65
Лекция 9. ОТПАДЕНИЕ И РАСКОЛ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ	73
Лекция 10. ЗАПАДНОЕ БОГОСЛОВИЕ В IV-XVII ВВ. ПАПСТВО	81
Лекция 11. ВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ В IX-XVII ВВ.	91
Лекция 12. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XVIII В.	106
Лекция 13. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В XIX В.	115
Лекция 14. РУССКОЕ МОНАШЕСТВО В XIX – НАЧАЛЕ XX В.	129
Лекция 15. ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В XX В.....	140
ЛИТЕРАТУРА	156
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	159

Предисловие

Предлагаемое вниманию читателей учебное пособие обращено к студентам и ко всем, интересующимся историей христианства, и представляет собой обзорный очерк двухтысячелетней истории Христианской Церкви.

Церковь возникла в начале I тысячелетия н.э., будучи свободным объединением христиан в окружении преобладающего нехристианского населения, в условиях гонений со стороны языческого государства. К концу II тысячелетия замкнулся круговой путь Церкви в мире: христианство вновь пережило период жесточайших гонений, а традиционный союз между Церковью и государством в разных странах приходит к концу. Церковь вновь ощущает себя незначительным меньшинством в океане до предела обмирщенной современности, но – это не основание для сокрушений. Церковь всегда в пути.

Изучение истории вообще и истории Церкви в частности необходимо нам не только с познавательной точки зрения, но и для того, чтобы избежать ошибок в настоящем. Зная дела, мысли и чувства предыдущих поколений, мы получаем возможность для более точного осознания наших взглядов и идей, понимания наших ошибок и истинного значения совершаемых дел, будь это личная жизнь или жизнь общественная.

В последние годы у нас в стране определились два подхода к истории. Сторонники одного принимают историю за зеркало, в котором видят себя, и потому воссоздают историю по своему разумению, выпячивая отдельные периоды и отдельных личностей, «подгоняя» историю под свое представление о прошлом. Но это зеркало кривое, оно может дать лишь искаженное изображение прошлого. Верный подход, по образному выражению Т. Лэйна, заключается в «восприятии истории, как окна», распахнутого в прошлое. Надобно лишь всмотреться и постараться понять.

История Христианской Церкви есть часть Всемирной истории.

За последние несколько лет разными издательствами было выпущено несколько разных по подходу и содержанию учебников по этой теме: это репринтные переиздания, например, весьма содержательного учебника для семинарий и духовных училищ православного священника Евграфа Смирнова «История Христианской Церкви» или обобщающие работы, например, двухтомная «История Церкви» католического историка Й. Лортца (пер. с нем.), популярные книги, образцом чему служит книга С. С. Куломзиной «Две тысячи лет. История Православной Христианской Церкви». Особенно обширна литература по истории Русской Православной Церкви, начиная от многотомной «Истории» митрополита Макария (Булгакова) и заканчивая многочисленными жизнеописаниями православных подвижников. Вышли первые тома таких фундаментальных справочных изданий как Православная Энциклопедия и Католическая энциклопедия. Таким образом, имеется литература, дающая основную и систематизированную информацию и удовлетворяющая интерес к пониманию истории Христианской Церкви.

В основу данного издания легли тексты лекций, прочитанных студентам Восточного университета в 1999-2002 гг. в рамках предмета «История мировых религий». Материал для лекций по всему курсу использовался преимущественно из следующих изданий: Е. И. Смирнов «История Христианской Церкви», М., 1997; протоиерей Петр Смирнов «История Христианской Православной Церкви», М., 1998; А. В. Карташев «Очерки по истории Русской Церкви», М., 1993; Й. Лортц «История Церкви» 2 т., М., 1999 (пер. с нем.); «Христианство. Энциклопедический словарь» 3 т., М., 1993-1995 (ссылки на которые, как правило, опускаются). Литература по отдельным темам указана в тексте лекций, а общий ее перечень приводится в итоговом списке использованной литературы.

Учитывая обширность предмета, изучаемого в рамках одного семестра, внимание сосредоточивается на наиболее важных и ключевых моментах истории Церкви, на личностях наиболее известных деятелей Церкви. Наряду с рассмотрением основных этапов

церковной истории и изучением основных составляющих структур Церкви, внимание обращается на принципиальные положения христианского вероучения, которые излагаются с православной точки зрения. Изложение с нейтральной точки зрения затруднило бы понимание предмета предлагаемого к изучению. По словам русского философа и богослова В. Н. Лосского, «существуют сферы, где то, что обычно называется "объективностью", есть просто безразличие и где безразличие означает непонимание» (57, с. 12-13).

Предполагается использование уже имеющихся у слушателей знаний по истории других мировых религий, всемирной истории и истории России. Предусматривается самостоятельная работа студентов, как с рекомендуемой литературой, так и с источниками – текстами Священного Писания, Житиями святых и произведениями выдающихся богословов.

Таким образом, курс истории Христианской Церкви не заменяет, а дополняет изучение собственно Христианства. Заинтересовавшиеся этой проблематикой и желающие углубить свои познания могут обратиться к многочисленным изданиям Закона Божьего, учебникам по догматическому богословию и специальным исследованиям по истории Церкви (см. раздел «Дальнейшее чтение», с. 352).

Автор выражает искреннюю благодарность друзьям и коллегам, содействовавшим выходу в свет этой книги, а также протоиерею Валентину Асмусу, помогшему исправить ошибки и неточности первого издания.

Лекция 1. ПОНЯТИЕ О ЦЕРКВИ

1. Само слово *Церковь* (наравне со словами: славянским «црква»), германским *Kirche*, английским *church*, финским *kirka* и др.) происходит от греч. *κιριαке*. Синонимом является слово *эклиа*, и от него образованы слова *эклесиа* – община верующих, *Церковь*, и *экклезиология*, обозначающее науку о Церкви.

Слово «Церковь» имеет несколько значений. Во-первых, так называется (с маленькой буквы) здание, где совершается церковное служение. Во-вторых, Церковь – это предмет учения веры, религиозных воззрений и науки. В-третьих, Церковь можно рассматривать как факт в истории и современной жизни, как объект исторический и социальный. В четвертых, Церковь рассматривают как общество и учреждение в области права.

Церковь как архитектурное сооружение изучается будущими архитекторами и искусствоведами, Церковь как социальный и правовой объект – юристами. Предметом нашего изучения станет Церковь как историческое и социальное явление. Для более полного и точного понимания этого явления придется обратиться и к рассмотрению Церкви как предмета христианского вероучения (что в полном объеме рассматривается в курсах богословских дисциплин).

2. Невозможно говорить о Церкви, не рассмотрев прежде, на основании чего и во имя чего она возникла. Поэтому, обозначим кратко понятия о вере, о религии.

1) Вера означает признание чего-либо истинным с такой решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств. Это не значит, что истины веры не подлежат никаким доказательствам, а значит только, что сила веры зависит от особого самостоятельного психического акта (12, т. 1, с. 352).

2) Вера – это состояние сознания, связанное с безусловным признанием существования Бога.

Но веровать можно во многое. Вера в Бога – это религия.

Прот. Сергей Булгаков дал в самой общей форме такое определение религии: «религия есть опознание Бога и переживание связи с Богом». Однако «религиозное переживание удостоверяет человека в реальности иного, Божественного мира не тем, что доказывает его существование... но тем, что... ему его *показывает*. На подлинно религиозный путь вступил

лишь тот человек, который реально на своей жизненной дороге встретился с Божеством, кого настигло Оно, на кого излилось превозмогающей Своей силой. Религиозный опыт в своей непосредственности не есть ни научный, ни философский, ни эстетический, ни этический, и, подобно тому, как умом нельзя познать красоту (а можно о ней только подумать), так лишь бледное представление об опаляющем огне религиозного переживания дается мыслью... Жизнь святых, подвижников, пророков, основателей религий и живые памятники религии: письменность, культ, обычай...— вот что, наряду с личным опытом каждого, вернее вводит в познание в области религии, нежели отвлеченное о ней философствование» (25, с. 12).

По словам священника Павла Флоренского, «тайны религии – это не секреты, которые не следует разглашать, не условные пароли заговорщиков, а невыразимые, несказанные, неопишуемые переживания, которые не могут облечься в слово...» (цит. по: 19, с. 20).

Блаженный Августин писал в своей «Исповеди»: «Несчастен человек, который, зная все, не знает Тебя; блажен, кто знает Тебя, даже если он не знает ничего другого» (22, с. 70).

Раскрытие учения о Церкви посвящены многие труды св. Илариона (Троицкого), который в работе 1914 г. писал: «Воплощение Сына Божия нужно было для спасения человечества, а не для написания книги. Никакая книга спасти человечество не могла и не может. Христос не есть Учитель, а именно Спаситель человечества... Это новое человечество Сам Христос наименовал Церковью... Отдельный человек лишь по связи с Церковью получает все необходимые для своего нравственного пересоздания силы» (18, с. 2-3, 5-6).

Согласно христианскому православному вероучению **Церковь** представляет собой общество людей, соединенных между собою одною верою в Бога, одним Богооткровенным учением, одним богослужением и таинствами, под управлением и руководством Богоустановленной иерархии, для достижения нравственного совершенства и спасения (см. 82, с. 56-65).

«Не весь человеческий род входит в Церковь, – писал о. Сергей Булгаков, – а только избранные, и даже не все христиане в полноте принадлежат к истинной Церкви, а лишь православные» (26, с. 43). Это не означает горделивого превосходства православных, потому что «хранение Истины вверяется не по заслугам, но по избранию, и история избранного народа, так же как и православия, достаточно показывает, как мало достойны его могут быть эти хранители» (26, с. 39). Но как бы то ни было, вступление в Церковь совершается не механически, помимо свободы человеческой, но предполагает вольное и сознательное принятие (или – неприятие) Христа, это внутренний самостоятельный акт самоопределения человека. Через веру входят в Церковь, через неверие из нее выходят (даже если при этом формально соблюдают нормы церковной жизни).

Жизнь Церкви проявляется с двух сторон – внешней и внутренней. Историческая наука изучает и то и другое: 1) пространственное распространение или сокращение Церкви, ее отношение к государству; 2) формирование и развитие учения Церкви, возникновение ересей и расколов; 3) деятельность церковной иерархии и видных церковных деятелей.

3. Принята следующая периодизация истории христианской Церкви:

– *первый период*, 34-313 гг.– внешнее распространение Церкви от времен апостолов до ее признания при святом Константине Великом. После разрушения в 70-е годы Иерусалима небольшая община первых христиан усилиями апостолов превращается во вселенскую Церковь, охватывающую Ближний Восток, часть Европы, Северную Африку, Индию, Эфиопию. Формируется канон Нового Завета, ставший частью Священного Писания. Начинается организация Церкви, выработка форм богослужения и обрядов;

– *второй период*, 313-1054 гг.– внутреннее устройство Вселенской Церкви, ставшей государственной на Востоке и на Западе. Закончено формирование вероучения, установлен

порядок богослужения и обрядов, иерархическая структура. Церковь борется с ересями, испытывает зачастую открытое давление государства;

– *третий период*, 1054-1453 (1517) гг.– благоустройство Церкви на Востоке и соблюдение ею вселенского вероучения (несмотря на падение Византийской империи), постепенное уклонение Церкви на Западе от единого учения и единого устройства. Начало Реформации, формирование на Западе течений католицизма, лютеранства и кальвинизма;

– *четвертый период*, XVI-XX вв., самостоятельное существование нескольких поместных христианских Церквей наряду с существованием разнородного христианского сообщества в мире. Возвращение государства к борьбе против веры и Церкви, все возрастающий отход некогда христианского общества от веры и Церкви.

4. Возникновение Церкви.

1) Человек появился на свет, зная о Боге. Все религии мира, кроме Ветхозаветной можно назвать языческими. Общее в них – обоготворение или природы или человека, т. е., мира сотворенного и конечного, обоготворение твари, а не Творца. Пользуясь дарованными рассудком и свободой человек в своей духовной жизни (а человек – создание духовное, и этим он отличается от животного), ходил собственными путями. Он обоготворил все в мире, от камня и растения до неба и себя. Истинное богопознание даровано было одному народу еврейскому, а религиозно-нравственное состояние всего языческого мира к началу I в. можно назвать безотрадным.

В Римской империи народная религия держалась до тех пор, пока Рим в своих завоеваниях не выступил за пределы Италии и не вошел в соприкосновение с Грецией. Греки, побежденные римлянами, в свою очередь подчинили их своему нравственному влиянию. Они познакомили римлян со своей философией и передали им свои взгляды на религию, что усилило распространение неверия в отечественных богов среди высшего класса, а затем и среди народа. Веры уже не осталось, остались лишь обряды и церемонии. У римлян усугубилась холодность к своей религии, появилось убеждение, что всякая религия имеет право на существование. Легко и бездумно воспринимались готовые истины, позволяющие отвлечься от действительности, утверждающие добродетель и мудрость ради достижения покоя и простого исполнения долга – без дальнейших реальных положительных целей. Впрочем, римская власть требовала сохранения уважения к древней народной религии, видя в ней (не без основания) одну из опор государственности.

2) Иудея, в которой надлежало появиться Спасителю мира, после длительного периода самостоятельного существования, в 63 г. до Р. Х. была завоевана римскими войсками под командованием римского полководца Помпея. Тем не менее, в 37 г. до Р. Х. Ирод при содействии одного из римских триумвиров Антония, был провозглашен царем иудейским. Ирод, прозванный Великим, расширил пределы Иудеи, восстановил разрушенные города, перестроил и украсил самый Храм иудейский в Иерусалиме. Но он не был любим своими подданными за жестокость. В первые годы после смерти Ирода, последовавшей в 4 г. до н.э., в Иудее начались волнения, разгорались мятежи против господства Рима, возникли многочисленные шайки разбойников. Рим навел порядок в своей провинции, хотя иудейские цари разделяли реальную власть с римскими прокураторами.

Иудеи имели религию Богооткровения, с истинными понятиями и пророчествами о едином Боге, изложенными в Ветхом Завете, однако и они не избежали участи остального человечества. Тяжелые испытания, поработение египтянами, сириянами, другими народами и, наконец, римлянами привели к тому, что еврейский народ стал видеть в обещанном Ветхозаветными пророками Мессии своего освободителя от чужеземного ига, своего земного царя, долженствующего вернуть еврейскому народу силу, богатство, славу и господство над всеми другими народами. Вот почему, когда время от времени появлялись

ложные пророки, иудеи с готовностью верили им в надежде на освобождение от римского ига.

Вера в единого Бога не была потеряна, но в понимании веры народ разделился на несколько течений, имевших свою организационную структуру и свое особенное видение Бога, основными из них были фарисеи, саддукеи, ессеи, ферапевты, а также самаряне.

Появление первых двух течений относится к II в. до Р. Х., когда на Востоке широкое распространение получила греческая образованность, принеся с собой следование некоторым языческим обычаям. Ревнители своей веры и своих традиций в царствование царя Гиркана I (134-104 гг. до Р. Х.) сплотились для сопротивления проникновению этих опасных новаций и образовали сообщество *фарисеев* (арамейское «обособленных») – избранных, руководимых учеными знатоками Писания. Суть учения фарисеев вскоре свелась к строгому следованию Закону, дарованному Богом иудеям через Моисея, к буквальному и неуклонному до мелочности выполнению всех разработанных позднее предписаний по исполнению обрядов и норм быта. Все их внимание было обращено на внешнюю сторону религии – соблюдение постов, частые и громкие молитвы, почитание субботы, ритуальное омовение и т. п. Многие фарисеи были настолько заняты своей праведностью и благочестием, что пренебрегали реальными заботами других людей, некоторые фарисеи ко всем другим питали презрение. Однако внешняя строгая святость их жизни привлекала к ним народ, и со второй половины I в. до Р. Х. фарисеи приобретают значительное влияние.

Саддукеи (от имени первосвященника Садока, жившего в эпоху царей Давида и Соломона) составляли им противоположность, усвоив достижения греческой науки и относясь к вере философски. Они с рационалистической точки зрения рассматривали законы Моисея, признавая Пятикнижие как религиозно-правовую норму, наиболее существенным в их религиозных воззрениях была этика, основанная на Законе. Они отвергали устные предания, не придавали большого значения обрядам и даже отрицали веру в воскресение мертвых, существование ангелов и всего духовного мира. Саддукеи составляли исключительно верхний слой храмовых священников Иерусалима и иудейской богатой аристократии, они оставались немногочисленной, но влиятельной политико-религиозной группировкой, добивавшейся также независимости от римлян, но ненасильственным путем (в отличие от фарисеев).

Ессеи и *ферапевты* – небольшие закрытые общины своего рода аскетические братства, которые образовали люди, решившие служить Богу подальше от тогдашнего еврейского общества. Они жили в пустынных местах, занимались земледелием, все имущество у них было общим. На общих собраниях в субботу они молились, читали Писание и пели гимны. По религиозным воззрениям они были близки к фарисеям, но в противоположность фарисеям, все внимание последователей этих двух религиозных течений (отличавшихся незначительно) было обращено на внутреннее самоусовершенствование человека.

Самаряне – жители Самарии, потомки израильтян и переселенцев из Ассирийского царства, из-за чего иудеи считали их «нечистыми» и не допускали молиться в Иерусалимском храме. Самаритяне воздвигли собственный храм на горе Гаризим. Они не питали такой гордости и уверенности в своей святости, как иудеи, признавали священными лишь Пятикнижие Моисея, в Мессии ожидали пророка, который должен был объяснить им Закон и научить их всему.

Иудеи рассеяния (диаспоры), жившие вне Палестины, оставались верными вере предков, но в ожидаемом Мессии видели не земного царя, а Икупителя от грехов. Они способствовали принятию своей веры отдельными язычниками, ясно сознававшими упадок нравственности и мечтавшими о блаженном «золотом веке». Свообразным религиозным учением стало учение Филона, в котором сочетались безусловная вера в Божественное откровение и признание истин философии Платона.

Таким образом, и иудеи и некоторые язычники, особенно угнетенные низы тогдашнего общества, хотя в силу различных причин, но одинаково горячо ожидали прихода Мессии, как Избавителя от всяких зол нынешней жизни и Установителя лучших порядков.

3) Пришествие Иисуса Христа, Его обращенная ко всем людям проповедь о покаянии и спасении, Его добровольная жертва и Воскресение послужили осознанию сути и смысла человеческого существования на земле. Нельзя не напомнить, хотя бы в самых общих чертах то Евангелие – «благовест», которая составляет содержание церковной жизни и христианской проповеди. В дни своего земного служения Иисус возвещал людям Царствование Божие. Смысл его проповеди заключался не только в новом учении, а в вере в Него, в то, что Его пришествие и есть начало Царства, которое Сын Божий открыл и дал людям. С этих пор люди снова могут через веру во Христа узнать единого истинного Бога и Его любовь к миру, в соединении с Ним получить новую, праведную и вечную жизнь, для которой они созданы. Преданный на позорную смерть Иисус осуществил образ полной самоотдачи, совершенной любви, и в этом была Его победа над злом и грехом: любовь на кресте восторжествовала над ненавистью, жизнь над смертью. Эту победу Он одержал для людей, и потому с самого начала избрал 12 свидетелей, которые были с Ним, слышали Его учение, видели Его дела, Его смерть, Воскресение и прославление.

Историчность существования Богочеловека долгое время подвергалась сомнению в исторической науке, отвергавшей свидетельства Евангелия, пока не были найдены различные источники, подлинность которых очевидна и которые принадлежат незаинтересованным свидетелям. В 1971 г. был прочитан подлинный текст из «Иудейской хроники» Иосифа Флавия (37 г.– ок. 100 г.): «В это время был мудрый человек по имени Иисус. Его образ жизни был похвальным, и он славился своей добродетелью; и многие люди из числа иудеев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть; однако, те, кто стали его учениками, не отреклись от своего ученичества. Они рассказывали, будто он явился им на третий день после своего распятия и был живым. В соответствии с этим он-де и был Мессия, о котором пророки предвещали чудеса» (Цит. по: 45, с. 121). (Стоит заметить, что Ф. Энгельс считал весьма вероятным существование апостола Иоанна Богослова, хотя сведений о нем сохранилось меньше, чем об Иисусе Христе [см. К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, с. 476]).

Христианство предложило свой ответ на большие вопросы общественной жизни Римской империи, и этот ответ удовлетворял духовные потребности общества. Христианство было ориентировано не столько на осмысление природы (как языческие верования), сколько на «осмысление истории, понятой не как круговращение циклов, но как выход к абсолютному будущему» (45, с. 255). Людям открылся выбор между верой в бессмысленность человеческого существования и верой в вечную жизнь с Богом.

Для опоры людей в их земной жизни, для открытия им пути в жизнь будущую и была учреждена Церковь. Момент ее появления не случаен, ибо в истории нет механического сцепления причин и следствий. Тогда, по словам апостола Павла, «пришла полнота времен». Богоизбранный иудейский народ оказался включенным во «вселенскую» Римскую империю, тысячи синагог возникли в разных городах, тем самым создавая возможности для будущей апостольской проповеди; сформировалась и стала господствующей универсальная греко-римская культура античности с развитыми философскими системами и общими для всей империи латинским и греческим языками; в духовной жизни народов, населявших империю, усиливались кризисные явления, охлаждение и разочарование в вере отцов, религиозный индифферентизм.

Первоначально Церковь была основана из немногих призванных лиц – *апостолов* (греч. «посланников»). Первых двенадцать апостолов избрал и так назвал Иисус Христос, дабы они свидетельствовали о Его деяниях и воскресении, открывали всем людям спасительные истины. Это **Андрей Первозванный**; **Варфоломей** (подлинное имя Нафанаил); **Иаков**

Старший Зеведеев; Иаков Младший Алфеев; Иоанн Богослов, Евангелист, любимый ученик Иисуса, младший брат Иакова Старшего; **Иуда Искариот**, державший кассу апостолов, который предал Иисуса; **Иуда Фаддей**, брат Иакова Младшего; **Матфей Левий** мытарь (сборщик налогов); **Петр**, собственное имя Симон, брат апостола Андрея, из наиболее близких учеников Иисуса; **Симон Кананит** (Зилот, греч. «усердный, ревнитель»); **Филипп**, приведший к Иисусу Варфоломея; **Фома** (греческое имя Дидим – «Близнец»), «неверующий». Апостолы были разного возраста: Иоанн совсем юноша, Петр – уже женат; разного социального положения: Андрей и Петр – рыбаки, Матфей – сборщик налогов; они не имели формального образования; все были родом из Галилеи.

На Тайной вечере, устроенной Иисусом вместе с апостолами накануне Его страданий по образу традиционного иудейского пасхального пира, Иисус Христос, *взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается* (Лк, 22:19-20). Так было установлено главное таинство христианской Церкви – причастие (Евхаристия).

По вознесении Иисуса Христа апостолы собрались в Иерусалиме, где ожидали сошествия Святого Духа. Находясь вместе, они горячо молились вместе с Богородицею. В эти дни ожидания на место отпавшего Иуды Искариота был избран Матфей, сопричисленный к одиннадцати апостолам. Наконец, по прошествии десяти дней от вознесения, *внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках...* (Деян, 2:1-4).

В то время в Иерусалим на иудейский праздник Пятидесятницы (праздник жатвы, наступающий на 50-й день после Пасхи), собралось множество иудеев из разных мест Римской империи и других стран. Многие собрались вокруг того дома, где находились апостолы, привлеченные шумом с неба. Апостолы обратились к ним с проповедью, причем говорили на их родных языках. Все пришли в изумление и недоумение, каким образом простые неученые люди могут вдруг узнать различные языки, а *иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина* (Деян, 2:13). Апостол Петр произнес тогда воодушевленную речь, в которой объяснил, что виденное ими чудо есть исполнение предсказания ветхозаветного пророка Иоиля об излиянии благодатных даров Святаго Духа на верующих в Него во время пришествия Мессии (Иоиль, 2:28). Далее пламенный апостол показал, что ожидаемый Мессия явился в лице Иисуса из Назарета, которого они убили, но Который воскрес и Который есть истинный Господь. Услышав все это, собравшиеся *умилялись сердцем и спросили, что им делать? Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа* (Деян, 2:37-38), – отвечал им апостол Петр. В тот день крестилось около трех тысяч человек.

Со дня сошествия Святаго Духа началась открытая проповедь апостолов об Иисусе Христе. Они проповедовали в Иерусалимском храме и в частных домах и имели необыкновенный успех: ежедневно происходило присоединение к Церкви новообращенных иудеев. Исцеление апостолом Петром хромого от рождения именем Иисуса Христа, происшедшее в храме и описанное в Деяниях апостолов, особенно усилило приток новообращенных, называется цифра в 5 тысяч человек.

Члены синедриона взяли под стражу апостолов Петра и Иоанна, после допроса запретили им говорить об Иисусе и учить о воскресении из мертвых Его именем. Апостолы на это ответили: *... справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали* (Деян, 4:19-20). После того, как все больше людей обращалось к новой вере, и даже священники присоединялись к Церкви, решением синедриона апостолы Петр и Иоанн были заключены в темницу, но чудесным

образом освобождены. При новом обсуждении этого вопроса в синагогине один из его уважаемых членов, фарисей Гамалиил сказал так: *...отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками* (Деян, 5:38-39). Они послушались его и, призвав апостолов, били их, запретив же им говорить о имени Иисуса, отпустили. Однако апостолы каждодневно продолжали проповедовать об Иисусе Христе.

Тогда первосвященники и законники осознали в полной мере, что из последователей Христа образуется новое сообщество, не признающее их авторитет и способное поколебать само иудейское учение. Отбросив благоразумный совет Гамалиила, синагогин начинает борьбу с христианами. Первой жертвой стал в 36 г. диакон **Стефан**, побитый камнями за мнимое богохульство, а затем началось открытое преследование верующих в Иерусалиме: их отыскивали по домам, заставляли хулить имя Иисуса, заключали в темницу и после суда иных предавали смерти. Спасаясь от гонений и мученичества, многие христиане бежали из Иерусалима и рассеялись по всей Иудее и соседним провинциям Римской империи. Апостолы, однако, оставались в Иерусалиме.

Христианская община в Иерусалиме и общины в других городах выработали новый образ жизни, определяющим идеалом которого стало единство: единство в хозяйственной жизни (что вовсе не означало обязательного полного обобществления имущества), единство в отношении к миру и друг к другу. Указывая на важность этого аспекта первохристианства, о. Александр Шмеман писал: «Для ранней же Церкви единство само и есть последняя, величайшая ценность, высший смысл жизни, открытый людям Христом. Церковь есть восстановление единства нарушенного, разорванного грехом, то есть себялюбием и отпадением от Бога. В ней крещенные – то есть соединенные с Христом и живущие участием в Его жизни через преломление хлеба – воссоединяются с Богом, а в Боге вновь обретают и единство друг с другом» (94, с. 25).

4) Гонители христианства вскоре узнали, что это учение быстро распространяется среди иудеев диаспоры (рассеяния) и решились преследовать его и там. Молодой фарисей **Савл**, сын знатных родителей из города Тарса (имевших римское гражданство), получивший хорошее образование (он был учеником знаменитого раввина Гамалиила), проявил себя одним из наиболее ревностных защитников иудейского закона. Подобно многим израильтянам он жаждал пришествия Мессии, но ожидал увидеть в нем могучего царя, который восстановит царство еврейское во всем блеске его древнего величия. Признание Мессией безвестного проповедника из Назарета, преданного позорной смерти на кресте, было с его точки зрения безумием. Он вступал в споры с христианами, но не мог их переубедить и тогда обратился к насилию. В молодой христианской общине имя Савла наводило ужас. В 35 или 37 г. он вызвался отправиться в Дамаск, где укрылись общины первых христиан, дабы разгромить их и привести на суд синагогина в Иерусалим. Наделенный от природы необыкновенными дарованиями, Савл горел стремлением защитить свою веру. Святитель Феофан (Говоров) так пишет об этом: «Св. Павел вначале так ревностно защищал ветхозаветные порядки потому, что искренно был уверен, что на то... есть непреложная воля Божия» (79, с. 56).

На пути в Дамаск случилось чудо: Савлу явился Христос и совершилось обращение ярого гонителя христианства в пламенного проповедника новой веры. *Когда же он шел и приблизился к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать. Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли, и с открытыми глазами*

никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск (Деян, 9:3-8). После того, как в Дамаске крестили его, *тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился... И тотчас стал проповедовать в синагогах о Иисусе, что Он есть Сын Божий. И все слышавшие дивились...* (Деян, 9:18-21). Объясняя это чудесное обращение, Свяtitель Феофан (Говоров) указывает: «Тут ясно стало для него, что он не туда обращает свою ревность, куда следует, и что действуя так, не угождает Богу, а идет против воли Его... И с этого момента всю свою ревность обратил уже на то, что ему указано было...» (79, с. 56).

Видение апостолу Павлу было не иллюзией или галлюцинацией, но действительным видением Христа, открывшееся его внутреннему чувству, имеющим мистический характер, выходящим за пределы нашего физического мира. После крещения Савл стал называть себя своим римским именем – **Павел**.

До тех пор Церковь составляли иудеи, обратившиеся ко Христу; из них состояли первые общины христиан, которые во многом сохраняли в быту верность иудейскому закону. Апостол Павел стал великим проповедником христианства среди язычников, заслужив наименование Апостол язычников. Он совершил несколько длительных миссионерских путешествий в Малую Азию, на Кипр, в Македонию, Грецию (о чем писал апостол Лука в Деяниях апостолов и сам апостол Павел в некоторых своих посланиях). Во всех крупных городах в то время имелась иудейская колония и синагога, где и начинал Павел свою проповедь. Слух о новом проповеднике быстро разносился по городу, и вот уже язычники внимали глашатаю новых истин. Большинство иудеев не принимало их, Павла и его спутников изгоняли, но семена веры были уже посеяны. «Когда св. Павел стал проповедовать в Дамаске, – замечает свяtitель Феофан (Говоров), – все дивились, говоря: «Не тот ли это самый, который гнал призывающих имя сие?» И всегда так бывает, что те, среди которых кто-либо обращается от неверия к вере или от греха к добродетели, дивятся: что сделалось с этим обращенным? Все шло у него по-нашему, а тут вдруг все стало иначе: и речь, и взор, и поступь, и мысли не те, и начинания иные, и места посещения другие... Только не понимающие дела могут говорить: "Зачем так круто!"» (79, с. 56-57).

В Церкви прорываются и обычные человеческие страсти: разделения, зависть, споры о лицах. Апостол отвечает на все вопросы и недоумения, входит во все мелочи, утверждая главное и основополагающее: *«Мы уже во Христе, а потому должны все преодолевать сообразно с этим высоким призванием и возрастать в вере»*. Сам он зарабатывал на хлеб плетением палаток. Не раз приходилось спасаться бегством Апостолу язычников, он был побиваем камнями, претерпел много испытаний, но его пламенная проповедь и чудотворения помогали людям обратиться к Богу. В каждой основанной им местной Церкви Павел рукополагал пресвитеров, которым поручал пасти «стадо Христово» и распространять веру. В начале 40-х годов в Антиохии, где верующих из язычников было больше, чем из иудеев, последователи Христа усвоили себе название *христиан*, в то время как иудеи с принятием нового учения не решались принять и новое имя.

Христианство возникло в иудейской среде, и большинство евреев считали необходимым соблюдение мицвота (еврейских бытовых заповедей). Павел сам во многих случаях соблюдал обрядовые законы Моисея, но не принуждал к этому язычников, уверовавших во Христа. Он проповедовал оправдание человека не делами закона, а благодатью Бога, от человека же ожидается единственно и исключительно лишь вера. Окончательно это было утверждено на первом апостольском соборе в Иерусалиме в 51 г.

Не менее важно значение апостола Павла и как вероучителя. В своих многочисленных посланиях к местным Церквям он утверждал и разъяснял истины христианства о Царстве Божием, о греховности человека, о любви к Богу и ближнему. Он утверждал сущность христианства, – писал Г. Кюнг, – «то, что отличает христианство и от иудаизма, и от старых мировых религий, и от современных разновидностей гуманизма, – это сам Иисус Христос.

И именно тем, что Он был распят, отличается Иисус и от множества воскресших, вознесенных, вечно живых богов, и от обожествленных основателей религий, цезарей, гениев, владык и героев мировой истории» (52, с. 48).

В 60 г. апостол Павел был заключен в темницу в Риме и в 65 или 67 г. обезглавлен 29 июня в один день с казнью апостола Петра.

5) Сохранилось мало достоверных данных о местах проповеди других апостолов и об их деятельности. Все они ревностно занимались распространением христианства и созданием общин верующих. Апостол Андрей проповедовал в Скифии и Ахее, в 60 г. в Патрах принял мученическую смерть: был распят на кресте. Апостол Петр проповедовал в Иерусалиме, Антиохии, Азии, Египте, Коринфе, был казнен в один день с апостолом Павлом, но не обезглавлен, а распят вниз головой. Апостол Иаков Старший после нескольких лет проповеди в 44 г. был убит мечом в Иерусалиме. Апостол Иаков Младший играл ведущую роль в Иерусалимской иудео-христианской общине, возглавляя ее, в 62 г. претерпел мученическую кончину: был побит камнями. Апостол Варфоломей занимался проповедничеством в Индии, Месопотамии, Армении, где принял мученическую смерть. Апостол Матфей (мытарь) проповедовал в Эфиопии и Персии, где был зарублен мечом перед алтарем. Апостол Фома проповедовал слово Божие в Персии и Индии, где был убит ударом копья. Об апостолах Иуде Фаддее, Симоне, Матфие, Филиппе известно лишь, что они проповедовали вне пределов Римской империи. Все они претерпели мученическую кончину, за исключением апостола Иоанна Богослова.

Во исполнении заповеди Иисуса Христа апостол Иоанн был охранителем Богоматери до самой ее кончины в 48 г., и до этого времени не оставлял Иерусалима. Проповедническая его деятельность в Малой Азии начинается после апостольского собора в 51 г. В 60-х годах он поселяется в Ефесе, опекая церкви в различных городах. Был приговорен к смерти, по легенде без вреда для себя выпил чашу с ядом. Около 96 г. был сослан на остров Патмос, где было написано Откровение (Апокалипсис), а позднее – четвертое Евангелие, в 98 г. возвращен в Ефес и скончался в глубокой старости в начале II в. В последние годы жизни вследствие старческой немощи он не мог уже много говорить, поэтому своим ученикам повторял только: «Дети, любите друг друга». Больше других учеников Христа он говорил о любви, почему иногда его называют Апостолом любви.

Лекция 2. ЦЕРКОВЬ ГОНИМАЯ

1. Результатом деятельности апостолов стало то, что во всех крупных и малых городах Римской империи возникли христианские общины, выросли ученики апостолов, ставшие предстоятелями местных Церквей. Например, в самом начале II в., вскоре после кончины апостола Иоанна Богослова, правитель Вифинии (римской провинции на южном побережье Черного моря) Плиний Младший сообщал императору Траяну, что в его области христианство проникло «как зараза, не только в города, но даже в села и деревни, так что опустели языческие храмы и прекратились языческие празднества» (3, с. 36).

Конечно, столь быстрое и широкое распространение Церкви Христовой трудно объяснить естественными причинами, это чудо. Иначе трудно объяснить успех проповеди горстки малограмотных, бедных и незнатных апостолов среди ревностных последователей иудейского закона, среди просвещенных науками и развращенных язычников, вопреки открытой борьбе с христианством со стороны иудейского священства и подавления христианства со стороны всемогущего Римского государства, «...мы неизвестны, но нас узнают, – писал апостол Павел, – нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся... мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор, 6:9-10). Это воодушевляющее сознание господствовало в Церкви.

В центре апостольской проповеди стояла благая весть о Спасителе, принесшем мир и избавление. Дополняла проповедь та реально обновленная жизнь, которой жили первые общины христиан, отказывавшиеся от эгоизма и себялюбия языческого мира. *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий... И если раздаю все имущество мое и отдаю тело на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится...»* – поучал первых христиан апостол Павел (1 Кор, 13:1, 3-4).

«Христианами не рождаются, а становятся», – утверждал Тертуллиан, и обычным было в то время принятие крещения в зрелом возрасте после прохождения испытательного срока. Лишь после того, как «оглашенные» (получившие знание о Христе), подлинно очистились духом, они вступали в число «верных», допускаемых на главное таинство Церкви – Евхаристию. Отныне вся жизнь человека была связана с этим общим собранием ради совместного единения в Боге. Единство в богослужении продолжалось единством в обыденной жизни путем взаимопомощи, обеспечением молитвенных собраний, общей заботой о бедных, сиротах, вдовах, о погребении братьев и сестер.

Выработалась организационная структура Церкви. Во главе общин апостолами были поставлены епископы, которые в свою очередь поставляли пресвитеров, руководивших отдельными приходами, в чем им помогали диаконы. Такая структура выработалась не сразу. «Первоначально христианская Церковь представляла как бы ряд сектантских [по отношению к иудейству – А. Я.] кружков, с резко выраженными эсхатологическими чаяниями, с обильным обнаружением чрезвычайных духовных харизм. Личная харизма без всякого преемственного рукоположения ставила своего обладателя во главе христианской общины». В то же время, иерархичность была изначально присуща Церкви. Сам Христос избрал 12 апостолов, а из них особо выделил Петра и Иоанна. В дальнейшем «лица иерархические не наследовали никаких апостольских прав и полномочий; они совершали евхаристию да заведовали церковным хозяйством. Лишь тогда, когда ослабел первоначальный энтузиазм, когда в среду харизматиков начали проникать пороки и недостатки, иерархия получила большее значение, постепенно присвоив себе полномочия харизматиков, этих истинных преемников апостольских.

Не сразу, но постепенно и путем продолжительной борьбы утвердилась в Церкви, взамен харизматической организации, организация иерархическая» (17, с. 574).

Неверно было бы представлять христианские общины состоящими исключительно из представителей социальных низов тогдашнего общества. В посланиях апостола Павла встречаются упоминания об Эрасте, городском казначейнике, Дионисии – члене афинского Ареопага, знатных фессалоникских женщинах. Христиане таким образом имелись на всех «этажах» римского общества, хотя и составляли в нем меньшинство (по подсчетам историков, даже в IV в. – около 10% всего населения империи – [94, с. 47]).

2. Первый этап гонений на Церковь приходится на середину I в. В те годы в Палестине произошло разделение иудеев на христиан и на ревнителей своих национальных интересов, защитников древней религии. Римские правители не вмешивались в религиозные споры иудеев и даже сдерживали религиозный фанатизм фарисеев, что несколько препятствовало проявлениям ненависти к первым христианам со стороны их противников. Сами иудеи не имели права объявлять смертные приговоры (они не имели права осудить на смерть апостола Павла и принуждены были отправить его в Рим; для умерщвления апостола Иакова первосвященник Анания в 62 г. воспользовался сменой римской власти). Наконец, «мера долготерпения Божия исполнилась» (4, с. 40), и гонители первых христиан сами пали жертвою.

В 67 г. началась бедственная война иудеев с Римом. Причинами ее были со стороны римлян – крайняя жестокость к евреям римских прокураторов, оскорблявших их религиозные чувства и угнетавших их тяжелыми налогами; со стороны евреев – крайняя ненависть к влаждующим над ними язычникам. Борьбу начала возникшая партия зилотов («ревнителей» веры). Они окружили римский гарнизон и принудили его к сдаче, а потом, вопреки своим обещаниям, перерезали всех солдат. Началась затяжная война. Наконец, римляне двинули свои войска и осадили Иерусалим. В 70 г. в правление императора Веспасиана город был взят и разрушен. Римляне окружили город накануне праздника пасхи, когда там собралось около 2 миллионов человек. Из них от ран, голода и собственных конфликтов погибло более миллиона евреев, десятки тысяч были отведены в рабство, столько же рассеялись в изгнании. Разрушен был и Иерусалимский храм. Точно роковая сила влекла богоизбранный народ к гибели, и он не сумел ее избежать.

В 135 г. иудеи вновь восстали против римлян под начальством фанатика Вар Кохеба и снова были разбиты римлянами. Тогда император Адриан повелел разрушить Иерусалим до основания и провести плугом борозду по его улицам в знак совершенного уничтожения города. Вблизи развалин была основана римская колония Элия Капитолина, иудеям же под страхом смертной казни было запрещено приближаться к этому месту. Лишь раз в году – 10 августа, в день сожжения первого храма Навуходоносором и второго храма римлянами, иудеям дозволялось за плату посмотреть на бывшую столицу своего государства.

Падение Иерусалима имеет важное значение в истории Церкви. Во-первых, тем самым исполнились пророчества древних пророков Моисея: *«И рассеет тебя Господь по всем народам, от края земли до края земли, и будешь там служить иным богам, которых не знал ни ты, ни отцы твои, дереву и камням»* (Втор, 28:64), Даниила и других, а также слова Иисуса Христа: *«...все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне»* (Мк, 13:2); *«... и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками...»* (Лк, 21:24). Во-вторых, в разрушении города и храма совершилось самим делом фактическое прекращение Ветхого Завета; евреи лишились своего единственного храма – священного места молений и принесения жертв, это породило среди них новое течение привязанности к букве Писания, к обрядам без разумения их значения. Тем самым, произошел окончательный разрыв между христианством и иудаизмом. В третьих, падение иудейской государственности наряду с их отказом от принятия Нового Завета стало прообразом должного последовать в конце веков разрушения мира: *«... ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и пришествие Сына Человеческого...»* (Мф, 24:38-39).

3. Тем временем, из внутренних областей империи во II и III вв. христианство распространялось по самым отдаленным ее провинциям и в соседних странах. В первой половине II в. христианство распространилось в Африке – в Карфагене, Мавритании, Нумидии. Во второй половине II в. уже имеются христианские церкви в Испании и в Галлии – в Лионе и Вьене, в конце III в. – в Британии и в зарейнской Германии – Кельне, Трире, Меце. На Востоке христианство распространилось в Персии, Бактрии, северной Аравии, Индии. Однако господство язычества вело к конфликту Римского государства с новой религией.

Стоит заметить, что в исторической науке со времен Просвещения возникло мнение о придуманности гонений. Отчасти это было вызвано многочисленными легендами, возникшими вокруг имен христианских мучеников, в которых имелись явно фантастические элементы; отчасти рационалистический подход европейских историков не мог объяснить дикой жестокости Рима – родины римского права и опоры высокой культуры, который виделся людям XVIII-XIX вв. идеальным государством справедливости

и культурности. Лишь по мере дальнейшего развития исторической науки, после вдумчивого изучения огромной житийной литературы и обретения новых источников стало возможным представить реальную историю Церкви гонимой.

Главной причиной гонений на христиан стало отрицание ими всей системы ценностей, обычаев и нравов язычества. Империя терпела любую веру, лишь бы она не мешала сохранять привычный образ жизни и не подрывала бы устои государства. Но христиане на место эгоизма поставили любовь к ближнему, на место гордости – смирение, на место роскоши, к которой стремились все, – воздержание и пост; христиане отказались от многоженства, от ставшего привычным разврата; они возвышали рабов. Простой народ, видя непохожесть жизни христиан на их жизнь, перетолковывал это по своим грубым понятиям: христиан считали безбожниками за отказ приносить жертвы богам, человеконенавистниками – за отказ от языческих увеселений. Жрецы и оракулы, беспокоившиеся о падении своих доходов, обвиняли христиан во всех бедах – военных поражениях, засухе, эпидемиях, пожарах, наводнениях и землетрясениях; уверяли, будто христиане на своих собраниях предаются разврату, пьют кровь младенцев и т.д. Философы, в ослеплении своей гордыни, считали христианскую веру грубым и опасным суеверием, а твердость в стоянии за веру называли «вредным фанатизмом».

Кроме того, христиане отвергали господствовавшую римскую национально-политическую религию, сводившуюся к разработанному до мелочей ритуалу жертвоприношений и молитв. Она не была системой верований или системой морали, а просто обрядовым культом, имевшим государственное значение. В ту эпоху все возраставшего неверия мало кто принимал всерьез «римских богов», но это был символ государственности, хотя и формальный, но символ гражданства, рода, семьи.

«И вот от исполнения этого самоочевидного, простейшего гражданского долга и отказались христиане, и отказ оказался причиной гонений, – пишет прот. Александр Шмеман. – Это не был ни бунт, ни осуждение государства как такового, ни даже сопротивление отдельным его дефектам и порокам... Но они не могли исполнить двух требований: признать Императора «Господом», совершить даже внешнее поклонение идолам, хотя бы и без веры в них...» (94, с. 57-58). Тем самым, христиане проявляли не свое равнодушие к миру, а подлинно серьезное к нему отношение. Отвергая имперский культ, который в самой империи не принимался всерьез, они фактически призывали всех отказаться от богов ложных ради Бога истинного. Тем самым Церковь боролась не против мира, а за приведение мира к одному подлинному Господу. «Един Господь!» – этот дошедший до нашего времени возглас выражал суть отношения Церкви к миру.

Историю гонений на христиан в пределах империи можно разделить на три периода: в I в. отдельные гонения некоторых императоров, во II в. – начало отдельных планомерных гонений со стороны государства, в III в. – ожесточенная борьба государства с целью искоренения христианства.

Отсчет первого периода традиционно ведется от пожара, в ночь на 16 июля 64 г. уничтожившего почти весь Рим. Император Нерон (правил в 54-68 гг.) обвинил христиан в поджоге и объявил вне закона: их распинали на крестах, бросали на съедение диким зверям, зашивали в мешки, которые обливали смолой и зажигали во время народных праздников. Император Домициан (81-96 гг.) преследовал христиан, видя в них союзников вечно бунтовавших евреев. По легенде, он вызвал в Рим из Ефеса апостола Иоанна Богослова и приказал бросить его в котел с кипящим маслом, а когда тот остался невредим – сослал на о.Патмос.

Во второй период наиболее сильные гонения произошли в правление императоров Траяна, Марка Аврелия и Септимия Севера. Император Траян (98-117 гг.) запретил существование тайных обществ – к которым относили и «секты» христиан, чьи ночные богослужения казались подозрительными. Некоторые правители в провинциях поспешили

развернуть преследования христиан. Однако, когда проконсул Плиний Младший поразился множеству обвиняемых в «христианстве» и обратился за разъяснением, как с ними поступать, Траян повелел специально христиан не разыскивать и не принимать на них анонимные доносы, но если кто будет обвинен в принадлежности к христианству и на суде не откажется от него – тех казнить. Тем самым, само имя «христианин» стало составом преступления. В его правление были казнены епископ римский Климент, епископ антиохийский Игнатий Богоносец, двадцатилетний епископ иерусалимский Симеон. При его преемнике Адриане (117-138 гг.) в 137 г. были казнены среди множества верующих во Христа юные дочери вдовы-христианки Софии – Вера, Надежда и Любовь; мучители не тронули мать, но она скончалась на третий день после гибели своих детей.

Правда, наличие римского судопроизводства давало возможность христианам существовать даже в таких условиях. Рим не имел государственного прокурора. Против приверженца Христа должен был выступить частный обвинитель. Поэтому в тот период осуществлялись отдельные гонения, а общины христиан продолжали существовать, хотя и вне закона.

При Марке Аврелии, опасавшимся за государственную религию ввиду численного роста христиан, государство начинает разыскивать христиан, вводятся пытки для вынуждения их отречения от веры. Христиан начинают изгонять из домов, бичевать, побивать камнями, их бросают в тюрьмы и лишают погребения. Бывало, что тела замученных христиан массами лежали на улицах городов. Однако и это гонение прекратилось после случившегося с императором чуда: во время войны в Паннонии (современной Венгрии) его войско попало в совершенно безводное место и гибло от жажды и зноя, но по молитве нескольких тайных христиан вдруг разразилась гроза и хлынул ливень.

В третий период особенно жестокие гонения осуществляли императоры Декий и Диоклетиан. Грубого и жестокого Декия (249-251 гг.) убедили, что целостность его государства неразрывно связана с сохранением язычества. В 250 г. он издал указ об обязательном принесении жертвы на алтарь языческих богов и насильственном принуждении к этому всех христиан без исключения. Если христианин скрывался – его находили, отказывался – его мучили, вынуждая отречься от Христа, если он бежал – лишали имущества и гражданских прав. Не все выдерживали такие мучения, были напуганные и приносившие жертву идолам, были отрекавшиеся после пыток, были покупавшие свидетельство об «отречении», но другие, даже претерпевая всевозможные мучения, не соглашались бросить щепотку ладана на курящийся жертвенник языческих богов. Было много отпадших от христианства, и Церковь была потрясена массовым отступничеством, но было много и мучеников. Некоторые из епископов удалялись со своей паствой в пустынные места на время гонений, и у них не было отпадших. После гибели Декия во время войны с готами гонения стихли, но не прекратились.

Император Валериан (253-260 гг.) своим эдиктом в 257 г. приказал ссылать в заточение епископов, пресвитеров и диаконов, а мирянам запретил составлять собрания. Но обезглавить Церковь не удалось, и тогда в 258 г. вторым эдиктом повелевалось казнить всех епископов и других священнослужителей, а христиан из числа знатных граждан и придворных – лишать имущества и отправлять на тяжелые работы, о простых людях император даже не упоминал, с ними всегда поступали жестоко.

Однако после 260 г. начинается мирное время, и христианство распространяется с необыкновенной быстротой. Церковь открыто вступает в мир. Появляются храмы, в которых совершается богослужение, христиане более не таятся, епископы становятся всем известными, пользуются уважением и почетом, христианство принимают многие высокопоставленные лица. Но накануне торжества Церкви произошло последнее жестокое гонение.

Диоклетиан был разумным государем, стремился к сохранению стабильности в огромной империи, но в последние годы правления его зять Галерий, заклятый враг христиан, побудил старого и тяготившегося делами императора к гонениям. В 303 г. один за другим были изданы четыре императорских эдикта, направленные на искоренение христианства и истребление всех христиан. Вся мощь государства с необычайной жестокостью обрушилась на существовавшие в разных провинциях общины, составлявшие Церковь. Запрещались все богослужебные собрания христиан, храмы разрушались до основания, священные книги отнимались и сжигались, упорствующие в вере лишались имущества и гражданских прав, христиане-рабы лишались права на получение свободы, при суде над христианами разрешалось применять пытки. Известно, что один из христиан, пораженный несправедливостью эдикта публично разорвал его, за что был приговорен к смерти.

В разных провинциях империи эдикты поначалу реализовывались по-разному. Кое-где допускались неявные собрания христиан, собиравшихся, например, в римских катакомбах, где-то допускался выкуп священных книг, но в большинстве городов разрушались храмы и огромное число христиан, молодых, старых и детей, богатых и нищих, простых граждан, рабов и аристократов подвергалось преследованиям. Священнослужителей заключали в тюрьмы, где всевозможными пытками их принуждали приносить жертвы идолам. Согласно четвертому эдикту, принятому в 304 г., все христиане поголовно осуждались на пытки и мучения для отречения их от Христа. Почти во всех провинциях империи началось открытое избиение христиан. Сохранились описания ужасов тех лет, собранные епископом Евсевием Памфилом (ок. 260-340 гг.) в его «Церковной истории». Христиан били палками, розгами, бичами, плетьюми, кнутами; тела мучеников терзали черепками, обрубали части тела, чрево, щеки; привешивали за одну руку, за одну ногу; распинали на кресте, отсекали голову, топили в море, колесовали, сжигали на кострах; на них выпускали пантер, медведей, диких кабанов, разъяренных быков.

Во Фригии, пишет епископ Евсевий, маленький городок, населенный христианами, «окружили солдаты и сожгли его дотла вместе с детьми и женщинами, взывавшими к Богу Вседержителю, сожгли потому, что все жители города: сам градоправитель, военачальник с прочими магистратами и весь народ – исповедали себя христианами» (34, с. 302).

И такие мучения христиан происходили не в несколько дней, а в продолжении нескольких лет. Власть полагала, что после такой кровавой резни с христианством покончено окончательно, но ее торжество было преждевременно. Все новые и новые поборники веры во Христа выступали, так что истощились силы нападающих.

Столетия мученичества христиан стали сильнейшим доказательством истины христианства. Однако было бы неверно сводить их мученичество к одному «геройству», отмечает прот. Александр Шмеман: «таких мучеников-героев имели все религии, и если бы числом жертв определялась истина идеи, то каждая могла бы предъявить своих. Но христианский мученик не герой, а «свидетель»: принятием страданий и смерти он утверждает, что царство смерти кончилось, что жизнь восторжествовала; он умирает не за Христа, а с Ним, и тогда в Нем же получает жизнь...» (94, с. 62). В многочисленных случаях желания смерти за Христа не было никакого истеричного восторга, а напротив, спокойная уверенность в победе над смертью, в превосходстве жизни с Богом над жизнью этого мира. *«Ибо если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним»*, – писал апостол Павел (1 Фес, 4:14).

Произошли перемены среди правителей империи. На западе титул императора принял Константин, наследовавший от отца благосклонное отношение к христианам, а на востоке неистовый Галерий был поражен тяжелой болезнью и назначил себе в преемники Лициния. В 311 г. Галерий, Лициний и Константин издают эдикт о прекращении гонений на христиан, тем самым засвидетельствовав бессилие римской власти и древнего язычества

перед христианством. Язычники поражались силе христианского Бога, защитившего Свою Церковь.

Христиане возвращаются из ссылки, возникают новые храмы, в которых священнослужители совершают богослужение. Гонения прекратились повсюду, хотя в отдельных провинциях местные власти еще преследовали христиан. К 313 г. Константин на западе и Лициний на востоке Римской империи утверждают свое господство, что повсеместно повлекло за собой коренное изменение в отношении к христианству.

Лекция 3. ЦЕРКОВЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ

1. Превращение христианства из гонимого или терпимого учения групп иудеев и язычников в государственную религию связано с личностью императора **Константина Великого**.

Флавий Валерий Константин Великий (ок. 285-337), император в 306-337 гг., был деятельным и воинственным государственным мужем, обладал дальновидностью и проницательностью. В юности он воспитывался при дворе императора Диоклетиана, видел и ужасы гонений на христиан и их необыкновенную стойкость, сочетавшуюся с верностью государству и власти. Он не был первым или единственным, кто начал поворот от гонений на христианство, но, будучи язычником и поклоняясь культу непобедимого Солнца, он искал истинного Бога и сумел осознать значение новой веры, а затем и укрепить ее положение. Таким образом, признание христианского учения Истиной было с его стороны актом столько же государственным, сколько и личным.

Император Константин боролся со многими врагами. В 308 г. он победил честолюбивого Максимиана, вознамерившегося захватить высшую власть в Риме. В 312 г. он воевал с сыном Максимиана, кесарем Максентием. Незадолго до решительной битвы Константин увидел в закатном темнеющем небе составившееся из света знамение креста с надписью «Сим победиши» (позднее он клятвенно засвидетельствовал факт видения). Той же ночью он видел во сне Иисуса Христа, повелевшего поставить ему на щитах его войска *лабарум* (христианскую монограмму ХР), и тут же приказал начертать каждому воину на щите эти буквы. Одержав победу, Константин в конце октября 312г. торжественно вошел в Рим и приказал на площади поставить свою статую с крестом в правой руке и с надписью: «Этим спасительным знаменем я спас город от ига тирана». Отныне знаменем его войск стал христианский символ, который они далее несли во всех походах.

Историки-рационалисты отвергают этот рассказ, как выдумку самого Константина или его историка епископа Евсевия Памфила, но Константин мог видеть такое редкое, но не уникальное природное явление. А апологет Лактанций свидетельствовал, что воины Константина действительно несли на своих щитах *лабарум* во время одной битвы, хотя относит ее на две недели позднее видения (68, с. 144).

Можно предположить, что Константин пережил личное обращение, когда Бог явился ему, но в то же самое время, он оказался способным увидеть в христианстве новую духовную основу своего государства. Вместе с Лицинием, правившим восточной частью империи, они издали указ, разрешающий свободно принимать христианство, а в 313 г.– Миланский эдикт, которым предписывалось возратить христианам места богослужебных собраний и все недвижимое имущество, отнятое во времена гонений. Однако у Лициния возникло подозрение, что Константин желает его свергнуть, и в этом ему помогают христиане восточных провинций. В 314 г. он повел гонение на христиан и начал борьбу с Константином, но в 324 г. потерпел поражение, лишился престола и жизни.

Установление полного господства Константина в империи не стало простой сменой правителя, т. к., новый император начал перестройку своего государства в соответствии с идеями и практикой христианской веры. За годы его правления были приняты следующие меры: в 314 г. прекращены языческие игры, в 313-315 гг. духовенство освобождено от

гражданских должностей, а церковные земли – от общих повинностей, в 315 г.– отменена казнь через распятие, запрещены организованные действия евреев против Церкви, в 316 г. разрешено освобождение рабов при церквях без лишних формальностей, в 319 г.– запрещено частным лицам приносить жертвы идолам и заниматься гаданием у себя дома (но это позволялось обществам), в 321 г. было повелено по всей империи праздновать воскресный день, позднее были отменены римские законы против безбрачия, Церковь получила право получать имущество по завещаниям; христиане допускались к занятию государственных должностей любого уровня; в 325 г. государство начало строить христианские храмы, куда запрещалось вносить императорские статуи и изображения. В то же время, Константин приговорил в 324 г. к смерти своего бывшего единомышленника Лициния, а в 326 г.– своего сына Криспа и свою жену Фаусту. Однако он все более начинал отождествлять Высшее Божество, которому поклонялся с юности, со Христом, которому поклонялись христиане.

В своей новой политике Константин встречал сильное противодействие среди римлян, где было особенно сильно языческое течение. Тогда он оставляет Рим и в 324-330 гг. переносит свою столицу в восточную часть империи, на место города Византия, хотя Константинополь сами его жители называли «новым Римом» (тогда же Иерусалиму было возвращено его имя вместо Элия Капитолина). Новая столица империи отстраивалась блестяще, там не было языческих капищ, там строились христианские храмы. Мать Константина царица Елена по его поручению отправилась в Палестину, где смогла найти крест, на котором был распят Иисус Христос; она начала сооружение храмов на местах, памятных для христиан – на Голгофе, в Вифлееме, в Хевроне у дуба Мамврийского.

Константин Великий способствовал объединению и организации Церкви как самим фактом интеграции всех частей империи под своей властью, так и приданием ей привилегированного положения среди других культов. Сам он, мысля в традициях римской государственности, рассматривал свое положение в качестве «епископа от внешних» и полагал себя вправе вмешиваться не только в вопросы церковного устройства, но и в догматические споры. Он созывал церковные соборы в 316, 325, 327 гг. для обсуждения возникавших конфликтов и споров, председательствовал на них и определял их решения (подробнее см. ниже). Тем не менее, по обычаям того времени, крещение он принял накануне смерти в 337 г.

Обращение императора Константина повлекло за собой самое большое изменение в положении Церкви за всю ее историю. Не просто изменились условия между государством и Церковью, но начались глубокие сдвиги в массовом сознании; государственная поддержка христианства усилила процесс перемен в мировосприятии и миропонимании людей; началось быстрое формирование видимой части вселенской Церкви, как вполне земного института, установление порядка богослужения и выработка целостного учения. Вместе с тем, переход христианства от существования среди отдельных общин, все члены которых пламенели верой, вся жизнь в которых шла открыто, а источником вероучения было Священное Писание, к положению государственной религии, чья господствующая роль в общественной жизни подкреплялась мощью государства, оказался сложным и противоречивым.

2. В 391-392 гг. Император Феодосий совершенно запретил языческие богослужения. С этого времени империя стала юридически христианским государством. Теократический абсолютизм античной государственности, унаследованный от древнего культа императора, признаваемого «священным посредником между Богом и людьми», определил не только характер нового государства в «Константиновскую эпоху». На века вперед закрепились главенствующая роль государства, превратившегося в «носителя» религии, хотя первый

христианский император оказался христианином вне Церкви, а его империя «стала христианской, не пройдя через кризис крещального суда» (94, с. 104).

Значение церковной иерархии в жизни византийцев нередко преувеличивается в работах историков. С V в. власть императора непременно получала религиозную санкцию со стороны главы Константинопольской поместной Церкви; с X в. специальным императорским указом был установлен особый налог в пользу Церкви, уплачивавшийся каждой деревней в натуральной форме; высшая власть поддерживала и защищала учение Церкви, изгоняла из империи еретиков, строились храмы. Все это, казалось, давало основания для возникновения подлинной «симфонии» власти светской (императора в государстве) и духовной (духовенства в Церкви), однако на деле привело к огосударствлению церкви в Византии.

Император Юстиниан Великий (правил в 527-565 гг.) так сформулировал цель своей деятельности: «Единое государство, единый закон и единая Церковь». Понимая, какое прекрасное орудие для власти представляет Церковь, он прилагал все усилия к тому, чтобы она находилась в его руках, чтобы он был хозяином в Церкви. Подобная политика светского преобладания в церковных делах получила название *цезарепапизма*. Сам Юстиниан Великий был православным и религиозно образованным человеком, но на престол вступали и совсем иные люди.

Михаил III (правил в 856-867 гг.) с юности заявил себя развратником, он кощунственно издевался над церковными обрядами и таинствами. Когда же благочестивый епископ Василий публично его обличил, император избил святителя собственноручно (53, с. 16, 35). Увы, императорская власть переходила в деспотизм в отношении самой Церкви, ее права попирались государством. Например, по воле императоров были смещены без всякой вины патриархи Игнатий и Фотий, причем на смену последнему император Лев VI поставил в 886 г. своего брата Стефана, которому едва исполнилось 16 лет (53, с. 29).

Священнослужители редко сопротивлялись незаконным действиям высшей власти, не осуждали и не обличали забвение императорами христианских норм и принципов. Тем не менее, Церковь, исполняя свое назначение, была поставлена на службу государству.

3. Следует особо сказать о той ожесточенной борьбе, которая шла в самом обществе в процессе формирования Церкви. Например, философы неоплатонической школы нападали на христианство и в то же время пытались включить его в свою систему. Философ Порфирий (233-304 гг.), ученик Плотина, написал несколько полемических сочинений, из которых наиболее известно пятнадцать книг «Против христиан». В них Порфирий пытается доказать ложность христианства, по крайней мере подорвать к нему доверие, утверждая, например, что Христос – благочестивый муж, не желавший, чтобы Его принимали за Бога, но ослепленные последователи превратили Его в Бога, а заканчивает просто ругательствами.

Во II в. появляются *апологеты* – защитники христианской веры. Одни из них подавали свои апологии императорам и иным правителям империи, дабы расположить их в пользу христиан. Другие выступали в защиту веры против нападков со стороны язычников и языческой философии. Среди них наиболее известны первый апологет Кодрат, святой Иустин Философ, епископ Сардийский Мелитон, Тертуллиан, Климент Александрийский и Ориген.

Апологии составили начало церковного богословия, первую попытку систематизировать данные Писания, Предания и опыт церковной жизни. По верному замечанию прот. Александра Шмемана, «сам факт появления их свидетельствует о совершающемся переломе. Сначала мир в лице Империи гнал христианство, пытался уничтожить его, но не спорил с ним. Он был равнодушен к его «содержанию», презирал его. На это равнодушие Церковь ответила «мартирией» мучеников, ею она заставила даже самых равнодушных

поглубже задуматься о такой вере, которая за ничто почитает смерть, в ничто вменяет все земные блага» (94, с.81). Конечно, это не означает презрения христиан к жизни, ибо они знают, что весь мир, окружающий их сотворен Богом как совершенный, и жизнь дана им Богом для достойного ее прохождения согласно дарованным заповедям. Не случайно, первое чудо совершенное Иисусом Христом было чудо в Кане Галилейской, Он впервые явно проявил свою божественную сущность в час земного веселья и радости. Все это требовало осмысления, как от вдумчивых верующих людей, так и от их противников.

Святой **Иустин Философ** (или Мученик) – грек по происхождению, родился в Палестине в начале II в. Он получил отличное философское образование, но это не удовлетворяло его. Один старец указал ему на Ветхий Завет и Писание о Христе, и Иустин становится христианином, признав эту философию единственно верной и полезной. С проповедью христианства он путешествовал по разным местам Азии и Европы, написал несколько сочинений. Две его Апологии, адресованные императорам, содержат глубокое по мысли и блестящее по форме изложение христианской веры. В «Разговоре с Трифоном иудеем» анализируется Ветхий Завет как приготовление к христианству, раскрывается учение о боговоплощении, утверждается всеобщность христианства в отличие от узко националистического иудаизма. Около 166 г. Иустин был арестован, отказался принести жертвы языческим богам и пошел на смерть, уверенный в своем спасении во Христе.

Ориген (185-254 гг.), «величайшее явление христианской богословской мысли, крупнейший богослов всех времен» (50 а, с. 31), в особенности прославился необыкновенными дарованиями и колоссальными трудами в богословии. Гениально одаренный, он уже в 17 лет, после казни своего отца-христианина и конфискации имущества семьи, стал наставником катехизического училища в Александрии и возглавил там борьбу против язычества. По просьбам верующих, он изъяснял Священное Писание в храмах, в годы гонений принужден был скрываться. Как апологет он известен замечательным трудом в восьми книгах «Против Цельса» и сводом четырех известных переводов Ветхого Завета со своими комментариями (текст погиб в 653 г.), а всего им было написано около 6 тысяч сочинений по всем отраслям богословской науки, вследствие чего ему присвоили наименование «адамантовый» («алмазный»).

Следует отметить, что философ-эклектик Цельс (Кельс) оказался серьезным противником христианства, изучил Ветхий Завет и другие писания. Около 150 г. он собрал все, что говорили языческие ученые против христианства, и попытался научно доказать его несостоятельность с позиций «культурного эллинизма», говоря о «варварстве», философской несостоятельности, противоречивости и неоригинальности христианства, заимствовавшего будто бы многое из философии Платона. Ориген достойно опровергнул его. Против мнения Цельса, что воплощение Бога несообразно с Его неизменяемостью, а также неизменяемостью мира, Ориген возражает, что Бог, промышляя о мире и человеке, по своей Божественной воле устраивает жизнь мира и спасение человека, сам оставаясь неизменяемым. Действительность воплощения Бога Слова Ориген доказывает ветхозаветными пророчествами, которые все исполнились в Иисусе Христе. В доказательство Божественности Иисуса Христа Ориген приводит проповедь апостолов и распространение христианства, несмотря на все препятствия.

В «Призыве к мученичеству», написанному Оригеном во время гонений Максимиана (235-238 гг.), он раскрывает свое понимание мученичества. Оно для него шире исповедания Христа перед гонителями, оно – вся жизнь христианина, который в этом мире не может не идти узким путем, если стремится к евангельскому совершенству. Ориген – один из первых христианских интеллектуалов, но он не отбрасывал языческую мудрость. «Я хотел бы, чтобы ты употребил все силы твоего ума на пользу христианства, которое должно быть высшей твоей целью, – писал Ориген своему ученику Григорию.– Чтобы достичь этого, я

желаю, чтобы ты взял от греческой философии круг знаний, могущий быть введением в христианство...» (Цит. по: 94, с. 96).

Образ жизни Оригена был крайне аскетический, он много помогал жертвам гонений, скончался после тяжелого тюремного заключения. Впрочем, при том, что Ориген был глубоко верующим христианином, не все его сочинения могут быть безоговорочно названы сочинениями христианского мыслителя. В частности, учение Оригена о трех ипостасях единого Бога, о предвечности существования всех разумных существ и его сотериология о безусловном спасении всех, впоследствии не были приняты Церковью (см. 59, гл. 7).

4. В самые первые годы существования Церкви в ней стали возникать разного рода лжеучения, иногда перераставшие в ереси и расколы, и это явление оказалось более опасным для Церкви, чем открытое гонение со стороны государства.

Ересь – это отпадение от единства Церкви из-за разномыслия по вопросам вероучения. Вначале христианское учение искажали привнесением в него иудейских воззрений, например, отрицая божество Иисуса Христа и признавая Его лишь великим пророком. Язычники учили о двух началах – Боге и материи, о вечной борьбе между ними, о всевластной слепой судьбе, об зонах – низших божествах. В Христе они видели «высший зон», явившийся в призрачном теле, или, по мнению других, соединившийся со святым человеком Иисусом при крещении.

Апостол Павел назвал проповедь о Христе, распятом и воскресшем, для эллинов – «безумием». В самом деле, образ радостной гармонии античного греческого мира основан, по словам прот. Александра Шмемана, на поисках и выражении «идеальной формы» мира, скрытой за его текучим, переменчивым обликом (94, с.64). Христианство глубоко исторично, принцип историзма пронизывает все Священное Писание, показывающее мир в его реальном состоянии, полном трагических противоречий и конфликтов, ошибок, страданий, бедствий и зла; в Писании ясно выражена конкретность, единичность и неповторимость мира и людей, «весь мир пронизан личной жизнью и потому раскрывается как история. Он находит свое средоточие в человеке, свободной личности, стоящей перед Личным Богом и перед ним избирающей и решающей свою судьбу» (94, с.65). Оказывалось невозможным соединить такое реалистическое мировосприятие с идеализмом греческого миропонимания, в котором центр всех устремлений составляла Природа.

На такой идейной и духовной основе возник и получил широкое распространение *гностицизм* (от греческого «гнозис» – «знание») – совокупность религиозно-философских систем, пытавших перетолковать христианство на эллинистический, т.е. языческий лад. Гностики разделяли Бога Ветхого Завета и «высшего божества» – Бога Нового Завета, отрицали идею единосущной Троицы и возможность общения между абсолютным и относительным бытием, т.е., между Богом и человеком, они допускали возможность существования человека, лишь казавшегося Богом. Различные группы гностиков имели свои собственные «писания», надписанные именами апостолов, утверждали о наличии у них «тайных апостольских преданий, переданных устно».

Так, около 144 г. некий Маркион, сын епископа, появляется в Риме, предлагает миру свое понимание христианства и основывает особую общину. Для него ветхозаветный Бог есть злой Бог, от власти которого нас пришел спасти Христос, а единственным выразителем чистого учения Христа является апостол Павел. Поэтому Маркион отвергал все новозаветные писания, кроме посланий Павла и Евангелия от Луки (ученика Павла), и в их трудах выбрасывал все ссылки на Ветхий Завет, заменяя их своими вставками. «Создав свое собственное понимание христианства, он им затем мерит и судит Писание, провозглашая «неподлинным» все, что не подходит под его взгляды» (94, с.76). Он проповедует беспощадный аскетизм, абсолютное половое воздержание и создает новые посты. В то же время, соблюдение его сторонниками принятой богослужебной практики

(крещение водой, помазание елеем, создание общин во главе с епископами) усиливали соблазн для верующих.

Опасность этой угрозы для Церкви была осознана еще в апостольские времена. «*Смотрите, братия, – писал апостол Павел к Колоссянам, – чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу...*» (Кол, 2:8). Борьбу с гнозисом возглавили первые христианские богословы, среди которых следует прежде назвать св. Иринея Лионского, написавшего «Обличение и опровержение учения, ложно именующего себя знанием», а сама эта борьба продолжалась еще несколько веков.

В ходе борьбы с гнозисом формировался окончательный канон книг Нового Завета, укрепились принципы церковного предания и апостольского преемства иерархии. Возникло понимание необходимости более твердых форм организации Церкви, и это обстоятельство способствовало иерархическому устройению церковной жизни, иерархия целиком усвоила себе церковное учительство. Св. Ириней Лионский в защите истины Церкви решительно сослался на ее апостольство и указал признак истинной Церкви в преемстве богоучрежденной иерархии (17, с.575). «Остерегайтесь расколов – начала всякого зла, – писал св. Игнатий, епископ Антиохийский.– Следуйте за своим епископом, как Иисус Христос следовал за Отцом; идите за пресвитерами, как за Апостолами; и почитайте дьяконов, как Божьи заповеди» (Цит. по: 54, с. 15). Тем самым, вырабатывались основы существования Церкви земной – на основе принятия церковным сознанием Слова Божия как источника своего существования.

В 70-х годах II в. широкое распространение получило учение Монтана, названное по его имени *монтанизмом*. В то время тяжелых гонений на Церковь в ней принимались меры к установлению иерархии, образовался канон богослужения, выработался символ веры. Однако полуанархический энтузиазм отдельных пламенных ревнителей веры укреплял их в ожидании теперь же прихода Христа, они не желали устраиваться в земной жизни прочно и надолго. Монтан объявил себя Утешителем («параклетом»), посланным Богом для обновления Церкви. Он учил о близком неминуемом конце света и, естественной в связи с этим, необходимости крайнего аскетизма: никаких браков, долгие посты и покорное принятие мученичества, хотя апостол Матфей писал: «*Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой...*» (Мф, 10:23). Монтанисты отвергали Новый Завет, называя его приверженцев «душевными», а себя – «духовными». Экзальтированный аскетизм и крайняя непримиримость к инакомыслящим были довольно охотно восприняты, к сторонникам монтанизма присоединился известный «отец западной теологии» Тертуллиан. В этом движении ригористов проявилась тоска по первоначальной чистоте, по напряженности жизни первохристианских общин, но Церковь должна была победить эту ересь, дабы не остаться замкнутой группой «совершенных», а принять в себя всех людей для их воспитания (69, с. 87).

Ересь *антиринитариев* основывалась на почитании единого Бога Отца, а Второе и Третье Лица Пресвятой Троицы они считали божественными силами или только формами откровения единого божества. Эту ересь разделяли многие секты в течение столетий.

Павлианство возникло на основе лжеучения антиохийского епископа Павла, отвергавшего учение о божестве Иисуса Христа и считавшего Его лишь человеком, исполненным особой божественной мудрости. Основателем *савеллианства* стал пресвитер из города Полемаиды Савеллий, учивший, что единый Бог является в мир то как Отец, давая законы евреям, то как Сын, просветив мир Евангелием, то как Святой Дух, действуя в сердцах верующих.

В III в. умы и сердца людей стала пленять ересь *манихейства*, основателем которого стал некий Мани (ок. 216-ок. 277 гг.), бывший христианином и пресвитером, но изверженный из сана за приверженность к язычеству. Мани учил об изначальности зла.

Полемизируя с христианским учением, он утверждал, что самостоятельно существуют два царства – света и тьмы; что с некоторого времени они находятся в борьбе и от этого смешения света и тьмы образовался наш мир; что частицы света, заключенные в мире материи, жаждут своего освобождения, а этому помогают Христос, живущий в солнце и луне, и Святой Дух, живущий в эфире, окружающем землю; человек двойственен, в нем две души – добрая и злая, которые воюют друг с другом, поэтому порок – не грех, а только несчастье. Ересь эта получила широкое распространение в Малой Азии, Персии, Средней Азии и Индии.

Следует упомянуть также о довольно широком распространении *хилиазма* (от греч. хилиазос – тысячелетие), учения о наступлении земного тысячелетнего царства Христа на земле. Истоки этого учения – в ожидании правоверными евреями Мессии – не Искупителя, а царя. Это учение разделялось и некоторыми из отцов и учителей Церкви, но Церковь отвергала его наряду с ересями монотанистов и гностиков.

Наряду с ересями в Церкви появились и *расколы* – отпадения от церковного единства из-за разномыслия по вопросам обрядов, богослужения и управления церковного. Наиболее известны из расколов древней Церкви расколы новациан и донатистов.

Раскол *новациан* был порожден в середине III в. серьезным и крайне актуальным вопросом об отношении к падшим, т.е. изменившим вере во время гонений. К тому времени, римская власть, наученная опытом, пыталась не просто уничтожить Церковь, а разложить ее, и потому верных христиан гноили подолгу в тюрьмах и подвергали пыткам, вынуждая к отречению от веры. Пресвитеры Новаций в Риме и Новат в Карфагене требовали, чтобы эти падшие, как совершившие смертный грех, были принимаемы в Церковь не иначе, как после повторного крещения. Между тем, падшие, зная строгость епископов, стали обращаться к исповедникам веры, к тем, кто устоял под мучениями и пытками, таких оказалось больше, нежели погибших мучеников. И вот исповедники стали давать рекомендации к епископу о принятии падших в церковное общение после покаяния. Один из самых строгих ревнителей веры, епископ Киприан Карфагенский, дабы не допустить возникновения двойного авторитета в Церкви, на созванном им в 251 г. соборе утверждает смягченное отношение к падшим (одних принимают в церковное общение только на смертном одре, других – после продолжительного покаяния). Реализм и милосердие восторжествовали над ригоризмом и жестокостью, но непримиримые стали объединяться в секты «чистых», которые возглавили Новаций и Новат. В борьбе с расколом Церковь объединилась вокруг епископов. Новацианство в своей защите принципов оказалось вне Церкви, считая ее «запачканной». Стоит добавить, что новациане просуществовали до VII в., а строгий епископ Киприан был казнен в сентябре 258 г.

Раскол *донатистов* возник в Африке в период смуты, когда атмосфера в Церкви была отравлена недавними гонениями, что порождало подозрения в падениях. В Карфагене часть христиан отказалась признать нового епископа Цецелиана, потому что в его рукоположении принимал участие некий Феликс, епископ Аптонгский, которого обвиняли в выдаче священных книг властям во время гонений. Эта группа избрала своим епископом Доната, по имени которого и получила название секта. В нее вошли люди и ученые и верующие, но лишены любви, полные непреклонной духовной гордости, набожность их была фарисейской. Донатисты поносили «падшую» Церковь, отнимали у православных храмы, которые тщательно вымывали.

С расширением Церкви и увеличением числа христиан понемногу понижается духовный уровень общин, как бы ослабляется тот «огонь», которым горели первые христиане. Собственно, грех и падения были в церкви с самого начала, и об этом открыто повествуется в Писании, но для первохристианства Церковь – это общество святых, святость – норма ее жизни, получившие белую одежду крещения сохраняют ее непорочной до конца. «Мы знаем, что всякий, рожденный от Бога, не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и

лукавый не прикасается к нему», – писал апостол Иоанн Богослов (1 Ин, 5:18). Все учение апостола Павла основано на напоминании: «вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу» (Еф, 2:19). Но святость не означает безгрешности, один Бог безгрешен. Согрешивший же должен покаяться, но само покаяние только потому и возможно, что оно есть возвращение к уже полученному ранее состоянию чистоты.

Означает ли это превращение Церкви из общества «спасенных» в общество «спасающихся»? Нет. Святость Церкви как целого не исключает, а напротив, предполагает постоянное покаяние отдельных ее членов в своей греховности и недостойности, ибо сила «ветхого», греховного начала сильна даже в «преображенном водою и духом». Церковь трезво сознает действительность, это общество грешников, которым дано спасение. По словам Иисуса Христа, «не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк, 2:17). Но это спасение – не магия, оно дано для свободного принятия, для самостоятельной борьбы с грехом, для духовного возрастания человека. Происхождение названных выше ересей коренится в страхе или нежелании людей принять вместо «чуда» – реализм Церкви, остающейся в миру, в истории.

5. Следует особо сказать об устройстве и управлении Церковью.

«Церковь постепенно становилась иерархически устроенной организацией, предназначенной для нравственного совершенства входящих в ее состав членов и обладающей для этого особыми, подаваемыми через иерархию, благодатными силами» (17, с.576). Церковь отвергла попытки растворить ее в окружающем языческом мире путем гностицизма и избежала иудейского соблазна жестко отгородиться от мира. Она становилась целостной вселенской организацией с точными границами, установившимися авторитетами и дисциплиной. В начале III в. в одной Римской Церкви насчитывалось до 100 пресвитеров, имелись свои храмы, кладбища, богадельни, велась благотворительная работа. В Африке на соборы съезжалось до 300 епископов. Вся Малая Азия была покрыта христианскими общинами. В первом соборе империи, храме св. Софии в Константинополе служили в 537 г. 60 священников, 100 диаконов, 90 иподиаконов, 110 чтецов, 25 певчих, 100 привратников (60, с. 47).

При основании Церкви возникли три степени церковной иерархии – диаконство, пресвитерство и епископство. Вначале должности эти были выборными из числа желающих того верующих. Начиная с IV в. требования к желающим вступить в клир (служащих в какой-либо церкви) становились все строже. С IV в. в Александрии, Антиохии, Эдессе и других местах возникают специальные училища для подготовки богословски образованных священнослужителей. Были установлены возрастные ограничения: в диакона поставляли не прежде 25 лет, в пресвитера (священника) – не прежде 30 лет, во епископа не менее 40 лет (иногда в 35 лет).

В первые века христианства епископы сами отправляли функции не только епископского надзора, но и пресвитерского служения. По мере возрастания числа церквей в той или иной местности там образовывалась епархия, во главе которой поставлялся *епископ*. Он обладал всей полнотой апостольской власти и по этому праву контролировал церковную жизнь своей епархии, не имея права вмешиваться в дела чужой епархии. Преемство апостольской власти ставило епископа на совершенно особое положение в церковной жизни, «без епископа нет церкви», говорили тогда, «кто не с епископом, тот не со Христом» (12, т. 1, с. 530-531). Все епископы равны между собою, но преимущество чести отдают старшему по важности города, в котором была кафедра, – так возникают митрополии, а затем отдельные Поместные Церкви, во главе которых стоят иерархи. В первые десятилетия Церкви государственной прежде отеческое, патриархальное управление епископа сменяется довольно развитой системой бюрократических учреждений и должностей.

Священник (или пресвитер) после хиротонии (своего рукоположения в священный сан епископом) служит в одном храме, отправляет там богослужение, совершает таинства и требы для верующих. Он является духовным наставником для своих прихожан.

Диакон – низшая ступень священства, но в этот сан его также рукополагает епископ. В первые века христианства Диаконы (особенно архидиаконы) выполняли обязанности посредников между епископом и его паствою и играли более значимую роль, чем пресвитеры. В дальнейшем они стали выполнять функции помощников священника при совершении богослужения.

Лекция 4. ИСТОЧНИКИ ХРИСТИАНСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ

1. Христианское вероучение сосредоточено в двух источниках – *Священном Писании* и *Священном Предании*.

Священное Писание составляют книги Ветхого и Нового Заветов. Книги Ветхого Завета были давно известны, их тексты из поколения в поколение передавались верующими евреями, в III в. до Р.Х. были переведены на греческий язык (Септуагинта).

Свод текстов Нового Завета образовался в I веке. В первые десятилетия христианства происходит соби́рание и строгий отбор текстов, несомненно принадлежащих апостолам, отделение их от подложных книг, которые надписывались апостольскими именами (апокрифические евангелия «от Никодима», «от Фомы» или «Апокалипсис Петра» и др.). Таким образом к V в. образовался один во всей Вселенской Церкви сборник или *канон* священных книг Нового Завета.

Однако апостолы и до и после написания Евангелий несколько десятилетий проповедовали евангельское учение, основываясь на данных им поучениях Иисуса Христа. На апостольских соборах они решали практические вопросы жизни Церкви. Очевидно, что в написанные ими Евангелия, книги Деяний апостолов и Апостольские послания вошли наиболее существенные моменты учения, а частности и практические указания (акты мучеников, правила апостольские, древние литургии и пр.) были развиты апостолами устно и передавались предстоятелям церквей, составив устное предание. Например, один из первых христианских богословов св. Иринея Лионский (ок. 130-202 гг.) был учеником св. Поликарпа Смирнского, и в своих воспоминаниях он передавал рассказы св. Поликарпа об общении того с апостолом и евангелистом Иоанном Богословом, который рассказывал о чудесах и учении Иисуса Христа. Апостольская Церковь тщательно хранила от непосвященных свои таинства (крещения, Евхаристии), поэтому на их совершение не допускались посторонние, их порядок не записывался, а передавался устно. О важности их так писал в IV в. св. Василий Великий: «Из соблюдаемых в Церкви догматов и проповеданий некоторые мы имеем от письменного наставления, а некоторые прияли от апостольского предания, преимущественно втайне. Те и другие имеют одну и ту же силу благочестия, и этому не станет противоречить никто, даже малосведущий в церковных установлениях» (Цит. по: 2, с. 20-21).

2. *Библия* – так называется в Христианской Церкви собрание книг, написанных по вдохновению и откровению Святого Духа через избранных Богом людей. Евреи не знали этого слова и свои священные книги обозначали как Писания или Завет. Впервые собрание священных книг назвал Библией св. Иоанн Златоуст в IV в. (12, т. 1, с. 255). Это слово произошло от греческого «библиа», что означает «книги».

Библия уникальна. Она уникальна своей целостностью, хотя писалась на протяжении 1500 лет при жизни 40 поколений, более чем 40 авторами, среди которых были цари, крестьяне, поэты, государственные деятели, ученые, рыбаки. Они оставались людьми, каждый со своим характером и стилем, но через них говорил Бог. Эта Книга книг уникальна тем, что, затрагивая сотни различных важных и нередко спорных для человека

тем, авторы Библии трактуют их единым образом и ведут к одной мысли: об искуплении Богом греха человека. Любую часть Библии можно правильно понять и объяснить лишь в контексте всей Библии.

Удивительна жизнеспособность Библии. Она была написана на непрочном материале (пергаменте и папирусе), ее множество раз переписывали, но это не намного ухудшило качества текста и не повредило его точности. Переписчики копировали текст с величайшей тщательностью и со временем стали нумеровать стихи и слова. Разделение сплошного текста на главы появляется в XIII в., разделение на стихи – в XVI в. Библия была переведена с древнееврейского и арамейского языков на греческий около 250 г. до Р. Х. (т. н. Септуагинта), на латинский – в конце IV в. (Вульгата), а к середине XX в. переводы Библии вышли на 240 языках мира, отдельные книги – еще на 739 языках (21, с. 10).

Враги Библии преследовали ее как никакую другую книгу на протяжении двух тысяч лет. Ее сжигали, запрещали, объявляли вне закона множество могущественных правителей от римских императоров до генеральных секретарей компартий. Вольтер говорил, что через сто лет после его смерти христианство будет сметено с лица земли и уйдет в историю. Но в историю ушел Вольтер, а Библия остается самой читаемой книгой в мире.

Библия пережила сокрушительнейшую критику. Ни одну другую книгу в истории так придирчиво не разбирали, так неудержимо не порочили. Например, долгое время утверждалось, что Моисей не мог быть автором Пятикнижия (первых пяти книг Ветхого Завета), потому что в его времена еще не существовало письменности. Но вскоре археологи открывают т. н. «черную стеллу», на которой клинописью подробно излагались законы египетского царя Хаммурапи, жившего не менее чем за три века до Моисея. Археологические изыскания подтвердили верность факта громадного потопа, а исследования медиков и биологов – факт происхождения всех людей на земле от одного предка. Город Назарет – родина Иисуса Христа, вообще не упоминается в книгах Ветхого Завета, на основании чего многие ученые считали его выдумкой евангелистов. Однако археологи доказали существование Назарета уже в I в. до н.э. (45, с. 132).

Внимательное чтение Библии открывает содержащиеся в ней пророчества: предсказания ветхозаветных пророков о чудесном рождении Мессии – Спасителя (чего нет ни в одной другой религии мира). При этом Библия откровенна, она не скрывает грехов своих героев, не затушевывает темные стороны жизни людей.

Не удивительно, что Библия была первой религиозной книгой попавшей в космос, что американские космонавты на поверхности Луны читали первый стих первой главы книги Бытие: *«В начале сотворил Бог небо и землю...»* «Если вы умный человек, – замечает американский проповедник Библии Д. Мак-Дауэл, – то при условии, что вы ищите истину, вы будете читать ту единственную книгу, которая привлекла к себе больше внимания, чем все остальные» (21, с. 16).

Библия – это единое повествование о человеческом роде от создания мира и человека до спасения его Иисусом Христом и до конца этого мира. Неверно смотреть на эти тексты как на литературное или историческое произведение (хотя в Библии есть и история и литература). Каждая фраза Священного Писания несет в себе смысл больший, чем можно выразить человеческим языком, поэтому слова Библии можно понимать не только в их буквальном значении. (При всей важности самостоятельного прочтения Библии весьма полезно обратиться к ее толкованиям, написанным многими учеными Церкви, чем занимается специальная отрасль богословия – экзегетика или герменевтика).

Единственная и главная цель библейских авторов состоит в раскрытии действия Божия в мире, это книга Божественного Откровения. «Цель Библии – показать, что вся человеческая история, все, что случается с людьми изо дня в день, – это исполнение того, о чем предрекает Дух Святой. Библия напоминает нам: человек – это не игрушка слепой судьбы, как думали древние римляне и греки и как думают многие сегодня. Жизнь любого человека

– в руках любящего всех Бога, от которого все зависит. Воля Божия – вести человека к единственно истинной цели – ко спасению» (8, с. 215).

В то же время, утверждает св. Иларион (Троицкий), «можно знать наизусть весь Новый Завет... и, однако, быть очень и очень далеким от спасения. Для спасения необходимо приложиться к Церкви... Книги Священного Писания – одно из средств, через которые в Церкви действует на людей благодатная сила Божия» (18, с.8-9). «Может быть, самое печальное в наше время есть именно подделка Христа и Церкви, – писал св. Иларион (Троицкий) в 1914 г.– На христианство смотрят не как на новую жизнь спасенного человечества, объединенного в Церкви, а только как на сумму некоторых теоретических и моральных положений. Слишком много и часто стали теперь говорить о христианском учении и забывать стали про церковную жизнь... Но эти речи – лишь один самообман и печальное недоразумение. Правильно мыслить о Писании мы можем лишь выходя из идеи Церкви, а правильно употреблять Писание себе на пользу мы можем только *живя в Церкви*. Без Церкви, без церковной жизни в ничто разрешается само христианство и чтением литературных памятников умершей жизни заменить нельзя» (18, с. 15, 18).

3. В состав *Ветхого Завета* Православной Библии входят 39 канонических и 11 неканонических (включенных для назидательного чтения) книг. Протестанты неканонические книги печатают отдельно, а у католиков в канон входят 45 книг Ветхого Завета (здесь и далее: по 8, с.221-266).

Ветхий Завет начинается с рассказа о происхождении мира, составленного по преданиям и особо открытым Богом великому пророку Моисею (время его жизни – примерно XIII в. до Р. Х.). Ветхий Завет сам свидетельствует о том, что он – нечто большее, чем историческое повествование о еврейском народе. «Как для евреев, так и для христиан он является священной историей того, как Бог открывался и открывается человеку. В нем записано не только то, что Бог совершил в прошлом, но и Божий план будущего человечества – утверждал американский профессор С.Дж. Шульц.– В своей полноте Ветхий Завет может быть понят только как священная история. Для полного понимания его содержания и значения никак нельзя обойтись без признания как естественных, так и сверхъестественных фактов, содержащихся в Библии» (95, с. 13).

Первые пять книг Библии составляют одно целое – Пятикнижие Моисея: *Бытие* (сокращенно Быт.) – книга о происхождении мира, рода человеческого и избранного народа; *Исход* (Исх.) – об исходе евреев из Египта; *Левит* (Лев.) – закон для священников из колена Левиина; *Числа* (Чис.) – описание переписи народа; *Второзаконие* (Втор.) – подробное изложение Закона, данного Моисею Богом на Синае.

Исторические книги (написаны не ранее 562 г. до Р.Х.): *Книга Иисуса Навина* (Нав.) – о еврейском народе в эпоху Вавилонского пленения; *Книга Судей* (Суд.) – описывает завоевание Земли Обетованной и рассказывает о деяниях судей в 1250-1200 гг. до Р. Х.; *Книга Руфи* (Руфь) – трогательная история о вознаграждении надежды на Бога.

Книги Царств: в 1-й и 2-й книгах (1 Цар. и 2 Цар.) рассказывается о царствовании Саула и Давида, 3-я книга (3 Цар.) – о царствовании Соломона, о разделении царства после его смерти в 931 г. до Р. Х. на Израильское и Иудейское, 4-я книга (4 Цар.) – об ослаблении Израиля и взятии Иерусалима Навуходоносором в 587 г. до Р.Х. 1-я и 2-я книги *Паралипоменон* (1 Пар. и 2 Пар.) – это исторические записи, во многом повторяющие Книги Царств; 1-я *Книга Ездры* (1 Езд.), *Книга Неемии* (Неем.), 2-я и 3-я *Книги Ездры* (2 Езд. и 3 Езд.) – о возвращении иудеев из плена в 536-520 гг. до Р.Х. и их обустройстве, обличение грехов народа и предсказание ему будущей радости.

Книга Товита (Тов.) – семейная хроника, написанная около 200 г. до Р. Х.; *Книга Иудифи* (Иудифь) и *Книга Есфири* (Есф.) – о победе избранного народа над его врагами.

Учительные книги и книги мудрых Израиля: Книга *Иова* (Иов) – повествование о великом праведнике; *Псалтирь* (Пс.) – собрание 150 духовных песнопений (молитв, славословий или поучений), большая часть которых принадлежит царю Давиду (царствовал в 1004-965 гг. до Р. Х.); *Книга притчей Соломона* (Притч.) – собрание нравоучительных мыслей и поучений; *Книга Екклезиаста* (Еккл.) – свободное размышление о тщетности всего земного; *Песнь песней Соломона* (Песн.) – символическое изображение Христа и Церкви, так толкуют эту Книгу богословы; *Книга премудрости Соломона* (Прем.) – размышления о Боге, человеке и мире; *Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова* (Сир.) – размышления о мире и о необходимости соблюдения Закона, данного Моисею.

Пророческие книги делятся условно на книги четырех «великих» и двенадцати «малых» пророков: *Книга пророка Исаии* (Ис.) (около 765-701 гг. до Р. Х.) – пророчества о суде над народами, притесняющими Израиль, о будущем царстве Христа Спасителя и всеобщем суде; *Книга пророка Иеремии* (Иер.) – обличение иудейского народа и пророчества другим народам; *Книга плач Иеремии* (Плач) – скорбь после разрушения Иерусалима в 587 г. до Р.Х.; *Послание Иеремии* (Посл. Иер.) – рассуждение против поклонения идолам; *Книга пророка Варуха* (Вар.) – написана в Вавилоне после увода народа в плен; *Книга пророка Иезекииля* (Иез.) – пророчество о суде Божиим над виновным Израилем и его помиловании; *Книга пророка Даниила* (Дан.) – о жизни Даниила и его друзей, пророчество о последних временах.

Также *Книга пророка Осии* (Ос.) – устами пророка Бог обличает народ и обещает помилование, если народ возвратится к вере отцов; *Книга пророка Иоила* (Иоил) – о бедствиях народа как суде Божиим над ним; *Книга пророка Амоса* (Ам.) – обличение народа Израиля и призыв к покаянию; *Книга пророка Авдия* (Авд.) – предсказание «дня Господнего», грозного для всех народов; *Книга пророка Ионы* (Иона) – переживания Ионы, посланного Богом в Ниневию, чтобы привести ее жителей к покаянию, и прошедшего три ночи внутри огромной рыбы; *Книга пророка Михея* (Мих.) – обличение распущенности народа и пророчество о грядущем Спасителе из Вифлеема; *Книга пророка Наума* (Наум) – описание гибели Ниневии; *Книга пророка Аввакума* (Авв.) – разговор пророка с Богом; *Книга пророка Софонии* (Соф.) – о грядущем суде Всевышнего и будущем царстве света и радости; *Книга пророка Аггея* (Агг.) – предсказание о восстановлении храма в Иерусалиме и приходе в него Спасителя, (написанная ок.520 г. до Р.Х.); *Книга пророка Захарии* (Зах.) – пророчество о Входе Господнем в Иерусалим на осле; *Книга пророка Малахии* (Мал.) – призыв иудеев к покаянию и пророчество о Предтече Спасителя.

1-я, 2-я и 3-я *Книги Маккавейские* (1 Мак., 2 Мак., 3 Мак.) описывают борьбу еврейского народа против завоевателей во II-III вв. до Р. Х.

4. В состав *Нового Завета* входят 27 канонических книг: книги законоположительные – четыре Евангелия, книга историческая – Деяния апостолов, книги учительные – соборные послания апостолов, послания апостола Павла, книга пророческая – Откровение апостола Иоанна Богослова (Апокалипсис). Все книги были написаны на греческом языке (по преданию, Евангелие от Матфея было написано на древнееврейском языке, но сохранился лишь греческий перевод). Время написания каждой из книг не может быть определено с безусловной точностью. Сохранилось много текстов этих книг, датируемых II-XVI вв. Деление Нового Завета на главы было проведено в XII в., а на стихи еще позднее – в XVI в. Содержание и самый дух Нового Завета заметно отличаются от Ветхого Завета, однако они не случайно соединены в одно целое. Ветхий Завет служил основанием для Нового, апостолы и евангелисты постоянно ссылаются на тексты Ветхого Завета, обе части Библии взаимно дополняют друг друга.

Первую часть Нового Завета составляет Евангелие (греч. «благая весть») или Четвероевангелие, поскольку оно написано четырьмя евангелистами. Тексты книг

Евангелия во многом схожи, ведь их авторы писали об одном и знали написанное другими, однако они по-своему рассказывали о том, что видели сами или о чем слышали от очевидцев. Особенно заметны совпадения между тремя первыми Евангелиями от Матфея, Марка и Луки, они называются синоптическими («сводящимися воедино»). Четвертое Евангелие – от Иоанна отличается от них по стилю и по содержанию, однако дышит тем же духом, что и остальные. Синоптические Евангелия повествуют почти исключительно о деятельности Иисуса Христа в Галилее, апостол Иоанн, – также о Его деятельности в Иудее; синоптики рассказывают главным образом о внешних событиях в жизни Иисуса Христа, о чудесах, пересказывают притчи, а апостол Иоанн рассуждает о глубочайшем смысле человеческого воплощения Бога, раскрывает учение об Иисусе как Сыне Божиим (см. 14). Церковь не свела эти четыре книги в одну, дабы сохранить четыре равноценных, живых исторических и духовных свидетельства.

Евангелие от Матфея (Мф., 28 глав) написано между 50 и 70 годами одним из двенадцати апостолов, бывшим ранее сборщиком пошлин (мытарем) в Капернауме. Рассказывается о рождении и детстве Иисуса Христа, Его проповеди, служении и чудесах, Его страстях и воскресении Его. Основное внимание сосредоточено на проповеди Господа Иисуса Христа о грядущем Царствии Божиим. Это единственное Евангелие, в котором прямо говорится о Церкви (16:18; 18:17). В христианском искусстве символом евангелиста Матфея стал человек или ангел, потому что в его Евангелии особенно подчеркивается человеческое происхождение Иисуса Христа.

Евангелие от Марка (Мк., 16 глав) написано между 65 и 68 годами племянником апостола Иосифа Варнавы, обращенного в христианство апостолом Петром, а впоследствии ставшем спутником апостола Павла в его миссионерском служении (по другой гипотезе, это первое Евангелие, послужившее одним из источников для Евангелистов Матфея и Луки – см. И, т. V, с. 95-96). Написано Евангелие со слов апостола Петра. Главная цель автора – убедить язычников, что Иисус Христос – это Бог, сошедший на землю и принявший образ человека. Здесь нет попыток скрыть или преувеличить сверхъестественный аспект жизни Иисуса, намного меньше притч и образных высказываний. Евангелие написано кратко, ясно и живо, евангелист дал возможность фактам говорить за себя, его можно назвать «Евангелием действия». Символ евангелиста Марка – лев, ибо он подчеркивает царственное всемогущество Бога.

Евангелие от Луки (Лк., 24 главы) написано после 70 года одним из ближайших сподвижников апостола Павла, имевшим хорошее образование и литературный дар. При написании своего повествования автор уже знал Евангелия от Матфея и Марка, а также другие письменные и устные повествования о Мессии, предположительно и рассказы Девы Марии. В Евангелии от Луки более ярко показана человеческая сторона Личности Спасителя, дано Его жизнеописание в полноте от рождения до смерти, а также в книге содержится очень много притчей, написанных просто и выразительно. Символ евангелиста Луки – телец (как жертвенное животное), ибо он преимущественно пишет о Христе, принесшем Себя Самого в жертву за грехи мира.

Евангелие от Иоанна (Ин., 21 глава) написано в 90-х годах любимым учеником Иисуса Христа, бывшим непосредственным свидетелем служения Спасителя, Его чудес и проповедования. Это самое необычное, дополняющее первые три Евангелия. Написано оно по просьбе учеников апостола и считается особенно возвышенным, духовным и богословским, в нем открываются многие стороны и Божества и человеческой Личности Бога. Главное его содержание: Иисус Христос – это истинный Спаситель, которого ждало человечество. Апостол подчеркивает личное отношение Христа к человеку. Жизнь по апостолу Иоанну – это не просто жизненная сила животного или простое человеческое существование. Она включает новое сознание, новое взаимодействие с окружающим миром и постоянное совершенствование человека. Сам Христос даёт нам образец такой жизни, для

христианина это Божий дар и цель, которую Бог ставит перед человеком. Повествование подводит читателя к «вечной сущности христианского учения, к тайне отношений Отца и Сына, к тайне Христовой Церкви» (50, с.503). Символом евангелиста Иоанна стал орел.

Деяния апостолов (Деян.) – это повествование апостола Луки о жизни первохристианской общины, о деятельности апостолов Петра и Павла, чьим верным спутником был святой Лука, написанное в Риме в 63-64 г. для некоего Феофила. Описывается создание и распространение Церкви сначала среди иудеев, как небольшой общины в Иерусалиме, потом среди иудеев и язычников по всей территории Римской империи и за ее пределами.

Соборные *послания апостолов* – это письма апостолов, написанные для уточнения и разъяснения отдельных тайн Откровения, для разоблачения ересей и ложных учителей, обличения отклонений от веры и заповедей Бога, для наставления и укрепления в вере. Послания направлялись церковным общинам и отдельным людям, но учитывая их важное значение, Церковь собрала их и сохранила в едином каноне. В эту книгу входят: послание апостола Иакова (Иак.), два послания апостола Петра (1 Пет. и 2 Пет.), три послания апостола Иоанна Богослова (1 Ин., 2 Ин. и 3 Ин.), послание апостола Иуды (Иуд.), имеющие общий характер и содержащие основные вероучительные наставления.

Послания апостола Павла более многочисленны и состоят из послания к Римлянам (Рим.), двух посланий к Коринфянам (1 Кор. и 2 Кор.), послания к Галатам (Гал.), послания к Ефессянам (Еф.), послания к Филиппинцам (Флп.), послания к Колоссянам (Кол.), двух посланий к Фессалоникийцам [Солунянам] (1 Сол. и 2 Сол.), двух посланий к Тимофею (1 Тим. и 2 Тим.), послания к Титу (Тит), послания к Филимону (Флм.), послания к Евреям (Евр.). Павловы послания адресованы к отдельным церквам, имеют ярко выраженный личностный характер, передают его настроения и эмоции. Апостол преподает нравственные уроки, защищает свое апостольское достоинство, излагает учение об оправдании верою, а не законом, показывает, что учение его – не человеческое, а от Бога, обличает нравственные недостатки, побуждает не давать поблажки страстям, очищать от них своё сердце. При своеобразии выражений, послания апостола Павла содержат глубокие догматические, нравственные и иные истины христианского вероучения, почему и заслужили наименование «второго Евангелия» (15, с. 179).

Откровение апостола Иоанна Богослова [греч. «Апокалипсис»] (Откр.) – книга пророческая, написанная апостолом и евангелистом Иоанном около 95 г. на острове Патмос, куда он был сослан гонителями христианства. В книге в яркой и образной форме рассказано об открытом путем видений будущем земли и человечества, о судьбе будущей Церкви и всего мира, о последних временах, о борьбе добра и зла, преображении неба и земли и вечном торжестве верных с Богом. Образность и таинственность этой книги делают ее весьма трудной для понимания (поэтому Апокалипсис не читается за богослужением), к настоящему времени имеется около 100 ее толкований. По учению Церкви, неверно исключительно аллегорическое толкование Апокалипсиса, ибо все совершающееся в мире напоминает страшные образы и видения этого пророческого Откровения, а часть пророчеств уже исполнилась (16, с. 358).

Лекция 5. ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ

1. Во II и III вв. происходило формирование целостного и единого учения Церкви. В процессе раскрытия и формулирования истин вероучения оставалось немало пунктов неясных или казавшихся сомнительными для пытливого ума. Открывалось таким образом широкое поле для исследования и обсуждения отдельных положений вероучения, что порождало колебания между истиною и ложью, иногда даже уклонение в ересь. Но если ранее, в условиях существования отдельных даже больших христианских общин возникавшие ереси не имели широкого распространения, то с превращением Церкви в

государственную и с обретением ее служителями высокого общественного статуса, все население стало делиться на православных и неправославных, а потому и значение борьбы за христианские истины повысилось. Государство сохраняло за собой функцию защиты веры, но нередко становилось на сторону еретиков, укрепляя их положение всей мощью своего влияния. В этих условиях особое значение приобрели собрания иерархов (епископов) Православной вселенской Церкви, получившие наименование Соборов.

Собор вселенский есть чрезвычайное собрание пастырей и учителей Церкви со всей вселенной (точнее – империи) или иерархическое представительство всех поместных самостоятельных (автокефальных) Церквей, составляющееся для общего свидетельства о вере, для утверждения истин вероучения, данных Церкви Откровением, для установления правил, обязательных для всей Церкви, и для разрешения вопросов, имеющих общецерковную важность. Вселенские соборы есть единственный верховный авторитет во вселенской Православной Церкви по вопросам вероучения и единственный орган ее вселенского законодательства. Такой собор обладает свойством непогрешимости в своих определениях и правилах, что основано как на широкой представительности, так и на веровании, что в нем действует Дух Божий.

Споры, несогласия и конфликты среди христиан порождались обыкновенно искренним стремлением пытливого ума уяснить для себя более полно и ясно истины и тайны веры, прежде всего тайны последних времен и спасения (эсхатология – учение о конечных судьбах мира и человека; сотериология – учение о спасении людей). Богословскую мысль Востока больше увлекала сторона теологическая, западную – антропологическая, морально-практическая. «Самая форма разрешения спорных вопросов и умиротворения взволнованной Церкви путем так называемых вселенских соборов, – указывал А.В. Карташев, – была не теоретически, не предумышленно, а эмпирически нащупана по поводу особо широких и особо острых потрясений в толще именно восточной половины церкви. В западной половине, благодаря централизующему авторитету римской кафедры, нужды в соборах вселенских не чувствовалось... Сами папы даже не удостоивали их личным присутствием. Еретические тревожения Востока психологически казались на Западе чем-то досадным, чуждым и болезненным, без чего можно бы, как и без вселенских соборов, спокойно обойтись» (48, с. 8).

Вселенские соборы первых девяти веков созывались императорами, но по инициативе церковных иерархов. Право участия в деяниях Собора с решающим голосом имели епископы, а пресвитеры или диаконы могли замещать (представлять) епископа или иметь совещательный голос. Присутствовавшие миряне – императоры и сановники – подчас играли немалую роль в делах Собора, император имел право почетного председательства. В прениях и совещаниях члены Собора пользовались полной свободой мнения без всякого стеснения – до решения власти.

Соборов проводилось много, но лишь несколько получили признание в качестве вселенских. Качествами вселенского Собора являются: 1) согласие его вероучения и правил со Священным Писанием, апостольским преданием, деяниями предыдущих вселенских Соборов; 2) единение участников Собора и единодушное выражение на нем вероучения, правил и норм церковной жизни; 3) законодательная деятельность в вероучении – составление символа веры и изложение догматов в значении неизменяемых образцов вероучения, абсолютных по своей верности выражений, отличающихся свойством непогрешимости и неизменяемости и потому обязательных для усвоения всеми членами Церкви. Однако правила вселенского Собора могут подлежать развитию и разнообразному применению в практике местных Церквей по обстоятельствам их места и времени.

В Православной Церкви признаются вселенскими семь соборов:

1) 325 г. – первый Никейский, 2) 381 г. – первый Константинопольский, 3) 431 г. – Эфесский, 4) 451 г. – Халкидонский, 5) 553 г. – второй Константинопольский, 6) 680-681 и

691-692 гг. – третий Константинопольский, 7) 787 гг. – второй Никейский. Деяния (собрание документов) всех семи Соборов (кроме первого и второго, от которого записи не дошли) были изданы на русском языке в Казани в 1861-1887 гг.

В Римской католической церкви считают 21 собор вселенскими, добавляя к названным семи четвертый Константинопольский (869-870 гг.), пять Латеранских соборов (1123 г., 1139г., 1179г., 1215г., 1512-1516 гг.), два Лионских (1245 г., 1274 г.), Вьенский (1311 г.), Констанский (1414-1418 гг.), Базельский (1431 г.), Флорентийский (1439 г.), Тридентский (1545-1563 гг.), первый Ватиканский (1869-1870 гг.) и второй Ватиканский (1962-1965 гг.). В Римской церкви верховным авторитетом стал считаться не собор, а папа Римский. Констанский и Базельский реформационные соборы попробовали было утвердить за собой высший церковный авторитет, но последующие соборы вернули папе его главенствующее значение. На первом Ватиканском соборе был провозглашен догмат о непогрешимости папы, вследствие чего соборы получили значение совета епископов при папе.

2. Обратимся к краткому рассмотрению истории, деяний и значения Вселенских Соборов. Все они ни в малейшей степени не имели церемониального или формального характера, а созывались императорами по животрепещущим вопросам церковной жизни, затрагивающим всю Церковь.

1) Первый Вселенский Собор был созван по поводу лжеучения Ария, который утверждал, что Сын Божий есть только первое и совершенное творение Божие, но не Бог, не вечен и не безначален, иначе Отца надо признать «и разделяемым и изменяемым». По Арию, Сын Божий сотворен во времени, и если называется Богом, то не по существу, а только потому, что Он выше всех тварей по своему совершенству.

Учение о Святой Троице действительно сложно и противоречиво, обосновать догмат о единстве Троицы на началах человеческого разума непросто. Арий отвергал всякого рода таинственность в понимании догмата веры, он хотел его сделать простым и ясным, вполне понятным для разума. Представление же о том, что Лица Святой Троицы имеют одно Божеское существо, по его мнению, вело к слиянию трех Лиц в одно, к отрицанию троичности, т.е. к савеллианству, уже осужденному Церковью. В своих умопостроениях Арий опирался на неправильно понятое учение Оригена, т.к., Ориген учил о различии Лиц Святой Троицы, утверждая идею субординации, не говоря, что Сын безначально рожден из сущности Отца. *Арианство* есть, по выражению прот. Александра Шмемана, «рационализация христианства; в нем уже не живой религиозный опыт оплодотворяет мысль, заставляет ее видеть и понимать то, чего она раньше не понимала, а, напротив, вера иссушается логическим анализом и превращается в абстрактное построение» (94, с.113).

Заблуждение Ария могло бы остаться его личным заблуждением, но он был одним из наиболее известных пресвитеров в Александрии (настоятелем церкви в Бавкалии – лучшей части города), отличался как немалыми дарованиями, высокой ученостью, страстной ревностью о вере, так и непомерной гордостью, честолюбием. Его самолюбие было ущемлено тем, что при избрании александрийского архиепископа клир и народ предпочли ему кроткого и смиренного пресвитера Александра. Арий вначале стал критиковать проповеди нового епископа, а затем впервые сформулировал свое учение во время споров с самим епископом Александром в 318 г. Тот отверг и осудил это учение, с кротостью стараясь вразумить заблудшего. Идеи Ария были осуждены, а сам он и его приверженцы отлучены от церковного общения на поместном соборе в 321 г., но Арий не покорился. Он бежал на Восток и нашел поддержку в Антиохийской церкви у нескольких епископов; особенно к нему благоволил его товарищ по школе Евсевий, епископ Никомедийский, близкий ко двору императора. Арий начал широко пропагандировать свои воззрения в песнях (которые распевали матросы, грузчики и всякий портовый сброд) и письменных сочинениях. На основе его учения сформировалось целостное течение арианства, обретшее

широкую поддержку в обществе. Это учение было привычнее и понятнее многим в империи, т.к. низводило иррациональную христианскую триадологию к упрощенному монотеизму, соединенному с политеизмом, поскольку Сын Божий считался «богом с маленькой буквы».

Ересь Ария захватила всю восточную часть империи. Начались горячие рассуждения и споры о Лице Иисуса Христа не только среди духовенства, но и в народе. От признания Христа Богом или «творением» зависело все понимание Его воплощения и Его земного подвига. Соединяет ли Он действительно Бога и человека или же между ними остается непреодолимая пропасть, и человек обречен на рабство греху и смерти?

Перед Церковью встала угроза предать всю свою хринологию и сотериологию, изменить самой сути христианства как религии искупления и превратиться в религию моралистическую (евангельского братолюбия, аскезы и молитвенного подвига), без «бессмысленного» – с точки зрения ариан – чуда Боговоплощения, уподобиться «стерильно монотеистическим» иудаизму и исламу (см. 48, с. 12).

Константин Великий знал об ожесточенных церковных спорах, но считал их «пустыми», хотя они касались самых основ веры. «Ведь это же пустые слова, споры по ничтожному вопросу, – писал неискушенный в богословии император. – Для умственной гимнастики специалистов, может быть, и неизбежны такие споры, но нельзя же смущать ими дух простого народа. Виноваты оба: и Александр и Арий. Один задал неосторожный вопрос, а другой дал необдуманый ответ» (Цит. по: 48, с. 26). Он попытался уговорить противников через посредничество епископа Осии из Кордовы, но тот, после вдумчивого рассмотрения вопроса, полностью встал на сторону Александра и поддержал его против Ария на поместном Антиохийском соборе в 324 г.

После победы над Лицинием Константин решил прекратить споры и для восстановления единства Церкви по совету особенно уважаемого им епископа Осии созвал собор в Никее в 325 г. Тем самым он следовал заповеди Христовой: *«Если же согрешишь против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушается тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь»* (Мф, 18:15-18).

20 мая 325 г. в городе Никее в одной из зал императорского дворца собрались 318 епископов Запада и Востока империи, из которых многие были известны мученичеством и исповедничеством во время последних гонений за веру. А.В.Карташев приводит иные данные об общем числе членов Собора – от «более 250» до «более 300» (48, с- 31-32). По воле императора Константина впервые в истории собрались представители всей империи – икумени, что само по себе стало олицетворением всеобщности человеческой истории, вселенскости христианства. Тем самым Церковь самым делом подтверждала слова апостола Павла, что отныне *«нет ни Еллина, ни Иудея... но все и во всем Христос»* (Кол, 3:11).

Число арианских епископов не превышало 20. Участвовали в соборных обсуждениях некоторые пресвитеры и диаконы, прибывшие с епископами. Среди них особенным даром красноречия и знанием Священного Писания выделился архидиакон Афанасий, впоследствии архиепископ в Александрии, заслуживший наименование Великого.

После речи императора и изложения Арием своего учения, в ходе непродолжительных, но горячих прений (например, возмущенный святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, дал Арию пощечину) учение Ария было отвергнуто. Упрек в савеллианстве был отведен указанием на то, что под словом «единосущный» разумеется не савеллиево слияние Лиц Святой Троицы в одно, а единство божественного существа у всех трех Лиц при отдельности их личного бытия. Сам ересеначальник был отлучен от Церкви и заключен в темницу. Был утвержден *Символ веры* с догматом единосущия Сына Божия с Богом

Отцом. Это соборное вероопределение было поддержано императором и принято почти всеми участниками Собора, кроме самого Ария и двух епископов. Константин повелел предавать сочинения Ария огню, под угрозой смерти запрещалось скрывать их.

Понятие «единосущный» оказалось настолько точным, что исключало всякую возможность перетолкования и прямо раскрывало, что Сын имеет ту же сущность, что и Отец, следовательно, равен Ему по Божеству. Тем самым, Никейский символ веры утверждал: Христос – Бог, Боговоплощение есть действительное, ничем не умаленное, спасительное для нас явление Сына Божьего, а в Нем – любви Отца и благодати Духа. Впрочем, на Западе этот Символ веры еще долгое время оставался неизвестным даже епископам, вся сложность восточного богословия от «западных» ускользала, по выражению А.В.Карташова (41, с. 40, 116).

Кроме того Собор постановил праздновать Пасху в первый воскресный день после весеннего полнолуния, было принято 20 правил устройства церковной иерархии и дисциплины; Собор дал первенство перед прочими епископами – Римскому, Александрийскому, Антиохийскому и сравнял с ними не по власти, а по чести епископа Иерусалимского.

Тем не менее, арианская смута не закончилась после Никейского собора. Ариане имели сильную покровительницу в лице Констанции, сестры императора Константина, вдовы Лициния. В 328 г. она убедила своего брата вернуть Ария и некоторых его сторонников из заточения и ссылки ввиду «раскаяния». Обманутый двусмысленными выражениями Ария, император повелел даже присоединить его к Церкви и восстановить в прежнем сане. Настроение стареющего Константина изменилось (после убийства своей жены Фавсты и сына Криспа), он склонился к сторонникам арианства, а никейцев стали подвергать гонениям. Но Афанасий, архиепископ Александрийский отказался принять в Церковь еретика, осужденного Собором. Тогда решили торжественно ввести Ария в церковь в Константинополе, но в 336 г. «суд Божий постиг нечестивца на самом пути в храм»: внезапно перед порогом церкви Арий умер. Но даже со смертью ересеначальника арианство не прекратилось, напротив, оно нашло приверженцев в лице императоров Констанция (337-361 гг.) и Валента (364-375 гг.). Многие православные потерпели изгнание и мученическую смерть, многие православные храмы были переданы арианам.

Тем временем, арианство, как и всякая ересь, само начало раскалываться. Отрицая учение православных, одни ариане утверждали, что Сын Божий «подобосущен» Отцу, другие, более верные Арию, учили, что «не единосущен» и «не подобосущен». Внутри же арианства созрели новые ереси. Епископ лаодикийский Аполлинарий младший, основываясь на учении Ария, учил, что Сын Божий по воплощении принял только человеческое тело, а вместо души и ума у Него во время Его земной жизни было Его Божество. Приписав Иисусу Христу неполную человеческую природу, Аполлинарий полагал, что борется против Ария, на деле же то была ересь (*аполлинарианство*). Родоначальником новой ереси стал Македоний, бывший некоторое время епископом в Константинополе (около 342 г.). Сначала он был строгим арианом, но затем разработал свое учение. Македоний отрицал божественную природу Святого Духа, называл Его тварью или божественной силой, но подчиненной равно и Отцу и Сыну (*македонизм*).

2) В 381 г. император Феодосий I Великий (379-395 гг.) созвал в Константинополе второй вселенский Собор для прекращения арианских споров вообще и македонской ереси в частности.

Феодосий принял крещение вскоре после вступления на престол и решительно встал на сторону православных. Он предложил арианскому епископу Константинополя Демофилу либо принять Никейский символ веры, либо оставить кафедру. Демофил избрал второе. На втором Соборе присутствовало 150 епископов, в числе их – известные своей ученостью и святостью жизни Григорий Богослов, Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский и другие.

Немного не дожил до этого Собора святой Василий Великий, успешно защищавший от Македония учение о Святой Троице.

Этот Собор происходил уже в иной атмосфере, чем первый вселенский. После победоносного торжества Церкви при Константине Великом она оказалась придавленной властью и расколотой внутренними спорами. Всего двадцать лет назад, в правление императора Юлиана Отступника в 361-363 гг. государство изменило христианской вере. Сам Юлиан, по словам историка Сократа Схоластика (ок. 380 г. – ок. 440 г.), «явно обнаруживал перед всеми ненависть, какую он питал вообще к христианам» (73, с. 147). Стали восстанавливать языческие храмы, а христиан принуждали приносить там жертвы. В то же время среди христиан шли ожесточенные споры об учении православной веры, образовывались партии единомышленников, которые «анафемствовали сообщников другой партии» (73, с. 146). Более чем когда-либо ранее стало ясной необходимость четкого богословского ответа на возникавшие сомнения, утверждения твердого исповедания веры.

Смута в церкви объяснялась не только появлением еретических учений или интригами сановников. Арианство внесло сильное смущение в умы верующих и священства, большинство их легко приняли его осуждение, т.к. оно слишком очевидно искажало церковное предание, однако положительное учение о Троице для большинства епископов оставалось чуждым и непонятным: впервые в вероучительное определение вводился философский термин, не встречающийся в Писании.

Не менее противоречивой оказывалась и роль императорской власти по отношению к Церкви. Свобода от гонений обернулась зависимостью от власти. Прямое вмешательство императора Константина в решение богословских споров и непосредственное участие государственной власти в защите истинного вероучения означало упрочение влияния Кесаря в Церкви. Часть епископов поддавалась соблазну и стала раболепными придворными, а значит, служила больше власти Кесаря. Негативными последствиями этого стали, например, пятикратные ссылки Афанасия Великого по указу императора, вызванные придворными епископами. Константину наследовали Константин II на Западе и Констанций на Востоке. Их отец понимал свое положение «внешнего епископа Церкви» в связи со своим чудесным обращением, но Констанций воспринял как нечто самоочевидное свою власть над Церковью (94, с. 119). Дело в том, что оказалось много легче Миланским эдиктом превратить гонимую религию в равноправную, чем изменить характер византийского государства, сохранявшего элементы языческой римской государственности и восточного деспотизма. «Огосударствление» Церкви при крупной личности Константина в целом пошло ей на благо, но уступавший ему Констанций, подпавший под влияние ариан, принес ей зло. «Моя воля – вот для вас канон», – ответил Констанций в ответ на просьбу епископов защищавших гонимого Афанасия Великого (94, с. 127).

На собор явились 36 македонских епископов, но, не вступая с духовниками в продолжительные прения, им предложили принять Никейский Символ веры. Те решительно отказались и оставили Собор. Рассмотрев в совокупности все ереси, Собор предал их анафеме. Собор «нерушимо утвердил» Никейский символ и присоединил к нему еще пять членов, раскрывающих более полно и ясно учение о Святом Духе, о Церкви, о таинствах, о воскресении мертвых и о загробной жизни. Был утвержден догмат о равенстве исходящего от отца Бога Духа Святого с Богом Отцом и Богом Сыном. Так составилась Никео-Цареградский Символ веры, который служит для Церкви руководством и поныне. Из других постановлений Собора отметим сравнение епископа Константинопольского в чести с четырьмя первенствующими иерархами и поставление его после Римского.

Феодосий отнял у еретиков все церкви в Константинополе и возвратил их православным. Императорским указом повелевалось всех епископов, не принявших Никео-Цареградского Символа веры, лишать кафедр и на их место ставить православных (впоследствии упорствующие изгонялись из пределов империи). Это знаменовало полную победу над

арианством. Это знаменовало также утверждение теократического характера новой империи. Отныне уже не только благодать, но и закон приводят ко Христу; Церковь – это уже не только союз поверивших, но и союз обязанных верить; отныне огосударствление придает Церкви небывалую ранее силу, но она же впоследствии повлечет раскол, распад, отторжение многих и многих от Церкви (94, с. 151).

3) В 431 г. император Феодосий II Младший (408-450 гг.) созвал в Ефесе третий Вселенский Собор для опровержения двух ересей – *несторианства* и *пелагианства*.

После определения на первых двух соборах догмата о Святой Троице внимание учителей Церкви обратилось на определение взаимоотношения двух естеств в Иисусе Христе. В попытке уяснить это возникло учение Нестория, который учил, что Дева Мария родила человека Христа, в Котором, в силу Его нравственного совершенства, Бог обитал как в храме. Несторий отчетливо разделял две природы с двумя ипостасями. Христос есть и «храм» и «живущий в нем Вседержитель Бог». И в этом же храме обитает и «сопоклоняемый вместе с Богом человек» (48, с. 200). Хотя единство Лица тут не расторгалось, но это заблуждение встретило сильных противников в лице патриарха Александрийского Кирилла и папы Римского Целестина.

Между тем, Несторий – блестящий проповедник, ученый, аскет, был в 428 г. приглашен императором Феодосием II на Константинопольскую кафедру и пользовался его полной поддержкой. Император не представлял наивности ревностного борца за веру. «Дай мне землю, очищенную от еретиков, и я дам тебе небо», – размашисто красноречиво Несторий в речи к Феодосию II (48, с. 198). Он с жаром занялся борьбой с язычниками: все секты были объявлены незаконными, их храмы закрывались солдатами. В своем запале Несторий обрушился и на богословски показавшейся ему неоправданным термин Богородицы, а защитника этого понятия епископа Кирилла Александрийского решил осудить церковным судом.

Собравшиеся на Соборе 200 иерархов отвергли ересь Нестория, причем роль сыграла и твердая позиция поместного собора в Риме, т.к. восточные епископы пугались богословия Кирилла (48, с. 161). Собором было определено, что Иисус Христос есть совершенный Бог и Человек. Посему Деву Марию, хотя Она родила Его по человечеству, Собор признал достойным именовать Богородицей. Особенно большую роль в принятии этого решения сыграл святой Кирилл Александрийский, выступивший в защиту той единственной Личности, в Которой все люди «соприкасаются» с Отцом. В основе этого лежала церковная традиция, идущая еще от Ириния Лионского (ок. 130-202 гг.): критерием богословия признается церковный опыт спасения Христом или во Христе. Тем самым, всякое умозрительное богословское построение проверяется своей сотериологической значимостью: раскрывает оно или умаляет в чем-либо спасение, о котором благовествует Евангелие?

Вместе с несторианством на Соборе было осуждено и пелагианство, явившееся с Запада. Там умы занимали вопросы не теоретические, а практические. Спорили об отношении свободы воли человеческой к Божественной благодати в деле спасения человека. Восточные отцы Церкви учили, что спасение человека совершается самим человеком при содействии Божественной благодати. Благодать не стесняет свободную волю человека, как солнце светит всем; человек же может грешить и не грешить, устраивать свое спасение и не устраивать, однако собственными силами спастись все-таки не может. Но в Британии скромный и миролюбивый Пелагий (подлинное имя Морган), мирянин, ведший монашеский образ жизни, учил, что человек был вначале от Бога сотворен смертным; что Адам через свое грехопадение нисколько не повредил сущности своей природы, и потому все люди рождаются без всякой естественной порчи и прародительского греха, а значит – могут одними своими естественными силами достигать нравственного совершенства, т.е.

спасения, не нуждаясь для этого в помощи Бога. Человек сам грешит, сам и спасается. Тем самым, полностью отрицалось значение Боговоплощения для дела спасения.

Пелагий пришел в Рим и был поражен нравственной распущенностью как мирян, так и клириков, оправдывавшихся немощью человеческой природы перед неодолимой силой греха. «Неодолимого греха не бывает!» – утверждал Пелагий, Бог не требует невозможного, всегда в воле человека избежать греха. Он распространял свое учение в Риме, а потом в Карфагене, но там он встретил сильного противника в лице блаженного Августина, епископа города Иппона. Августин с жаром восстал против пелагианства и в своих трудах раскрыл важность и необходимость Божественной благодати для жизни христианина и для вечного спасения. Правда, в своем учении Августин впал в иную крайность: он утверждал, что собственные силы человека ничего не значат в деле спасения, спасает одна Божественная благодать. Отвечая на вопрос, почему же не все спасаются, он предлагал учение о безусловном предопределении, т. е. об извечном и безусловном предопределении Богом судеб всех людей, одних к спасению, других к гибели. Тем самым, Августин отнимал у человека всякое участие в собственном спасении, хотя вся Нагорная проповедь Иисуса Христа есть призыв человека к активному деланию внутреннему и внешнему ради спасения. Учение Августина, превратно понятое в условиях путанных нравственных понятий той эпохи, вело многих к упованию на одну благодать. В этом отношении пелагианство было как бы крайней реакцией на подчинение людей своей человеческой природе и своим страстям. Тем не менее, ересь Пелагия была осуждена на соборе в Карфагене в 418 г., а третий Вселенский Собор подтвердил это осуждение.

Из других правил Собора особенно примечательно седьмое правило, которое утверждает Никейский Символ веры и строго воспрещает делать в нем какие бы то ни было изменения и дополнения.

Отцы Церкви учили, что во всем следует соблюдать меру, даже в осуждении ереси. Но вот горячий противник несторианства, Евтихий, архимандрит в Константинополе, увлекся в противоположную сторону. Евтихий стал учить, что в Иисусе Христе человеческое естество поглощено божеством, и потому в Нем следует признавать лишь одно божеское естество. Так возникла новая ересь – *монофизитство*, получившая более широкое распространение, чем несторианство.

Церковь сравнительно легко победила несторианство, потому что его защищали церковные «верхи», но масса христиан ощущала Божество Христа неизмеримо сильнее, чем Его человечество. Тайна воплощения переживалась (и переживается ныне) скорее как пришествие и явление Бога, нежели как свободное, целостное, совершенное, но и неслитное соединением с Богом человека. «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился» – по формуле святого Афанасия Великого (94, с. 166). Но возобладали идея «единой природы» («*миа физис*»). Пошли даже утверждения, что сравнивать Христа с людьми – неблагочестиво.

В то время в Александрии патриархом был уже не мудрый Кирилл, а Диоскор, не имевший глубокого богословского образования. Он принял под свою защиту учение Евтихия и даже обеспечил благосклонность императора Феодосия, который уважал в нем преемника двух великих борцов за Православие – святых Афанасия и Кирилла. Против монофизитства выступили патриарх Константинопольский Флавиан и папа Римский Лев Великий. Но Диоскор, используя свое влияние на императора, убедил его созвать в 449 г. в Ефесе собор (получивший наименование «разбойничьего»), на котором противники монофизитства фанатичными монахами были силой изгнаны из зала. Флавиан и Лев Великий были осуждены, а монофизиты торжествовали. Но, действуя насилием и ложью, зло само себя обличает.

4) В 451 г. император Маркиан (450-457 гг.) по внушению папы Льва Великого и своей благочестивой жены Пульхерии созвал в Халкидоне, предместье Константинополя, четвертый Вселенский Собор.

Собравшиеся 350 епископов осудили новое лжеучение, причем повторно было осуждено и несторианство. Диоскор и Евтихий были низложены из сана. Собор утвердил догмат, что Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек: по Божеству Он вечно рождается от Отца и во всем подобен Ему, по человечеству же Он во времени родился от Пресвятой Девы Богородицы и во всем подобен нам – кроме греха. При воплощении божество и человечество соединились в Нем как едином лице нераздельно и неразлучно (против Нестория), неслиянно и неизменно (против Евтихия). Эти четыре отрицательных наречия «неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо» подобно математической формуле (непонятной для непосвященных) дали то золотое правило, которого жаждала Церковь. Отныне и навеки правило это ограждало и выражало то, что составляет самую сущность христианства, всю радость благой вести: Бог соединился с человеком. Конечно, для человеческого ума это непостижимая тайна, но это и непреложный факт. «Ее нельзя понять, а нужно просто принять, не лукавя нашим малосильным разумом», – писал о Халкидоне А. В. Карташов (48, с. 292).

Кроме того, Собор составил 30 правил, относящихся к церковному устройению, в частности, были окончательно определены территории округов пяти первенствующих епископов.

Но после Халкидонского Собора волнения в Церкви не прекратились. Монофизиты имели широкую поддержку в обществе и при императорском дворе. В 513 г. полководец Виталиан объявил себя защитником православной веры и выступил против императора Анастасия, не скрывавшего симпатий к монофизитам. Вспыхнул мятеж, в котором религиозные цели сочетались с политическими (32, с. 53). В 516 г. новоизбранный патриарх Иерусалимский Иоанн в день своего наставления намеревался анафемствовать Халкидонский собор. Но два палестинских монаха в присутствии огромной толпы потребовали, чтобы он, наоборот, признал Халкидонский собор. После многочасовых споров нравственный авторитет монахов (опиравшихся на поддержку своих 10 тысяч собратьев) возобладали: Иоанн признал четыре Вселенских собора как «четыре Евангелия» (39а, с. 152).

Однако вероучительные споры не утихали. Главным предметом споров стали сочинения трех учителей Сирийской церкви в защиту ереси несторианства, которые не были осуждены четвертым вселенским Собором. Вследствие этого несториане толковали деяния Халкидона в свою пользу, а монофизиты осуждали соборные решения за половинчатость. Новые церковные волнения вновь раскалывали Церковь на Востоке.

5) Император Юстиниан I Великий (527-565 гг.) испытал некоторые частные меры для прекращения церковного нестроения, но они оказались безуспешными. В 553 г. он созывает в Константинополе пятый вселенский Собор из 165 епископов.

На Соборе было тщательно разобрано дело об авторах трех сочинениях. Из них безусловно осуждены были сочинения Феодора Мопсуэстийского и он сам; из сочинений Феодорита Кирского и Ивы Едесского были осуждены некоторые, а в отношении их самих подтверждено снятие обвинений Халкидонского Собора, тем более, что они скончались в мире с Церковью.

Юстиниан считал империю «единой богоустановленной административной структурой». В своей знаменитой 6-ой «Новелле» из Кодекса законов Юстиниан определил принцип соотношения власти светской и церковной: «Бог в своем человеколюбии даровал человечеству два великих дара: священство и царство. Первое служит тому, что Божественное, второе управляет и занимается человеческими делами; то и другое, однако, имеют одно происхождение и украшают жизнь человечества... если священство во всем

свободно от порицания и обладает дерзновением к Богу и если императоры управляют справедливо и разумно вверенным их попечению государством, то этим осуществляется всеобщая гармония...» (Цит. по: 60, с. 160). В реальной деятельности императору приходилось добиваться желанной «всеобщей гармонии» (или «симфонии») путем разрушения языческих храмов, закрытия Афинской школы, лишения еретиков гражданских прав. Он пригласил на собор папу Римского Вигилия, но тот, будучи в Константинополе, отказался принять участие в работе Собора (60, с. 178).

Ересь монофизитства укрепилась тем не менее в Египте. Оттуда были изгнаны многие православные, хотя греческий язык оставался в церковном употреблении, был избран особый коптский патриарх. Из вражды к Византии копты содействовали в дальнейшем арабскому завоеванию Египта. Монофизитство распространилось также в Абиссинии (Эфиопии) и Армении.

Императорская власть сознавала, что религиозные споры раскалывают ее подданных, ослабляют государство. Император Ираклий I (610-641 гг.) по совету некоторых монофизитских епископов во главе с патриархом Константинопольским Сергием в одном из своих эдиктов признал в лице Богочеловека при двух естествах единство воли, дабы склонить православных к некоторой уступке монофизитам и такой ценой купить внутренний мир. Его с некоторыми сомнениями поддержали патриарх Александрийский Кир, папа Римский Гонорий. Приверженцы нового учения получили название *монофелитов*.

Но таким решением оказались недовольными многие из самих монофизитов. Против этого восстал патриарх Иерусалимский Софроний, имевший немало сторонников, самым выдающимся из которых был константинопольский монах св. Максим Исповедник (582-662 гг.), глава монашеской обители возле г. Халкидона, пользовавшийся большим авторитетом среди православных верующих. Будучи в Риме (в 645-655 гг.), он советовал папе Мартину созвать поместный собор и соборно осудить выпущенное в Константинополе изложение веры в форме императорского указа, в котором запрещались всякие споры об одной или двух волях во Христе. В 649 г. был созван Латеранский Собор, на котором присутствовали 150 западных епископов и 37 греческих священников. Собор четко и решительно осудил монофелитское исповедание, как еретическое, а монофелитские патриархи отлучены и преданы анафеме. Император Констант при полной поддержке патриархов Сергия, Пирра (639-641) и Павла (641-654) отверг это осуждение. В 653 г. папа Мартин был силой захвачен, отвезен в Константинополь и после торопливого суда сослан. Св. Максима также судили, но не как возмутителя церковного мира, но прежде всего как государственного преступника – за мнимую измену. Его упрекали в том, что «исповедуют одну волю во Христе весь народ, вся Церковь и все государство», а он противится. «Если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, – ответил св. Максим, – я не причащусь с ним». Св. Максим и два его ученика подверглись отсечению языка и правой руки (88, с. 196). В стойком защитнике православия его противников больше всего раздражала его духовная независимость и отрицание церковного авторитета царской власти. Но отстаиваемое им учение восторжествовало через 18 лет после смерти св. Максима Исповедника на шестом Вселенском соборе.

б) В 680 г. император Константин IV Погонат (668-685 гг.) созвал в Константинополе шестой вселенский Собор из 170 епископов. На нем после жарких прений было решено признавать в Иисусе Христе без смешения и разделения существование двух волей сообразно двум естествам. Были осуждены и отлучены от Церкви четыре покойных Константинопольских патриарха, папа Гонорий и правившие патриархи Макарий и Кир (32, с. 115).

Спустя 11 лет этот Собор вторично собрался по воле императора Юстиниана II Ринотмета (685-695 гг. и 705-711 гг.) для дополнения решений предыдущих Соборов,

относящихся к вопросам благочестия, почему и получил название пято-шестого или Трулльского (он был собран в зале со сводами – труллями). К тому времени возник разброд в церковной среде, ослабла церковная дисциплина. Например, некоторые епископы продолжали жить со своими женами, священники вступали во второй брак, монахи посещали конские бега и театры, св. Причастие раздавалось за деньги, произносить проповеди в церквях позволяли мирянам и даже женщинам, в храмах ставили скот (48, с. 446). Юстиниан решил унифицировать церковный уклад различных частей империи и утвердить строгие нормы авторитетом Вселенского собора. Собор принял для руководства Церкви 85 правил апостольских, правила вселенских, поместных Соборов и некоторых святых отцов. (Впоследствии дополнены правилами седьмого вселенского Собора и еще двух поместных. Вместе со светскими законами они были собраны в книге, называемой по-гречески Номоканон, а по-русски Кормчая, и стали основой для управления и устройства внутренней жизни Церкви).

Наиболее упорные из монофелитов не подчинились решению шестого вселенского Собора. Собравшись в Ливане около монастыря святого Марона, они избрали себе особого патриарха, в XII в. отреклись от монофелитства и образовали общину *маронитов*, существующую до настоящего времени под властью Рима.

Положительные и отрицательные стороны покровительства Православной Церкви со стороны государства, а точнее – совмещение целеустремлений Церкви и теократического государства, быть может, с наибольшей яркостью проявились в *иконоборческой ереси*. Римское государство сравнительно легко приняло в качестве своей официальной религиозной доктрины христианское учение о Боге, но оно никак не могло признать Церковь качественно отличным от себя обществом, не понимало «неотмирности» Церкви. Спустя века после обращения Константина Великого теократический император ощущал себя представителем Бога на земле и требовал от Церкви полного послушания.

Император Лев III Исавр или Сириец (717-741 гг.) в 718 г. сумел отразить нападение арабов на Константинополь и после одержания блестящих побед вознамерился закрепить их путем обращения мусульман в христианство.

Известно, что мусульмане верят в единого Бога, почитают пророка Авраама, его сына Исмаила (прародителя арабов), пророка Иоанна Крестителя, Деву Марию и Иисуса Христа. Но их культ запрещает какое бы то ни было изображение человека, между тем как в Православной Церкви большое развитие получило поклонение святым иконам с изображениями Спасителя, Девы Марии и святых. Император решил уничтожить это почитание икон. В 726 г. он запретил почитать иконы и держать их в домах, приказал размещать иконы в церквях как можно выше, чтобы к ним нельзя было прикладываться. Потом приказал выносить их из храмов и частных домов для уничтожения. Запылали на улицах костры из икон. Над воротами самого императорского дворца находился чудотворный скульптурный образ Спасителя, и Лев приказал снять его. Бывший поблизости народ, особенно женщины, в возмущении опрокинул лестницу и убил командира, снимавшего икону, а заодно и несколько солдат. Лев приказал казнить 9 человек, схваченных на месте, в т.ч. инока Феодосия.

Однако, точности ради следует сказать, что спор об иконах возник сначала в самой Церкви, для него были основания. Ранняя Церковь не знала иконы в ее современном догматическом значении. Но позднее, с более полным осознанием смысла Богочеловечества – Бог становится видимым, значит, Его можно описать – возникает мысль, что как освященная вода, как хлеб и вино Евхаристии дают нам благодать Бога, так и изображение Христа может быть наполнено Его благодатью, стать не только материальной, но и духовной реальностью. В VII в. иконопочитание (как и поклонение мощам святых) стало прочно утвердившимся фактом церковной жизни. Но в то время с расширением круга христиан произошло огрубление и упрощение сознания верующих, не

полностью изживших в себе язычество. Иные во время службы в церкви не обращали внимания на службу, а старательно целовали все иконы, иные брали икону в восприемники детей при крещении, соскобленную с икон краску добавляли в евхаристическое вино, причастие клали на икону, чтобы получить его «из рук святых». Поклонение веществу икон приближалось к идолослужению. Отчасти поэтому решение императора поддержал в 754 г. почти весь византийский епископат – 338 епископов (48, с. 461).

Против иконоборчества восстали патриарх Константинопольский Герман, папа Римский Григорий II и великий богослов Иоанн Дамаскин. Император низложил патриарха Германа, оклеветал святого Иоанна Дамаскина перед халифом, у которого тот служил, приказал умертвить мечом или ядом папу Римского. Последнее ему не удалось, т.к. римляне встали на защиту своего первосвященника. На соборе в Риме 732 г. папа постановил: «Впредь кто изымет, уничтожит или обесчестит и поругает иконы Спасителя, Его Пречистой Матери, Честнейшей и Непорочной Девы, или св. апостолов и прочих святых, да лишится тела и крови Господа и да будет отлучен от Церкви» (Цит. по: 48, с. 467). В ответ разгневанный император Лев III перевел римские епархии в Греции, Далмации и на Сицилии под юрисдикцию константинопольского патриарха. Римская Церковь расценила это как «грабеж», тем самым Рим «выбрасывался» из пределов империи и толкался в объятия западных «варваров». Новый папа Стефан II умолял в 752 г. воцарившегося в Константинополе Константина V защитить Италию от лангобардов, но император, всецело занятый иконоборческим безумием, отказал. Тогда папа обратился за помощью к королю франков Пепину, а в 754 г. в благодарность за защиту венчал его королевским венцом. Это означало фактический – хотя еще не формальный – разрыв Рима с Византией, – указывал Й. Лортц (7, т. 1, с. 237), а также рождение светской власти папы.

Шла фанатичная борьба власти не против самой веры, а, казалось бы, против одного частного проявления веры. Жестокое гонение на почитателей икон продолжалось и при преемниках Льва Исавра, однако ни пытками, ни казнями, ни ссылками, ни лишением имущества, ни темницей ни решениями лжесоборов подавить сопротивление православных новой ереси не удавалось.

В защиту иконопочитания на Востоке выступили многие. Высокообразованный грек Иоанн (с арабским именем Мансур), приближенный халифа в Дамаске в 726-730 гг. направил три послания с защитой икон. В отместку Лев III написал халифу Хишаму (из династии Омейядов) что его доверенный визирь – изменник. По приказу халифа Иоанну отрубили правую руку. В позднейшем житии святого рассказывает о чуде: после молитвы Иоанна перед иконой Богородицы рука воссоединилась с телом.

Константин V сам жесточайше боролся с православными, особенно с монахами, ставшими самыми ревностными защитниками икон. Им отрезали носы, уши, выкалывали глаза, отсекали руки, сжигали бороды и просто убивали. Некоторые тюрьмы обратились в монастыри. В 765 г. при уничтожении одного монастыря 38 монахов были заживо закопаны. Часть монашества (и многие архиереи) изменила православию, часть бежала на Запад. В одной итальянской Калабрии возникло около 200 греческих монастырей (48, с. 478-480).

Продолжателем всей политики Льва III стал император Константин V (741-775), носивший в народе прозвище Копроним – «Навозник». Показав себя умелым военачальником и строителем хозяйства страны, Константин V был в то же время варварски, до садизма жесток, развратен и проявил себя открытым врагом веры. Он всячески хулил Богородицу, святых, не признавал мощи святых; на его оргиях присутствовали собутельники из числа сбросивших с себя сан монахов. Бросив на произвол судьбы Италию, которую пядь за пядью захватывали лангобарды, Константин Копроним боролся в империи с иконопочитанием, созвав даже в 754 г. иконоборческий собор, на котором раболепные епископы назвали его «13-м апостолом», «искупившим от

идолов» (48, с. 470). Копроним придумал, чтобы все подданные на площадях перед крестом и Евангелием должны были поклясться, что никто из них не будет поклоняться иконам. Монахов – стойких защитников икон секли, калечили, убивали, иных закапывали живыми, многие бежали в Италию и далее. В сентябре 775 г. император-иконоборец умер во время военного похода в жестоких муках от болезни.

7) В 787 г. императрица Ирина (780-790 гг. и 797-802 гг.), вдова Льва IV Хазара, будучи ревностной почитательницей икон, для умиротворения Церкви созвала (со второй попытки) в Никее седьмой Вселенский Собор. Численность его участников составила 368 человек, хотя из них 131 были простыми монахами. Присутствовали два посланца папы Римского, представители Александрийского, Иерусалимского и Антиохийского патриархов (48, с. 493-494). На заседаниях после обсуждения, памятуя о библейских данных (херувимах скинии и храма) и отказавшись от ханжеского похода против искусства, собравшимися епископами была отвергнута иконоборческая ересь и определено: поставлять и полагать в церквах вместе с изображением Честного и Животворящего Креста – и святые иконы, воздавать им поклонение, но не доске и краске, а тому святому, чей образ изображен на иконе.

Тем не менее, иконоборческая ересь еще около 25 лет волновала Церковь. Окончательно почитание икон было восстановлено и утверждено на поместном Константинопольском соборе в 842 г. при императрице Феодоре II (842-856 гг.). На этом соборе был установлен новый праздник Торжества Православия, который и поныне отмечается в первое воскресенье Великого поста.

Итак, значение Вселенских Соборов состоит в том, что они смогли раскрыть и сформулировать учение Церкви, основанное на Священном Писании и Священном Предании; был составлен общий для всей Церкви Символ веры, выражающий суть исповедания всякого христианина во все времена; были определены общие правила устройства церковной жизни. В трудную эпоху Вселенских Соборов Церковь смогла устоять перед соблазнами ересей и новыми гонениями, в ней появились мудрые богословы и борцы за веру, те, кого стали называть Учителями и Отцами Церкви.

3. В эпоху Вселенских Соборов некоторые христианские общества отделились от Вселенской Церкви. *Армяно-Григорианская Церковь* не сумела послать своих представителей на четвертый Вселенский Собор, решения которого армянские епископы прямо отвергали, считая, что там оправдан еретик Несторий, а в Константинополе сочли, что они согласны с ересью. Позднее выяснилось, что они действительно разделяют монофизитскую ересь, поэтому единения между Церквами не последовало. Оставаясь единомысленной с Православной Церковью в важных догматах веры, Армяно-Григорианская Церковь имеет некоторые обрядовые расхождения (например, Трисвятую песню они относят только к Богу Сыну, при таинстве причащения употребляют опресноки вместо квасного хлеба и вино, не соединенное с водой, при миропомазании употребляется кунжутное масло, праздник Рождества Христова совмещают в один день с праздником Крещения Господня 6 января).

Коптская Церковь образована коренными жителями Египта, верными монофизитству. Во главе общины стоит патриарх, избираемый всеми коптами. Для них обязательными являются погружение в освященную воду в день Богоявления, обрезание (как бытовой обычай); поставление в священный сан совершается не через возложение рук, а через дуновение.

Абиссинская Церковь имеет много общего с коптами, держится монофизитской ереси. В обычаях они далеко уклонились от Православия (верны еврейским законам о пище, отмечают субботу наравне с воскресным днем, в богослужении допускают «священные» танцы).

Маронитские общины возникли в V-VII вв. Сохранив в богослужении арамейский и арабский языки, в XIII в. маронитская община сблизилась с Римско-католической Церковью, признала главенство папы Римского и почти все римское догматическое учение. Глава маронитов назначается Ватиканом, священники имеют право жениться.

Общины *несториан* имеются в разных странах Востока (Ирак, Иран, Турция). Они не почитают иконы. Лишь духовенство там читает Священное Писание. *Халдеи* – униаты несторианского обряда – живут в рассеянии в странах Запада.

Общины *яковитов* держатся монофизитской ереси и получили свое название от одного из сирийских епископов Иакова Барадея, жившего в VI в. Во главе общины стоит патриарх, в богослужении и церковных обычаях они ближе к Православной Церкви, чем несториане. Такие общины имеются в разных странах Востока, самые крупные – в Сирии.

Лекция 6. УЧИТЕЛИ И ОТЦЫ ЦЕРКВИ

1. Время великого и победного торжества в жизни Церкви омрачается великими искушениями и скорбями из-за ересей и расколов, из-за возвращавшихся гонений власти. Мир (т.е. мир внешний, мир житейский) оставался чуждым, языческим, подчас враждебным вере христиан. В культуре Византии сильным оставалось влияние язычества; господствовала языческая философия, языческие храмы были открыты, весь уклад жизни и быта жителей огромной империи оставался чужд идеалам христианской веры.

Но и обстановка внутри Церкви оставалась неустойчивой. Возбужденные богословские споры потрясали Церковь. В таких условиях становилось необходимым выработать единое и целостное учение Церкви – эту задачу выполнили вселенские Соборы. В этих спорах, в напряженной выработке нового строя понятий и усвоении опыта веры некоторые служители Церкви показали себя ее выдающимися защитниками и апологетами. Следуя апостольским путем, они *не создавали* Истину, которая является таковой только в силу ее божественности, но они выражали Истину и объясняли ее. За свои заслуги они получили наименование Учителей и Отцов Церкви.

Святые Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама на Востоке, святой Амвросий Медиоланский, блаженный Иероним, Григорий Великий, блаженный Августин на Западе – вот имена лишь наиболее известных.

Следует отметить, что Церковь почитает их святыми и именует Великими не только за праведность их жизни и мудрость их трудов, иначе чем бы они отличались от иных языческих философов, нередко живших добродетельно. Их заслуги состоят во многом в бережном сохранении и разъяснении сокровищницы церковного Писания и Предания. Но подлинно сохраняются предания только в их живом воспроизведении и сопереживании, считал о. Георгий Флоровский, и потому «...отеческие творения являются для нас источником творческого вдохновения, примером христианского мужества и мудрости. Это есть школа христианской мысли, христианского любомудрия» (87, с. 5).

2. В IV и V веках особенно замечательными на Востоке были три богословские школы, в которых выработались целостные направления: ново-александрийская, антиохийская и восточно-сирийская (эдесско-низибийская). Школа ново-александрийская обрела славу и известность еще в III в. благодаря Оригену, заложившему основы экзегетики (толкования Писания) и догматического богословия. Видными представителями этой школы являются епископ Александрийский Александр (ск. 326 г.) и сменивший его на епископской кафедре Афанасий.

Святой **Афанасий Великий** (297-373 гг.) был великим борцом против арианства. От природы он был наделен необыкновенными дарованиями. В детские годы он играл со сверстниками в церковную жизнь, причем маленькому Афанасию выпадала роль епископа

(73, с. 38). О его жизни до вступления в клир почти ничего не известно. Некоторое время он изучал светские науки, но лишь для того, чтобы в этом не казаться совершенно неопытным и не знающим того, что почитал достойным презрения, сообщая св. Григорий Богослов (12, т. 1, с. 139). Уже в юные годы он не терпел, когда «благородные и богатые дарования были упражняемы в предметах суетных». Несколько лет он был чтецом (греч. «анагностом»), а к 325 г. был рукоположен в сан диакона, стал близким к Александру, епископу Александрийскому, и ревностным его помощником в борьбе с арианской ересью. Александр взял его с собой на первый Вселенский Собор в Никее, и там Афанасий «с дерзновением восставал против нечестия Ария», получив широкую известность и уважение, как за глубину мысли, так и за свое красноречие.

После смерти владыки Александра, в 28 лет, 17 апреля 326 г. Афанасий по воле большинства верующих был избран на кафедру Александрийского архиепископа, «кафедру святого Марка». Энергичный и приветливый, непреклонный в истине, но снисходительный к искренне заблуждающимся, архиепископ Афанасий быстро приобрел уважение и любовь. Но к тому времени произошел поворот в воззрениях императора Константина, он приблизил к себе ариан во главе с епископом Никомидийским Евсевием, для которых самым опасным врагом оказался Афанасий Александрийский. После отказа принять Ария в церковное общение по приказу императора против Афанасия Великого началась открытая война. Вот почему большую часть своего долгого, почти полувекового святительского служения ему суждено было провести в изгнании: пять раз отставлял он кафедру и столько же возвращался на нее.

На него возводили в основном чисто политические обвинения в связях с бунтовщиками-соперниками правящих императоров, в попытке оставить Восток без египетского хлеба и т.п., обвиняли и во взимании неправедных доходов с церковью, в убиении некоего епископа Арсения, отрезанной рукой которого он будто бы пользуется для колдовства (на суд Афанасий Великий привел живого епископа Арсения с обеими руками и сказал присутствующим: «Арсений, как видите, имеет две руки, а место, откуда отсечена третья, пусть укажут обвинители» (73, с. 55)). Император Юлиан Отступник уже просто преследовал его за твердость стояния в вере, поразительной, когда иные ревностные сподвижники Афанасия в борьбе с арианством – епископ Кордовский Осия, папа Римский Либерии – поколебались и согласились на уступки арианам. Для Церкви положительное значение изгнаний Афанасия Великого состояло в том, что во время своего вынужденного пребывания в Риме он познакомил западную Церковь с монашеством и заронил там первые идеи такого служения Богу. Он был в дружбе с отцами монашества – святыми Антонием и Пахомием; сам будучи одновременно и епископом и аскетом, он сумел смягчить разногласия между иерархией и монашеством.

«Св. Афанасий был замечательным человеком необычайного цельного характера, – писал о. Иоанн Мейендорф. – Всю свою жизнь он положил на борьбу с арианской ересью. ...Для него *единосущие* было боевым кличем, от которого зависела судьба Православия и наше спасение» (59, с. 118).

За время своего вынужденного пребывания в Фиваиде и других египетских монашеских обителях в 356-362 гг. Афанасий Великий пишет свои лучшие догматико-полемические сочинения «Четыре слова на ариан», «Защитительное слово перед царем Констанцием», «Защитительное слово в оправдание бегства во время гонения», «Послание к монахам о том, что сделано арианами при Констанции»; известно много других его сочинений – жизнеописание Антония Великого, «Слово против язычников» (317 г.) и многие другие, сохранились отрывки его толкований на псалмы, на Евангелия от Матфея и Луки. В «Четырех словах» он сумел полностью опровергнуть все возражения ариан, обнаружив как глубокое знание Писания, так и знакомство с диалектикой. Теми же достоинствами отличаются и другие его сочинения.

3. Во второй половине IV в происходила постепенная и во многом поверхностная христианизация империи и всего Греко-римского общества. Строились повсюду церкви и соборы, которые заполнялись толпами людей. В христианство переходили люди из всех слоев населения, и все они принадлежали к эллинистической культуре. Утонченные греческие интеллектуалы не понимали, почему они должны принимать религию, основанную «жалкой кучкой необразованных палестинцев». Для того, чтобы обратить их в христианство, необходимо было истолковать христианство в греческих понятиях и категориях. Такое истолкование представляло собой не только творческое усилие ума, духа и сердца, но и являлось подлинным подвигом. Его совершили великие каппадокийцы: св. Василий Великий, св. Григорий Богослов (Назианзин) и св. Григорий Нисский. Ради спасения мира Церковь в их лице восприняла на себя задачу христианизации греческой культуры, плодом чего явилась тысячелетняя православная культура (см. также 59, гл. 1-4).

Святой **Василий Великий** (329-379 гг.) родился в Кесарии Каппадокийской в богатой и благочестивой семье. В гонение Диоклетиана его дед со стороны матери был лишен жизни за веру, а дед со стороны отца в течение семи лет вместе с семьей скрывался в лесах от преследования. Его отец Василий-старший был учителем красноречия и адвокатом. В семье было пять дочерей и пять сыновей, из них старшая дочь Макрина после безвременной смерти своего жениха избрала монашество, а три брата стали епископами и были причислены к лику святых – помимо Василия Великого это Григорий, епископ Нисский, и Петр, епископ Севастийский. В детстве Василия учили его мать Еммелия и благочестивая бабушка Макрина, среднее образование он получил в родном городе, учился в Константинополе, а затем был послан в Афины.

В Афинах, тогдашнем мировом центре премудрости, Василий познакомился с Григорием (будущим Богословом) и между ними возникла тесная дружба и глубокая духовная связь. Оба оказались недоступными соблазнам большого города с его радостями, удовольствиями и искушениями; оба знали только две дороги – в христианскую церковь и в школу. Вокруг них скоро образовался небольшой кружок Любомудров, в который пытался войти и знатный Юлиан, позднее ставший императором с наименованием «Отступник». Там, в Афинах друзья дали друг другу слово сообщать вести жизни христианских подвижников. Однако, в то время в Василии Великом боролись любовь к философии, жажда чистого знания и желание ухода от мира в аскетическую тишину и созерцание. Видимо, не случайно он покидает Афины тайно от своего друга, советуя Григорию остаться там учителем риторики. По возвращении домой, став учителем риторики в Кесарии, он увлекался своими успехами, «слишком много думал о своей учености и никого не находил равным себе». Большое влияние на него имела старшая сестра Макрина, под воздействием ее внушений он сумел победить искушения молодости.

В возрасте около 30 лет Василий твердо избрал свой будущий путь: он отказался от мирской жизни, принял крещение и был возведен в должность чтеца кесарийским епископом Дианием. Затем он отправляется в Египет, Палестину и Месопотамию, дабы посетить тамошних подвижников веры христианской. Образ жизни христианских аскетов, крайне воздержанных в пище, питье и сне, произвел на него глубокое впечатление и вызвал желание подражать им. Из этого путешествия он также вынес и тяжелые впечатления от раскола в Церкви, ибо в те годы весь христианский Восток был погружен в смуту и споры. Василий определяет свой образ служения Богу – аскетический.

Для аскетического уединения Василий избирает поэтический уголок вблизи Неокесарии, на берегу реки Ирис, где жили в уединении мать и старшая сестра его с другими девственницами, и устраивает неподалеку свое первое общежитие. Он пригласил сюда своего друга, но Григорий должен был заботиться о своих престарелых родителях, и потому не мог присоединиться, он лишь навещал молодого монаха. Молодые подвижники

проводили время в молитве, физическом труде, чтении Священного Писания и изучении сочинений Оригена. Плодом этих занятий стал их общий труд, известный под названием «Добротолюбие» (греч. «Филокалия»), благодаря чему для нас сохранилась часть одного из замечательных сочинений великого Оригена.

В письме к Григорию Василий набрасывал начала аскетической жизни: «Надо стараться держать ум в безмолвии. Ибо как взор, который то непрестанно кружит по сторонам, то обращается вверх и вниз, не может ясно видеть то, что перед ним... так и ум человека, влекомый тысячами мирских забот, не может ясно видеть истину... Единственный способ избежать этих [забот] – полное удаление от мира. А удаление от мира состоит не в том, чтобы телесно быть вне мира, но чтобы душой оторваться от сострадания к телу и не иметь ни города, ни дома, ни собственности, ни друзей, ни имущества, ни средств к существованию, ни забот, ни отношений с людьми...» (Цит. по: 42, с. 459).

В христианской среде в то время возник сильный порыв к уходу от мира, к аскетическому образу жизни. Образ жизни Василия получил широкую известность и вокруг, на берегах Ириса стали возникать новые монастыри. Заслуга Василия Великого состояла не только в том, что он положил начало монашеству в Каппадокии, но и в том, что он придал новую форму монашеской жизни. В Египте существовали два образа подвижничества: отшельнический и общежитийный. Первый предусматривал жизнь в полном уединении (в «пустыне»), что являлось опасным для слабых, лишенных опытного руководителя, и подчас влекло за собой впадение в духовную гордость и даже лишение рассудка; кроме того, отшельничество, по мнению Василия Великого, преследовало преимущественно цель собственного спасения и не оставляло места для исполнения заповедей евангельской любви к ближнему. Однако и многолюдное общежитие (греч. «киновия») имело неблагоприятные последствия, ведь постоянные хозяйственные заботы и тяжелый физический труд отвлекали монахов от молитвы и духовного созерцания. Поэтому Василий Великий создал смешанную форму монашеской жизни, в которой совмещались светлые стороны отшельничества и общежития, но отсекались их крайности и неудобства. Молитва и созерцание в его монастырях чередовались с физическим трудом, но таким, который не разрушал духовной собранности и простоты жизни монахов. В этих монастырях воспитывались дети обоего пола, оказывалась широкая благотворительность. Позднее Григорий Богослов с теплым чувством вспоминал это время, когда друзья «роскошествовали в злостраданиях».

В эти годы вырабатывается богословие Василия Великого, в котором он сумел синтезировать «достижения эллинского ума с христовым благовествованием». Он утверждал, что сущность Божия остается для человека совершенно непостижимой, она превосходит всякий ум и знание не только «человеческое, но и ангельское. Довольно тебе знать, что Пастырь добр, что положил душу за овцы. Вот предел богопознания! А как велик Бог? Какая мера Его? Каков Он в сущности? Подобные вопросы опасны для вопрошающего и затруднительны для вопрошаемого» (11, т. 7, с. 156). По мысли Василия Великого, человек – общественное существо; социальная справедливость в обществе была бы соблюдена, если бы каждый ограничился самым необходимым, но – находящиеся ниже негодуют на тех, кто выше, что обделены ими, а богатые, заполучив общее, присваивают его (11, т. 7, с. 165).

С восшествием в 364 г. на императорский престол Валента усилился арианский натиск на Церковь. Василия стали звать на родину. Он в 360 г. присутствовал на Константинопольском соборе и получил опыт полемического богословия. В 362 г. на епископскую кафедру его родной Кесарии был избран некий Евсевий, человек благочестивый, но совершенно неподготовленный к ответственному церковному служению и потому заинтересованный иметь опытного помощника, каким мог быть Василий.

В 364 г. Василий возвращается домой. Он был посвящен в сан пресвитера и стал на несколько лет ближайшим помощником епископа Кесарийского. На этом месте, по словам Григория Богослова, Василий был всем: «добрым советником, искусным помощником, толкователем слова Божия, наставником в делах, опорой старости, хранителем веры, самым надежным из клириков и опытнее всех мирян» (Цит. по: 87, с. 59). Однако скоро отношения между епископом и пресвитером стали омрачаться всевозможными недоразумениями.

Думается, что все же главной причиной возникавших трений стала зависть престарелого епископа к выдающимся талантам своего молодого помощника. Неутомимая деятельность Василия, который фактически управлял епархией, яркое красноречие и глубина его проповедей привлекали на его сторону как большинство верующих мирян, так и монахов. Евсевию показалось обидным оставаться в тени, быть «управляемым» своим помощником, дело, дошло до явного разрыва. Василий, понимая человеческую немощь своего архипастыря, а также свою долю вины (его упрекали в гордости, сухости и высокомерии), для избежания раскола (греч. «схизмы»), ушел сначала к Григорию, а затем в свои монастыри. Однако давление ариан, подкрепленное властью императора Валента, вынудило Евсевию одуматься. Он прибег к посредничеству Григория для возвращения Василия, ибо только тот мог противостоять торжеству арианства. Василий вновь стал руководить всеми делами епархии, энергично помогал горожанам во время голода (он продал часть своего имущества и устроил бесплатные столовые для голодающих, а его обличительные проповеди против жестокосердия богачей побудили тех к пожертвованиям).

Яркий и живой портрет личности Василия Великого того периода дает о. Георгий Флоровский: «Св. Василий был пастырь по призванию, пастырь по темпераменту. Он был человек воли прежде всего. Но у него не было того боевого героизма, которым так выделялся св. Афанасий, точно молодевший в борьбе. Св. Василий от борьбы уставал. Ему легче было обороняться изо дня в день, нежели биться в решительной битве. Но он был человеком долга. И он старался преодолеть самого себя в послушании, в смиренном несении упавшего на него долга. Его воля была закалена в суровом аскетическом искусстве. Сила воли чувствуется в самом его стиле, точно кованном. В характере св. Василия было что-то крутое и властное, и его властность многим казалось тяжелой. На него жаловался даже его нежный и любящий друг св. Григорий Богослов. Но Василий не был человеком холодным. Он был очень впечатлителен, болезненно переживал житейские разочарования, предательство и измену друзей – прежде всего Евстафия Севастийского [также ревностного молитвенника и аскета, но в своем рвении создавшего секту строжайших аскетов, отвергавших брак, мясную пищу, не причащавшихся у женатых священников, но распавшуюся после осуждения учения Евстафия на Гангрском соборе около 365 г., а Василий Великий любил и долго защищал Евстафия – А. Я.]. И иногда у него срывались слова горечи и отчаяния. Но обычно он скрывал, превозмогал свои чувства, свои огорчения, и подчинял свои личные чувства заповедям и долгу... телесно св. Василий никогда не был крепок, с молодости был хвор» (87, с. 58).

В середине 370 г. Евсевий скончался. Казалось бы, Василий был первым и естественным его преемником, но против него выступили ариане и значительная часть епископов. Важную роль в избрании Василия сыграл отец его Друга Григория, уважаемый и влиятельный Григорий-старший, епископ Назианзинский.

Главной задачей нового архипастыря оказалась борьба за удержание своей кафедры, чтобы ее не заняли ариане. В этой борьбе он сумел привлечь на свою сторону мирян – силой власти, силой слова и силой милосердия; он сумел также смягчить остроту противоречий среди епископов, хотя иные критиковали его за слишком большие уступки, за умалчивание разногласий и отказ от открытого исповедания своих идей, например, что Дух Святой есть Бог. «Василий медлил до времени употребить собственное речение, – писал позднее Григорий Богослов о друге, – прося у самого Духа и у искренних поборников

Духа не огорчаться его осмотрительностью, потому что, когда время поколебало благочестие, стоя за одно речение, можно неумеренностью все погубить. И поборникам Духа нет никакого вреда от малого изменения в речениях, когда под другими словами они узнают те же понятия, – потому что спасение наше не столько в словах, сколько в делах» (Цит. по: 87, с. 59). За верный богословский язык полуариане могли бы изгнать его из города, и еретики завладели бы епархией. Однако чрезмерные ревнители православия питали к нему такую же вражду, как и ариане, за уступчивость и нетвердость в своих примирительных стараниях. В этих уступках по частным вопросам сказывалась мудрость Василия Великого, столько же искусного учителя, сколько и церковного миротворца. Во времена жестоких гонений ему одному из православных епископов удалось удержаться на кафедре.

В 371 г. император Валент предпринял поездку в Малую Азию ради торжества арианства, он вез с собой уже подписанный указ о смещении Василия с кафедры. Перед собой он послал префекта Модеста, который в Кесарии призвал на суд епископа Василия и потребовал, чтобы тот исключил из Символа веры слово «единосущный», ведь уже много епископов приняло это требование императора. «Мой царь не хочет, да и сам я не могу поклоняться твари», – ответил Василий Великий. «А нас за что ты считаешь?» – спросил надменный вельможа. «Ни за что при таких повелениях». «Как? и ты не боишься власти моей? Я прикажу описать твоё имение в казну, тебя самого сослать в ссылку, предать на мучение, предать смерти!» «Гроби чем-нибудь другим, если сможешь... У кого нет имения, у того и описывать его нельзя. У меня есть только одна власяница [одежда в форме мешка из грубой ткани темного цвета – *А. Я.*] и несколько книг. Ссылки я не считаю [наказанием]. Вся земля Божия, а я пришелец и странник. Смерть – благодеяние для меня, она скорее приведет меня к Богу, для Которого я живу, служу и большею частью уже умер». Модест поразился такой смелости, привычный, видимо, к покорности других церковных иерархов: «До сих пор никто так не говорил со мною!» «Вероятно, тебе не случалось говорить с епископом, – ответил Василий. – Во всех других случаях мы бываем кротки, смиреннее всякого. Но когда дело идет о славе Божией, – тогда все прочее для нас ничто, и только на нее одну смотрим. Огонь, меч, звери, железные когти – больше радости доставляют нам, чем страха» (Цит. по: 84, т. 2, с. 99).

Но вот сам император прибывает в Кесарию, 6 января 375 г. в праздник Богоявления Валент вошел в базилику, в которой Василий Великий совершал богослужение. Император был поражен стройным пением молящихся и благоговейным служением епископа, который даже не заметил торжественного входа василевса. Когда Валент подал свое приношение, никто из диаконов не решался принять его без позволения епископа. Земной владыка, привыкший к раболепству придворных иерархов, был поражен. Тогда Василий подал знак принять приношение императора, а после службы имел с ним продолжительную беседу. Твердостью, тактом, личным обаянием и благоразумной уступчивостью Василий Великий победил. Император разорвал свой указ об изгнании Василия из Кесарии (говорят, что он внезапно получил известие о болезни своего сына, и это поразило его), а перед отъездом пожертвовал большие суммы на дела благотворительности. Тем не менее, по настоянию ариан, епархия Василия была разделена на две, и во главе новой, в городе Тианы был поставлен враг и соперник Василия – епископ Анфим.

Так Василий Великий предстает перед нами как человек, достигший духовной зрелости, отрешившийся от всего земного. За годы своего управления Василий Великий смог очистить состав своего клира от недостойных, так что соседние епископы искали себе преемников среди пресвитеров Кесарии. Он сделал важные преобразования в церковном богослужении, которое отличалось у него строгим порядком (например, указывал в воскресные дни совершать молитвы стоя прямо, без коленопреклонения и поклонов в знак воскресной радости). Главной догматической заслугой Василия Великого стало

окончательное определение троичной терминологии: Бог один по существу и троичен по ипостасям. Задача людей состоит в обожении, «я не могу поклоняться твари, имея повеление стать Богом», – говорил он. До наших дней дошли аскетические творения Василия Великого, «Беседы на Шестоднев» (в повествовании о шести днях творения мира он раскрывает с богословской и философской точки зрения непостижимую премудрость и славу Бога), Большое и Малое монашеские правила (в составлении которых помогал Григорий Богослов), его глубокие и трогательные молитвы. Вечным памятником ему осталась литургия его имени. В деле благотворительности он выступил противником помощи всякому без разбора, вблизи Кесарии он выстроил странноприимный дом и церковь, больницу, лепрозории, богадельни и рабочие дома.

В эти годы омрачилась дружба его с Григорием Богословом. Тот не был по характеру борцом; хотя и был посвящен отцом во пресвитера, однако оставался погруженным в богословские размышления и всячески отстранял попытки Василия вовлечь его в водоворот бурной церковной жизни. Но в 372 г. Василий Великий тягася с епископом Тианским Анфимом из-за пределов своей епархии. Ему понадобилось поставить надежного человека на вновь учрежденную им кафедру в маленьком местечке Сасимы и выбор его пал на Григория, в котором он видел своего естественного сотрудника. Под сильным давлением Василия и своего отца Григорий Богослов принял посвящение в епископа Сасимского, но не вступил на свою кафедру, а ушел в горы для аскетического уединения. «С этих пор, – с горечью вспоминал он позднее, – на меня низринулись все злключения и замешательства жизни. Самое время не истребило во мне скорби о том». Горечь обиды не дала Григорию увидеть в действиях друга что-либо большее, чем борьба за власть, однако в ту эпоху всякая попытка отстоять православие была связана с борьбой за власть, за влияние на клир и верующих, за контроль над епархиями. Василий подлинно отрешился от всего земного ради блага Церкви, в том числе, и от слабости дружбы.

Василий Великий в своей деятельности незаметно вышел за пределы своей епархии. Его организаторский талант помогал всей Церкви. В переписке с Афанасием Великим и папой Римским Дамасием он старался сплотить ряды православия для победы над арианством и умиротворения Церкви. Он выступал ревностным сторонником созыва вселенского Собора для окончательного осуждения всех проявлений арианства, но не дожил до этого события. Уже в сорок лет он называл себя стариком, но не жалел ни сил, ни здоровья ради Церкви. Скончался Василий Великий 1 января 379 г., сорока девяти лет от роду.

4. Святой **Григорий Богослов** (326-389 гг.) родился в богатой и знатной семье, в имении своего отца Арианзе, вблизи Назианза, маленького городка юго-западной части Каппадокии, епископом которого был отец Григория. Большую роль в семье играла его мать Нонна, имевшая сильное влияние на своего мужа, для которого она была наставницей в благочестии. Григорий обладал блестящими способностями и существенно развил их за время обучения в Кесарии Каппадокийской, Кесарии Палестинской, Александрии и в Афинах, где подружился с Василием, по его признанию, «ища познания, приобрел счастье».

«Стали мы друг для друга всем – и товарищами, и сотрапезниками, и родными, имели одну цель – любомудрие, и непрестанно возрастали в пламенной любви друг к другу. У нас все было общее, и одна душа в обоих связывала то, что разделяли тела». Григорий будто был предназначен судьбой в сотоварищи Василию Великому, дополняя и смягчая его суровость, суховатость и властность своей кротостью, мягкостью, увлеченностью. Один имел сильную волю и организаторские способности, другой обладал большей глубиной мышления и поэтическим воображением.

В Афинской Академии христиане преподавали рядом с язычниками, всякий мог выбирать себе преподавателя. Главное внимание уделялось там риторике и софистике. С

ранней молодости Григорием овладела «какая-то пламенная любовь к наукам». «Я первый из любителей мудрости, – говорил он, – я никогда не предпочту этому занятию ничто другое, чтобы сама Мудрость не назвала меня жалким...» «Полагаю, что всякий, имеющий ум, признает первым для нас благом ученость... и ученость внешнюю, которою многие из христиан по худому разумению гнушаются, как злохудожною, опасною и удаляющею от Бога. Но мы не станем восставлять тварь против Творца. Не должно унижать ученость, как некие о том рассуждают, напротив, нужно признать глупыми и невеждами тех, кто, держась такого мнения, желали бы видеть всех подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть собственные свои недостатки и избежать обличения в невежестве» (Цит. по: 87, с. 91). Впоследствии Григорий Богослов обличал Юлиана Отступника больше всего за запрет христианам преподавать словесные и мирские науки.

Григорий показал блестящие успехи в риторике и получил немалую известность в Афинах. По мягкости характера он поддавался внушению друзей и преподавателей и остался на некоторое время в Академии в качестве преподавателя риторики. Тайный уход Василия он переживал тяжело, считая это предательством. То было первое тяжелое испытание их дружбы, но и в этот раз и впоследствии Григорий прощал друга.

Он прошел полный курс обучения филологического и философского, и в 358 г. или 359 г. в возрасте около 30 лет вернулся домой и крестился. Стоит добавить, что во время плавания из Александрии в Афины корабль, на котором находился Григорий, попал в жестокую бурю. Страх перед потерей жизни у Григория был меньше, чем страх умереть некрещенным, и в молитве к Богу он дал обещание посвятить Богу всю свою жизнь, если выживет. После этого шторм неожиданно прекратился (42, с. 20).

Наследственность и воспитание развили в Григории глубину мышления, пылкость чувств и легкую возбудимость, поэтический дар и вместе с тем – упорство и твердость. Он некоторое время занимает должность ритора, но влечет его идеал безмолвия, перед ним встают образы пророка Илии и Иоанна Предтечи, он мечтает о бегстве в горы и пустыни, «чтобы неоскверненному беседовать с Богом и чистому озаряться лучами Духа, без всякой примеси дольного и омраченного, без всяких преград для Божественного света, пока не приду к Источнику здешних озарений и не буду остановлен в желании и стремлении тем, что зеркала упраздниться действительностью...» (Цит. по: 87, с. 92). Пересилили любовь к Божественным книгам – Писанию и любовь к родителям, требовавшим от сына участия в управлении имением. И пришлось заниматься немалым хозяйством, распорядиться рабами, бывать на рынках, решать споры и конфликты.

Поясним, что в то время существовало четкое различие между образом жизни и служением монахов и священников: монахи жили вдали от людей, занимались углубленной молитвой и созерцанием, молчали, а священники жили среди моря житейского, были заняты активной деятельностью и в храме и в общине верующих, они были обязаны проповедовать. Поэтому монахи избегали посвящения в священный сан. Вынужденное погружение в море житейской суеты помогло Григорию понять, что чисто монашеский образ жизни – в пустыне и отрешении от всего – не по нему. Монашество привлекало полной отрешенностью от мира и приближением к Богу, но его влекла книжная мудрость, в нем горело желание внести свое слово в кипящие вокруг богословские споры. Лишь со временем он осознал, каков же его путь в жизни, уготованный ему Богом.

Тем не менее, в родительском доме среди житейской суеты и в обстановке полного недостатка он ведет жизнь суровую – в воздержании, в изучении Писания, в молитвах, в бдении без сна. Сердце влекло его на берега Ириса, где поселился его друг Василий, и с радостью он спешил туда, чтобы разделить безмолвие, лишения, псалмопение и постижение глубин сочинений Оригена. Будто продолжались легкие годы учения, но вскоре жизнь Григория изменилась.

Его отец, Григорий-старший, с трудом нес свое епископское послушание, не хватало ему и знаний и твердости для избрания верного пути в тогдашнем водовороте богословских споров и смут. Он решил сделать помощником своего умника сына. Покорный власти отца, Григорий против своей воли на Рождество 361 г. принимает сан пресвитера. С тех пор и в продолжении почти десяти лет Григорий оставался в Назианзе в качестве помощника своего отца. В 372 г. с еще большей неохотой и печалью он вынужденно принимает сан епископа и уходит в горы. В письмах к Василию он откровенно пишет, что Сасимы – место ужасно скучное и тесное, там всегда пыль, слезы, рыдания, жители там чужеземцы и бродяги. «Укоряешь меня в лености и нерадении, потому что не взял твоих Сасимов, не увлекся епископским духом, не вооружаюсь вместе с вами, чтобы драться, как дерутся между собою псы за брошенный им кусок», – в этих словах ощутимо раздражение на Василия, который не задумался распорядиться своим другом так, как считал нужным, не обращая внимания на его склонности и желания. «Снова на мне помазание и Дух, и снова хожу, плача и сетуя», – писал Григорий в те дни. Однако и в этом, казалось бы неблагоприятном для него развитии событий проявилась воля Божия, ибо не мог укрыться такой великий светильник Истины от высокого служения. Болезнь отца заставила его вернуться на время в Назианз, но в 375 г. после смерти родителя он уходит в Селевкию в Исаурии, где около трех лет ведет созерцательную жизнь. Здесь застала его весть о кончине друга. Григорий не поехал на похороны – по болезни, а быть может и из-за тяжелых переживаний. Но спустя несколько лет он написал ставшее бессмертным памятником широко известное «Похвальное слово» о Василии Великом, как о человеке, достигшем духовного совершенства.

В 379 г. немногочисленная православная община Константинополя, у которой арианами при Валенте были отняты все храмы, приглашает Григория Богослова, дабы поддержать их в противостоянии с арианами. Он поселяется в доме своих знакомых, превратив одну комнату в храм святой Анастасии («Воскресения»), и начинает проповедь православия. Ариане встретили его насмешками, ругательствами и камнями, подсылали тайных убийц, но успех его проповедей оказался ошеломительным. Люди «тянулись к нему как железо к магниту». Приходилось бороться не только с арианством, но и с учениями Македония и Аполлинария.

Бушевали и человеческие страсти. Возревновавшие к славе Григория египетские епископы взяли да посвятили в епископы Константинополя (формально кафедра оставалась незанятой) некоего Максима-циника, личность темную (он был дважды судим, подвергнут бичеванию и изгнан из родного города). Этот Максим объявил себя философом, обратившимся к христианству и разделявшим никейские воззрения. И премудрый, но доверчивый Григорий ему поверил, проникся глубокой симпатией к Максиму, поселил у себя в доме и приблизил его к себе (стоит напомнить, что к тому времени Григорий остро переживал одиночество: умерли отец, мать, брат, сестра и горячо любимый Василий). Когда Григорий узнал о рукоположении Максима (церемония происходила ночью, втайне ото всех), это стало для него новым сильным потрясением, и в своих последующих сочинениях он не жалел резких слов для обличения предателя-философа (как человек, он простил его). Народ изгнал Максима, тот бежал в Рим, где нашел приют у папы Дамаса, который плохо знал о сути происходившего на Востоке.

Григорий собрался уходить на покой, но вызвал этим настоящую бурю протеста среди верующих: «Вместе с собой ты уводишь Троицу!» – кричали ему (36, с.73). Он остался до решения Собора. Взошедший на престол император Феодосий Великий в 380 г. отнимает церкви у ариан и передает их православным, а Григория Богослова при одобрении малой части народа утверждает на столичной кафедре. Так аскет и молитвенник становится патриархом.

В 381 г. в Константинополе открывается второй вселенский Собор, на котором Григорию Богослову пришлось председательствовать. Это было не по нему, собрание вечно спорящих, одетых в черные рясы епископов и пресвитеров он называл «буйной стаей галок», однако с этими людьми приходилось решать важные вопросы. Православие было защищено, но против Григория выявилось недовольство. Одни возмущались его пастырским правилом «Тайна спасения для желающих, а не для насилуемых»; других беспокоила догматическая прямота в учении о Духе этого «вводителя новшеств»; третьим он казался слишком прост, недостаточно вельможен для патриарха. «Не знал я, – иронизировал Григорий, – что и мне надобно ездить на отличных конях, блистательно высидеть на колеснице, что и мне должны быть встречи, приемы с подобострастием, что все должны давать мне дорогу и уже издали расступаться передо мной, как перед диким зверем» (Цит. по: 87, с. 95).

На Соборе был поставлен вопрос о незаконности перемещения Григория с кафедры в Сасиме на Константинопольскую вопреки 15-му правилу Никейского Собора (которое запрещает епископу одного города принимать на себя управление церковью другого города), хотя не очень скрывалось, что это лишь предлог для смещения неугодного. Он не стал дожидаться очевидного решения, оставил кафедру, свою паству и с горечью покинул Собор, «место общей победы». Главной причиной своего личного поражения святитель считал догматические расхождения по вопросу о Божестве Святого Духа: Собор не решился внести в Никео-Цареградский Символ веры прямое утверждение о Божестве Святого Духа. Стоит заметить, что несмотря на это драматическое завершение служения Григория Богослова и проявленные человеческие немощи и страсти соборян, впоследствии немалое число участников второго Вселенского Собора было причислено к лику святых за то великое, что им удалось сделать для Церкви.

Григорий удалился в родное селение Арианз, где намеревался провести последние годы жизни в строгих аскетических подвигах. «Уединяюсь к Богу, Который один чист и не коварен... Углубляюсь в себя самого. Ибо два раза спотыкаться о тот же камень, по пословице, свойственно только безумным», – писал он епископу Воспорию. Но в родном Назианзине кафедра оказалась занята аполлинаристами, с которыми усталому и разбитому физически святителю пришлось бороться, раскрывать интриги, вступать в споры. Лишь после их замены Григорий Богослов смог удалиться на покой. Он занялся литературным трудом, странствовал по разным монашеским обителям. Скончался святой Григорий Богослов в 389 г.

Богословская система Григория Богослова в догматической части содержит учение о Троице, учение о лице Иисуса Христа, о вере и знании и многом другом. Многочисленные сочинения его состоят из 45 слов, из которых наиболее важны «Пять слов о богословии» с 27-го по 31-е, в них он дает определения природе Бога, непостижимой, непознаваемой по сущности, превосходящей всякое определение и образ, но познаваемой по красоте космоса и человеческого естества; он дает систематическое учение о Боге Сыне, раскрывая проблему человеческой и божественной природ в воплотившемся Боге, он доказывает божественность Святого Духа и равенство Его двум другим ипостасям Святой Троицы; сохранились 240 писем и собрание стихотворных произведений. Сочинения Григория Богослова наполнены лирическими отступлениями и биографическими подробностями, что ярко характеризует его личность.

5. Святой **Иоанн Златоуст** (около 347-407 гг.), признанный одним из величайших Отцов Церкви, был одним из лучших и замечательнейших представителей антиохийской богословской школы. Он родился в знатной семье, рано лишился отца и воспитывался матерью Анфусой, по воспоминаниям, образцовой христианкой, обладавшей глубокими познаниями в науках. Оставшись вдовой в 20 лет, она всю жизнь посвятила воспитанию

сына. В школе он учился у знаменитого языческого ритора Ливания. Свои блестящие дарования он тщательно развивал основательным образованием, поэтому его успехи в науках были столь велики. Когда у его учителя спросили, кого он оставит своим преемником в школе, Ливаний не задумываясь ответил: «Оставил бы Иоанна, если бы не отняли его у нас христиане!»

Недолго пробыв адвокатом, Иоанн прославился своим красноречием, но скоро мирская слава прискучила ему, театр и пустое светское времяпрепровождение стали раздражать. Его влекло иное. Иоанн обращается к изучению христианского богословия под руководством епископа Антиохийского Мелетия, который вскоре крестил его, а в 370 г. определил в клир на должность чтеца. Интересно, что сам Иоанн намеревался после крещения удалиться в пустыню и остался лишь по просьбе матери. Несколько лет он изучал христианское богословие и вполне усвоил антиохийский метод толкования Писания – рациональный, чуждый мистики и аллегорий.

По кончине матери он исполнил свою мечту: четыре года жил в уединенной монашеской обители и два года в совершенном одиночестве в пещере. За эти годы он лучше познал человеческую природу, изучая как себя самого, так и близких – монахов. Один из монахов оставил монашеское служение ради антиохийской красавицы Гермiony – в 373 г. Иоанн пишет свое сочинение «К Феодору падшему», и тот одумался, отказался от брака; другой его товарищ, Василий принял епископский сан и укорял Иоанна за то, что тот избегает высшего служения – в ответ на его укоры Иоанн Златоуст написал «Слово о священстве», в котором раскрывается высокий идеал христианского пастыря и требуемые от него качества. В то время монастыри подчас вызывали недовольство в обществе, ибо отнимали у него лучших его представителей, – Иоанн пишет в 386 г. три слова «В защиту монашества», в которых объясняет: отшельничество есть лучшее средство сохранить индивидуальную свободу мысли и чувства от деспотизма общественных нравов и среды, но в то же время, это лучший способ послужить самому обществу, его высшим, духовно-нравственным интересам. Он советует родителям отдавать своих сыновей после получения образования на время в монастыри, ибо там, в уединении легче достигается нравственная зрелость, лучше складывается характер и образуется законченное мировоззрение. Кроме того, он написал в пустыне еще несколько богословских сочинений.

Непомерный аскетизм и усиленные занятия расстроили здоровье Иоанна, в 381 г. он возвращается в Антиохию. Здесь он был рукоположен в сан диакона, а спустя пять лет – сан священника, в котором прослужил еще двенадцать лет. За это время Иоанн смог хорошо узнать жизнь и людей: в качестве диакона он нередко занимался благотворительностью, испрашивал подавание у богатых, посещал бедноту, имел представление об образе жизни и воззрениях всех слоев тогдашнего общества. Церковь в Антиохии питала несколько тысяч вдов и детей, больных, странников и заключенных.

В качестве священника он начал почти каждый день произносить проповеди, которые сделали его знаменитым. В них он, как правило, импровизировал. Главная мысль всех его проповедей – любовь к людям и желание им спасения. Например, он увещевал, что «не надобно обнаруживать грехов ближнего, ни порицать его; не надобно ни о себе отчаиваться, ни молиться противу врагов» (Цит. по: 84, т. 2, с. 196). Будучи великим учителем христианской жизни, святитель Иоанн в своих проповедях неизменно человечен. Например, говоря о греховности посещения цирка, он всегда высказывает сочувствие, понимание страсти к зрелищам, но – грех остается грехом. Его простые и увлекательные беседы часто вызывали стоны и слезы, прерывались рукоплесканиями. Иоанн останавливал слушателей: «Что мне в ваших рукоплесканиях? Исправление жизни и обращение к Богу – вот лучшая мне похвала от вас!» Одна из верующих в порыве восторга от его слов в храме громко назвала его Златоустом, и с тех пор это почетнейшее наименование стало неизменным прибавлением к его имени.

В 397 г. после смерти Нектария (противника Григория Богослова) стала свободной кафедра Константинопольского архиепископа. Известность Иоанна была столь велика, что император Аркадий (правил в 395-408 гг.) пожелал поставить на нее знаменитого проповедника. Власть опасалась, что антиохийцы не отпустят Иоанна, и потому его увезли тайно. Первое время святительства было очень утешительно для Иоанна. Он с пылкой ревностью предался заботам об искоренении остатков арианства, старался примирить враждовавших епископов, наставлял духовенство и всю паству. «Не еретика преследую, а ересь, не грешника, а грех, – говорил Иоанн в своей проповеди. – Сколько бы ты меня ни бранил, от чистого сердца говорю тебе: мир, ибо любовь Отца во мне. Тем более буду любить вас, чем менее любим буду вами». Однако его деятельность пришлась не всем по вкусу.

Само по себе назначение на высший духовный пост смиренного провинциального пресвитера, человека без всяких связей и знакомств в столице, породило раздражение и зависть в среде духовенства. Недовольство легкомысленного и суетного константинопольского общества открыто проявилось, когда Иоанн вопреки заведенному его предшественником обычаю не стал устраивать пиров и сам не посещал пиров у знатных вельмож, когда он в проповедях сообщал, что из тысяч присутствующих спасутся лишь немногие. Многие лишь усмехались на призывы ходить не в театр, а в церковь хотя бы на два часа в неделю, и таких святитель обличал: «Театр – это храмина сатаны, школа безнравственности... не все ли здесь соединено для того, чтобы губить душу? бесстыдные женщины, и нецеломудренные песни, и страстная музыка?... Театр наполняет сердце и мысль образами нечистыми, приучает к жизни праздной и рассеянной, – порождает холодность к обязанностям семейным и к святому благочестию...» (Цит. по: 84, т. 2, с. 237).

Улыбку вызывала «старомодная и провинциальная» простота первого церковного сановника, ибо он расходовал большую часть сумм, ассигнованных на содержание свое и архиерейского дома, на помощь бедным, на устройство больниц. Но позднее богатые слои стали толковать благотворительность и призывы о помощи бедным со стороны Иоанна как возбуждение антагонизма между бедными и богатыми, говорили, что он «соблазняет народ». Распущенное столичное священство возмущалось установлением должной дисциплины (например, требованием изгнать из домов епископов прислужниц, запретом духовенству посещать светские приемы, а монахам – бродить с места на место), утверждением твердого порядка в богослужении, требованием длинных служб и крестных ходов. Наконец высказанное резко обличение роскоши и суетности знатных дам вызвало недовольство самой императрицы Евдоксии, женщины суетной и властолюбивой. Но как убрать неудобного, но любимого народом архипастыря?

Императрицу Евдоксию подстрекал архиепископ Александрийский Феофил, вокруг которого объединились все недовольные Иоанном епископы. В 403 г. Халкидоне вблизи Константинополя они составили архиерейский собор («собор при Дубе»), на котором осудили Иоанна Златоуста по самым мелочным и ложным обвинениям (например, за то, что он «ест один и не знает гостеприимства», за «оригенизм» и «неуважение императорского величия», за то, что дал приют – хотя и не принял в церковное общение – изгнанным за оригеновское направление монахам, и даже просил Феофила об их прощении). Святитель трижды отклонил приглашение на собор, не желая выслушивать «смехотворные сплетни», но тем не менее был отправлен слабавольным Аркадием в изгнание.

«Церковь Иисуса Христа не мною началась и не мною кончится», – сказал Иоанн пришедшим его утешать друзьям и оставил столицу. В ту же ночь случилось землетрясение, императорский дворец шатался как тростниковая хижина. Пораженная и испуганная Евдоксия спешно послала гонца к Иоанну с просьбой вернуться.

Иоанн вернулся через три дня, был встречен народом с ликованием, двором – с большой торжественностью, и продолжил свою прежнюю деятельность а полном объеме. На одной из площадей Константинополя, недалеко от кафедральной церкви св. Софии была поставлена серебряная статуя императрицы, вокруг которой были организованы песни и пляски народа, что дало повод святителю сказать сильную проповедь. Евдоксии донесли, что Иоанн назвал ее «беснующейся Иродиадой». Удивительно ли, что спустя два месяца проповеди Златоуста, в которых он громил пороки и обличал равнодушие общества к нищете своих братьев, привели в 404 г. к его второму и окончательному удалению из столицы. На следующий день после его изгнания случился пожар, в котором сгорели храм св. Софии и сенат, а три месяца спустя Евдоксия умерла во время родов.

Около трех лет Иоанн прожил в армянском городе Кукузе. Западные епископы просили императора об освобождении невинного, но были заключены в темницу, а самого святителя отправили еще дальше, в Пицунду. Солдаты вели его пешком через горы и в зной и в проливной дождь, таков был отданный им приказ. Что может быть более ярким примером внешней воцерковленности тогдашней жизни? Святителя гнал не внешний мир, а неправда и нелюбовь христианского мира, собственные лжебратия.

В городе Команах изможденный до крайности святитель остановился на ночевку, и ему было видение святого мученика Василиска, мощи которого почивали в этом городе. «Не унывай, брат Иоанн, – сказал святой, – завтра будем вместе». Иоанн Златоуст мирно скончался утром 14 сентября 407 г. Последними его словами были: «Слава Богу за все!» В 438 г. мощи святого Иоанна Златоустого были торжественно перенесены в Константинополь.

До нас дошло 804 проповеди Иоанна Златоуста, хотя их было безусловно больше. Они сохранились не в его собственном изложении, а в записях скорописцев, но тем не менее считаются образцами христианского проповедничества по богатству идей, силе чувства и увлекательности слова. Рассуждения Иоанна Златоуста об устройстве взаимных отношений людей на христианских принципах, о воспитании детей, о домашней молитве, о труде как основе общественного благосостояния, об обязанности заботиться об общем благе, о вреде театра и опасности погони за богатством, о христианской взаимопомощи и другие – это энциклопедия христианского нравоучения. Люди равны перед Богом, утверждал этот проповедник любви. «Обвиняю не богача, а хищника. Ты богат? Не мешаю тебе. Но ты грабитель? Осуждаю тебя. И богачи и бедняки – равно мои дети». «Если ты тысячу раз впал в грех – иди ко мне и будешь исцелен», – обращался он к грешнику любого звания, утверждая, что «человеческая природа имеет у себя достаточный закон в совести». Аскетизм для Златоустого, писал о. Георгий Флоровский, означал прежде всего внутреннюю свободу и независимость от мира, от внешней обстановки и условий жизни (87, с. 206).

Яркие картины частного и общественного быта, нравов и воззрений византийского общества того времени в проповедях святителя до сих пор представляют интерес не только для историка. Велика заслуга св. Иоанна Златоуста как толкователя Священного Писания, его ясное и простое объяснение признано классическим в христианской литературе и послужило в дальнейшем материалом для других толкований на Востоке и на Западе. Его имя носит самый известный чин литургии, сокращенной по сравнению с литургией Василия Великого, и ныне литургия в православных церквях почти весь год служитя по чину св. Иоанна Златоустого. Он ввел в обиход крестные ходы, стройное церковное пение и некоторые другие благочестивые обычаи.

Лекция 7. ДОГМАТЫ, ТАИНСТВА И БОГОСЛУЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

1. Иисус Христос возвестил истину чисто религиозным путем, путем веры. Он принес божественное Откровение, т.е. сообщил горние истины, которые человеческий разум самостоятельно не мог найти и тем более постигнуть их сокровенный смысл.

Святые апостолы Иоанн Богослов и Павел заложили начало христианского богословия, а в дальнейшем апологеты и Отцы Церкви пытались выразить истины веры и на научном языке. Развитие богословия, как было показано ранее, происходило в напряженных поисках и нередко в ожесточенной борьбе ради максимально точного, ясного и понятного для всех выражения истин веры – догматов.

Догмат (от греч. *dogma* – мнение, учение, постановление) – это понятийно сформулированное положение веры, основанное на Священном Писании и утвержденное авторитетом Церкви. По учению Отцов Церкви, догмат есть непререкаемая истина о Боге и Его Домостроительстве, данная через Божественное откровение, и потому противостоящая любому личному мнению. Догмат относится к внутреннему существу религии, это истина созерцательного учения, и этим отличается от других истин и постановлений христианской религии – нравственных, литургических, канонических. Догматы лежат в основе вероучения и признаны истинами вечными и неизменными, обязательными для всех верующих, т. е. для всех членов Церкви.

Понятие «догма» использовалось Цицероном, Сенекой и другими античными авторами для обозначения таких истин, которые были общеизвестными и имели неоспоримое значение; это понятие встречается в текстах Ветхого и Нового Завета. Но философские, исторические и иные истины могут со временем уточняться, устаревать, заменяться иными, а догматы церкви – навеки абсолютные истины. В отличие от теорий и доктрин светских ученых они не придумываются. «Догмат – ни в коем случае не новое откровение, – писал о. Георгий Флоровский. – Догмат это только свидетельство. Весь смысл догматического определения сводится к свидетельствованию непреходящей истины, которая была явлена в Откровении и сохранилась от начала» (Цит. по: 14, с.19).

Церковь вводила догматы с большой осторожностью, стремясь в формулировании истин, во-первых, понятным образом сообщить их верующим, а во-вторых, отклонить ложные толкования истин. Отправной точкой в этой работе было церковное Предание, но разные богословы или целые школы подчас приходили к совершенно разным формулировкам. Находясь в рамках Церкви, они рано или поздно, отсекая крайности, находили единую общеобязательную формулировку, в то время, как еретики, находясь вне Церкви, субъективно выделяли то один, то другой аспект в ущерб остальным (см. 14, с. 17-22; 7, т. 1, 127-131).

Догматическая работа Церкви была вначале направлена на уяснение тринитарных тайн веры, затем – христологических, затем иных. В процессе борьбы за утверждение чистоты православной веры Отцы Церкви выработали богословскую терминологию, которая не встречается в Писании, но которая позволяет более четко выразить богооткровенную истину. Так возникли такие новые понятия как Троица, Единосущный, Богочеловек, Богородица. Православная Церковь в отличие от Римо-Католической без большой нужды не стремится что-либо догматизировать. Православные догматы утверждались Вселенскими Соборами только при возникновении ересей.

Против формулирования догматов выдвигалось и выдвигается такое возражение: христианство из-за них отказалось от своего религиозного призвания, превратилось из религии в богословие, в одну из областей знания. Но исповедуемое сторонниками такой точки зрения мнение о достаточности для христианина одной только веры ошибочно. В первом послании апостола Петра читаем: *«будьте всегда готовы всякому, требующему*

отчета у вас в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет, 3:15). А в первом послании апостола Павла к Коринфянам читаем: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1 Кор, 14:20).

Учение Церкви имеет спасительное значение, и потому знание и понимание догматов помогает в деле спасения. Догмат – вовсе не одно лишь теоретическое положение, он имеет духовную ценность. Вспомним героическую борьбу св. Афанасия Великого, пятикратно изгоняемого с кафедры, но не соглашавшегося на ложную формулировку догмата. Можно вспомнить и св. Максима Исповедника, который за верность православию был судим, подвергся мучениям и умер в ссылке.

В то же время, в своей глубине всякий догмат остается непостижимой тайной, догматические определения являются не столько положительным раскрытием учения о Боге, сколько указанием границ, за которыми находится область заблуждений и ереси. Интересно в связи с этим рассуждение одного русского богослова о том, что если бы наша вера была бы понятна и объяснима умом, тогда можно было бы допустить, что она (ее догматы) являются плодом человеческого измышления. Но так как все наши догматы выше ума нашего, не вмещаются в него, то очевидно, что их не мог выдумать сам человек. Они могли быть лишь даны нам или открыты Тем, о Ком эти догматы говорят. Следовательно, самая непостижимость догматов говорит не против них, а за их действительную истинность (27, с. 126).

Это нисколько не препятствует развитию и поискам богословской мысли, догматы – не путы для мысли и не кандалы, а предохранительные границы. Догматизировано только самое существенное и необходимое для спасения, но остается еще немало таинственного и нераскрытого в Священном Писании. Исследованием этих вопросов путем не столько логики и рассудочного анализа, сколько путем прямого созерцания истины через молитвенный подвиг занимаются богословы, высказывающие свое личное мнение. Это богословское мнение не является общецерковным учением, но оно должно заключать в себе истину, как минимум, не противоречащую Откровению. Таковы, например, суждения о двух- или трехсоставности человеческой природы; о том, как следует понимать бесплотность ангелов и человеческих душ; о Страшном Суде и др. Эти вопросы интересны, но несущественны для нашего спасения.

2. Основная догматика утверждена на первом и втором Вселенских Соборах, на которых был сформулирован Символ веры, провозглашающий основополагающие истины христианства: о Едином Боге, о создании мира Богом, о Святой Троице, т.е. триединстве Бога, о Боговоплощении, о девстве Богородицы, об искуплении, о вознесении, крещении, бессмертии души. Имеются также богооткровенные истины хотя и не догматизированные, но органично входящие в состав церковного Предания, о таинствах Церкви, о сотворении Богом мира из «ничего», о силе крестного знамения, о почитании святых и икон.

«Православная Церковь имеет лишь ограниченное число догматических определений, которые являются общеобязательным исповеданием для каждого ее члена, – указывал прот. Сергей Булгаков.– Строго говоря, этот минимум ограничивается Никео-Константинопольским символом, который и читается при крещении и на литургии, и постановлениями семи Вселенских Соборов. Это не означает, чтобы ими исчерпывалось все вероучение, которое жизненно содержится Церковью, но все это остальное вероучение не получило для себя обязательного догматического формулирования, оно содержится лишь в богословском учении, хотя и касается предметов чрезвычайной важности... Таков вообще стиль Православия, которое удовлетворяется насущным минимумом обязательных догматов, в отличие от католичества, стремящегося формулировать в канонах весь догматический инвентарь Церкви» (25, с. 223).

Католическая Церковь добавила к Символу веры так называемое «филиокве» – исхождении Духа Святого и от Бога Сына, а также ввела новые догматы – о чистилище, о непорочном зачатии Богородицы, о безошибочности папы Римского в делах веры.

У протестантов есть свой догмат: об оправдании верой.

О значении догматов говорит тот факт, что с древних времен и доньше перед воцерковлением крещаемый должен во всеуслышание прочесть Символ веры, т. е. засвидетельствовать свою веру в догматические истины православия (при крещении младенца Символ веры читают его крестные родители). В постановлениях шестого Вселенского Собора утверждается, что необходимо предавать анафеме тех членов Церкви, которые не приемлют догматов благочестия (14, с. 21). Дадим краткую характеристику основных догматов.

1) Вера во единого Бога Отца – для христианина это означает живую уверенность в Бытии Бога. Подкрепить эту уверенность можно несколькими известными доказательствами:

а) космологический аргумент в пользу бытия Божия высказывался еще древними мыслителями, начиная от Платона и Аристотеля. Исходя из причинности всего бытия необходимо признать первопричину всего существующего, каковой может быть лишь сверхбытие, которое не обусловлено ничем и существует вечно, т.е. Бог;

б) телеологический аргумент возник также очень давно и основан на поразительной гармоничности, целесообразности и закономерности всего существующего в мире – от звезд на небе до цветка на земле. Большинство людей считает причиной этого не слепой случай, а существование Разума, обладающего необыкновенным могуществом и сверхсовершенством, т.е., Бога;

в) психологический аргумент был выдвинут блаженным Августином: идея Бога как всесовершенного существа присутствует в человеческом сознании, но она не могла ни быть впечатлением внешнего мира, ни быть придуманной человеком, следовательно была вложена самим Богом;

г) исторический аргумент считается самым надежным со времен Цицерона, который писал, что «нет племени столь дикого, нет человека, настолько потерявшего сознание о нравственных обязанностях, душу которого не освящала бы мысль о богах. Многие о богах думают неправо, но это обыкновенно происходит от нравственного развращения и порочности: все же одинаково убеждены в том, что есть сила и природа божественная» (Цит. по: 19, с. 98-99). Поскольку в истории не известно ни одного атеистического племени или народа, остается признать, что эта идея имеет своим источником самого Бога;

д) нравственный аргумент может быть определен, как наличие в нас некоего нравственного закона, повелевающего нам делать добро и осуждающего (голосом совести) делаемое нами зло; иначе говоря, по мысли И. Канта, неискоренимая потребность человека в постоянном духовном и нравственном совершенствовании заставляет нас признать в этом союзе добродетели и счастья причину более сильную чем природа – Бога;

ж) религиозно-опытный аргумент основан на реальном опыте множества множеств верующих людей, получивших опытное знание о Боге.

2) Бог признается Творцом неба и земли, всего видимого и невидимого – и для христианина очевидно, что мир не самобытен, но явился результатом особого творческого акта Божия. Мир не образован Богом из вечно существующей материи, но и сама материя и мир в целом (космос) сотворены, вызваны из небытия к бытию единственно всемогущим творческим словом Божиим. Творение мира было не моментальным, но постепенным, «шестидневным». Наряду с миром видимым, т.е. доступным восприятию наших чувств, создан мир и невидимый, т.е. сверхчувственный.

3) Вера во единого Бога Отца означает также признание таинства Святой Троицы, потому что Бог един по существу, но троичен в лицах: Отец, Сын и Святой Дух. Догмат о

Святой Троице есть основание христианской религии, на нем основываются догматы о сотворении мира и человека, о спасении и освящении человека, учение о таинствах Церкви. По мнению Отцов Церкви, Божественная Троица есть Альфа и Омега (Начало и Конец) духовного пути, познание этой тайны во всей полноте означает достижения обожения своего существа. Но этот догмат непостижим на уровне рассудка, который встает в тупик перед открывшейся реальностью Божественной жизни: каким образом Троица одновременно есть и Единица? как одно и то же соединено и раздельно? Однако мы можем получить образное представление об этой тайне: солнце или огонь, от которого исходят свет и тепло подобно тому, как от Отца вечно и нераздельно происходят Сын и Дух; или источник воды, бьющий ключ и текущий поток, неразрывно соединенные между собою и однако различные; или корень дерева, его ствол и ветвь.

4) Господь Иисус Христос есть Сын Божий, Единородный, Рожденный от Отца прежде всех век, истинный Бог от истинного Бога, несотворенный и единосущный Отцу – важнейший догмат христианства, говорящий о втором лице Святой Троицы.

5) Иисус Христос ради спасения людей сошел на землю и воплотился от Святого Духа и Девы Марии и вочеловечился – этот догмат утверждает, что Сын Божий пришел на землю для спасения всего рода людского, а для этого вочеловечился, т.е. стал плотью человеческой с душою человеческой.

6) Иисус Христос при Понтии Пилате был распят, страдал и был погребен – тем самым Сын Божий Своєю крестною смертью избавил людей от греха и смерти. Он страдал и умер не Божеством, которое вечно и вездесуще, а человечеством Своим.

7) Иисус Христос воскрес в третий день согласно Писанию – в соответствии с пророчествами в Ветхом Завете (Ис, 53:5; Иона, 2:1; Пс, 15:10), тем самым знаменуя спасение людей. В этом состоит смысл Воплощения и Искупления.

Адам, созданное Богом образ и подобие Божие, в своем своевольном произволении выбрал путь, не совпадающий с Божественной Волей. Он отпал от Бога, но после того самостоятельно уже не мог воссоединиться с Богом. Зло явилось в мире, и человек самостоятельно не мог его уничтожить. И вот Сам Бог-Любовь восхотел воссоединить человека, но не механически, не насильно, а сохраняя в полном объеме человеческую свободу. Бог Отец помыслил отдать делу Искупления Своего Единородного Сына. Зло, воцарившееся в мире, должно было убить воплотившегося Богочеловека, и это величайшее злодеяние должен был простить Христос, вновь излив на мир всю полноту любви Божией. Во Христе человек вновь примирялся с Богом, в Нем восстанавливалось единство, а смерть побеждалась воскресением Богочеловека Иисуса Христа. Правда, мир по-прежнему во зле лежит, но человеку открыт путь спасения.

Далее в Символе веры утверждается о Вознесении Иисуса Христа, о предстоящем Страшном Суде Сына Божия, о вере в Святого Духа как третью ипостась единого Бога и в Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь, о вере во крещение, воскресение мертвых и жизнь будущего века.

3. *Таинства* в христианской Церкви есть обрядовые действия, в которых видимым образом верующим сообщается невидимая благодать Божия. Догмат о таинствах Церкви утверждает их спасительное значение. Конечно, человек может воспринимать благодать и без внешних форм, но человек – не только дух, но и плоть, материя, вместе они составляют единую человеческую личность. И потому благодать Божия таинственно для людей проникает всего человека. По мнению прот. Сергия Булгакова, в таинстве церковном происходит «соединение видимого и невидимого, внешней формы и внутреннего содержания. В них отражается природа самой Церкви, которая есть невидимое в видимом и видимое в невидимом» (26, с. 243).

Обрядовая форма таинств в их существующем ныне виде стала созданием Церкви за много веков. В их основе лежат Богооткровенные истины, содержащиеся в Новом Завете.

Установлено семь таинств: Крещение, миропомазание, причащение, покаяние, елеосвящение (соборование), венчание (брак) и священство. Те же таинства существуют и у католиков, хотя есть расхождения в порядке их совершения.

Правом совершать Таинство в православной Церкви обладают священники и епископы. Таинство действительно даже при совершении недостойным священником. Сила Божия действует и через недостойных, «ибо человек ничего не привносит от себя, но все это есть дело силы Божией и Бог освящает нас в таинствах», – писал св. Иоанн Златоуст (Цит. по: 2, с. 309).

1) *Крещение* – это таинство, в котором верующий при троекратном погружении в освященную воду во имя Отца, Сына и Святого Духа умирает для жизни плотской и греховной, уничтожаются все его грехи, он рождается в жизнь духовную и святую, обретает ту праведность, которую имел в состоянии невинности. Поэтому в этот миг ему нарекается новое имя, поэтому он облачается в чистые одежды (в белую рубашку). Через крещение происходит присоединение к Церкви. «Принявшие крещение в младенчестве и недостойно прожившие всю жизнь, – предупреждал святой Симеон Новый Богослов, – будут иметь большее осуждение, чем не крещенные, как поругавшие... святую одежду Христову» (Цит. по: 2, с.278). Крещение совершается один раз в жизни. В первохристианские времена крещению предшествовало состояние оглашения, продолжавшееся иногда несколько лет, за это время оглашаемые изучали у священника Символ веры и основные догматы. Обычай крещения детей возник в конце I в., но окончательно утвердился в V в.

2) Таинство *миропомазания* совершается сразу вслед за Крещением. Миро – это особо освященное патриархом благовонное масло сложного состава. Путем помазывания миром крещенному различных частей тела ему подается дар Святого Духа для роста и укрепления в духовной жизни.

На сороковой день после рождения совершалось ранее (теперь сразу же) воцерковление новокрещенного.

Не все Православные Церкви признают всякое крещение, совершаемое во имя Отца и Сына и Святого Духа.

3) Таинство *Причащения* или *Евхаристии* (благодарения) есть таинство, в котором хлеб и вино предложения прелагаются Духом Святым в истинное Тело и истинную Кровь Господа Иисуса Христа, а верующие причащаются их для теснейшего соединения со Христом и жизни вечной. Это таинство состоит из двух отдельных моментов: 1) Преложения или Пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Господни и 2) Причащения этих Святых Даров.

В Евангелии от Иоанна приводятся слова Христа: *«Я есмь хлеб жизни... Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день...»* таковой человек *«пребывает во Мне и Я в нем»* (Ин, 6:48, 51, 54, 56). Об установлении этого таинства самим Иисусом Христом во время Тайной вечери свидетельствуют Евангелисты Матфей (Мф, 26:26-28) и Лука (Лк, 22:19-20), а также апостол Павел (1 Кор, 11:23-25).

Во время проскомидии священник совершает бескровную жертву о памяти и оставлении грехов всех православных христиан, живущих и умерших. Хлеб и вино – не образ, а наитием Святого Духа пресуществленные Тело и Кровь, причем в каждой частице хлеба и вина находится всегда целое Тело Христово. В Евангелии от Иоанна откровенно повествуется, что после открытия Иисусом Христом этого таинства *«Многие из учеников Его слыша то, говорили: какие странные слова! Кто может это слушать?.. С этого*

времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним» (Ин, 6:60, 66). Таинство Евхаристии – «страшный соблазн для ума и испытание веры» (по выражению о. Валентина Свенцицкого), но что абсурдно для разума, то истинно для веры. Таинство это должно приниматься с верою и достойно, т.е. после приготовления (говения), исповедания грехов и примирения со всеми людьми. Таинство Евхаристии было, есть и будет для христиан главным содержанием их жизни, ибо мало лишь числиться в Церкви, надо жить с нею и ею, т.е. Телом Христовым.

4) *Покаяние* – это такое таинство, в котором исповедующийся в своих грехах получает прощение их от Самого Бога, хотя видимым образом отпущение грехов после исповеди дает священник. Для христианина покаяние необходимо, ибо быть настоящим членом Церкви возможно лишь после сознания своей греховности, сокрушения о допущенных падениях и слабостях и утверждения в себе решимости к исправлению.

Таинство это и порядок его совершения были установлены Иисусом Христом по Его Воскресении, когда Он сказал апостолам: «...примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин, 20:22-23). Призыв к покаянию ранее провозглашал в своих проповедях св. Иоанн Предтеча. В ранних христианских общинах исповедь была публичной, с IV в. она повсеместно становится тайной. Покаяться человек может и сам перед Богом и Бог может простить его, но грехом человек отпадает от Церкви, и право «связать грех» для восстановления единства с Церковью дано священству.

Отпущение грехов есть акт милосердия, но не неосмысленной жалости. За большие грехи устанавливались наказания: многократные коленопреклоненные молитвы, пост, милостыня, недопущение до Причастия, иногда отлучение от Церкви вплоть до смертного часа. Однако при искреннем раскаянии прощаются и тяжкие грехи. Каялись и исповедовались в грехах даже святые, ибо один Бог безгрешен.

5) Таинство *Священства* или *Хиротонии* (греч. «рукоположения») есть такое священнодействие, при котором через молитвенное возложение епископом рук на голову избранного лица, на того низводится Божественная благодать, освящающая его и поставляющая его на известную ступень в церковной иерархии, возводящая его в священный сан, а после содействующая ему в исполнении его иерархических обязанностей – диакона, священника, епископа. Соответственно бывают три Хиротонии – диаконская, иерейская (священническая) и епископская.

Это таинство, в отличие от других, имеет право совершать лишь епископ по праву апостольского преемства. Таинство совершается только в храме на литургии в присутствии народа. Священником в Православной Церкви может быть только мужчина, обладающий необходимыми личными качествами и знаниями, пользующийся уважением. Епископская хиротония совершается соборно, т.е., с участием не менее двух епископов.

6) *Елеосвящение* – это такое таинство, при котором Церковь призывает на больного благодать Божию, исцеляющую болезни души и тела через помазание освященным маслом. Это таинство от лица полноты Церкви должно совершаться семью священниками, почему и называется также Соборованием (хотя допускается совершение и одним священником). Таинство разделяется на семь частей, в каждой из которых читаются свои молитвы, отрывок из Апостола и Евангелия.

Помазание маслом известно с древнейших времен, его употребляли апостолы: «...изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли» (Мк, 6:13). Помазание – это не обычное врачебное средство. Об установлении таинства говорит апостол Иаков: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак, 5:14-15). Папа римский Иннокентий I указывал, что это таинство совершается над «верующими

больными» и не может быть совершено над «проходящими церковное покаяние» (2, с.319). По словам Отцов Церкви, это таинство «истребляет забытые грехи» (2, с. 321).

7) В таинстве *Брака* Церковь благословляет жениха и невесту на совместную жизнь, на рождение и воспитание детей. Богоустановленность брака основывается на тексте в книге Бытие: *«И сотворил Бог человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю»* (Быт, 1:27-28).

Святитель Филарет (Дроздов) в своем Катехизисе писал: «Брак есть Таинство, в котором, при свободном пред Священником и Церковью обещании женихом и невестой взаимной их супружеской верности, благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью, и испрашивается им благодать чистого единодушия, к благословенному рождению и Христианскому воспитанию детей» (46, с. 79).

Смысл: брака как таинства виден из слов апостола Павла: *«Посему оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика...»* (Еф, 5:31-32). В посланиях апостола Павла семья называется *«домашней церковью»* (Рим, 16:3-4; Кол, 4:15). Апостол так пишет об отношениях между супругами: *«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви... Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь, и предал Себя за нее...»* (Еф, 5:22-23, 25).

Церковь благословляет и другой образ жизни – девство или безбрачие, основываясь на словах апостола Павла, что *«хорошо человеку не касаться женщины. Но во избежание блуда, каждый имей свою жену и каждая имей своего мужа»* (1 Кор, 7:1-2). Церковь ставит монашество выше брачной жизни, но немногие могут на себя взять пожизненный обет девства во имя Христа, поэтому благословляется брак. В последующей за ним жизни супруги отвечают друг за друга и за детей, ибо «дети – не случайное приобретение, мы отвечаем за их спасение», – писал св. Иоанн Златоуст (Цит. по: 2, с. 313).

Таинство состоит из двух частей – *обручения* и *венчания*, которые сейчас происходят одно за другим, а ранее могли разделяться немалым сроком. Символическое значение имеет соединение будущих супругов кольцами при обручении: кольцо – символ вечности, не имеющей конца, таким должен быть христианский брак, который не разрывается и смертью. Еще более важно символическое благословение жениха и невесты венцами, после чего они становятся мужем и женою. Венцы означают не только царское достоинство людей, дарованное им Богом, но образ мученичества, ибо супружеский путь труден.

4. Первая и прямая задача всякого богослужения есть общественная молитва к Богу. Богослужение в Православной Церкви состоит в совершении Таинств, обрядов, в чтении молитв, пении, а также священных действиях. Оно совершается не произвольно, а по определенному порядку, зафиксированному в уставе, Типиконе.

Священнослужители и все служащие в Церкви при богослужении руководствуются специальными книгами: Для архиерейской службы это Чинovníк, для священника и диакона – Служебник и Требник, для чтецов – Часослов, для чтецов и певчих – Октоих (службы недельного круга), Минея (службы святым и праздникам на каждое число каждого месяца), Триодь Постная (службы Великого Поста), Триодь Цветная (службы Пасхи) и другие книги.

Суточный круг богослужения составляют 9-й час, вечерня, повечерие, полунощница, утреня, 1-й час, 3-й час, 6-й час, литургия. По праздникам вечерня и утреня объединяются во всеобщее бдение, которое совершается накануне вечером. В обыденной практике в некоторых храмах служба совершается только по воскресеньям, в большинстве храмов – службы ежедневные: утром совершается Божественная литургия, служатся молебны и панихида, вечером служатся вечерня и утреня.

К богослужениям также относятся совершение всех Таинств и обрядов (пострижение в монашество, чтение акафистов, крестный ход, чтение правил к Причащению, молебны, панихиды, погребение мертвых), а также произнесение проповедей.

Установление нынешнего строя богослужения происходило постепенно в течение многих веков. В ветхозаветные времена люди уже совершали богослужение в определенном порядке: была скиния, были праздники и священнослужители – род Ааронов. После строительства единого храма в Иерусалиме богослужение усложнилось. Церковь в Византийский период своей истории создавала свой строй богослужения, отчасти основываясь на порядке Иерусалимского храма и используя тексты Ветхого Завета.

В первые века христиане посвящали на молитву третий, шестой и девятый часы дня, молились также утром и вечером. С IV в. к этим установленным часам присоединились полночь, а в монастырях – первый час и повечерие. Тогда же отдельные части богослужения стали соединять в три службы, совершавшиеся между полночью и утром, перед полднем и вечером. Евхаристия стала совершаться перед полднем, а не ночью, как было в первые века. Такой порядок вначале установился в приходских церквях, а затем перешел и в монастыри. Тогда же установилась и форма всенощных. Воскресный день праздновался особо торжественно.

Порядок совершения богослужения прежде зависел от предстоятеля церкви, который самостоятельно решал, что и когда читать, что и когда петь. С IV в. в разных церквях стали появляться т.н. лекционарии, в которых указывались разделы Священного Писания, назначенные для чтения в тот или другой день. За чтением Писания стала следовать проповедь или поучение. Проповедничество было больше развито на Востоке, а на Западе с VII в. его уровень совсем упал, так что молящихся во время проповеди насильно удерживали, закрывая двери храма (3, с. 342).

Существующий ныне порядок пения установился лишь с VIII в., хотя разного рода гимны пелись с IV в. Св. Иоанн Дамаскин использовал определенные церковные напевы, восемь гласов и на них положил составленные им воскресные службы, вскоре они вошли во всеобщее употребление на Востоке. Пели все присутствующие при богослужении или попеременно два хора. На Западе получил распространение орган, который, по мнению о. Сергия Булгакова, «обмирщает» богослужение, заменяя человеческий голос и слово «бессловесными и неразумными звуками, хотя бы и музыкально красивыми», что ведет не к «духовному возношению», а к «эстетической эмоциональности» (26, с. 290).

В Христианской Церкви важнейшей частью богослужения была и остается Литургия, на которой совершается таинство Евхаристии, причащения. Например, известна древняя Литургия апостола Иакова, брата Господня, бывшего главой Иерусалимской Церкви. На ее основе в IV в. составил свой чин св. Василий Великий, а позднее св. Иоанн Златоуст несколько сократил ее. В VI в. папа римский Григорий Двоеслов составил чин Литургии Преждеосвященных Даров на основании увиденного им в Константинополе, этот чин совершается в период Великого Поста. Некоторые христианские Церкви, например, Римско-Католическая, сохранили свой чин литургии.

Стоит отметить блеск и великолепие, с которым стало совершаться богослужение в христианской Церкви в послеконстантиновскую эпоху. «В православном богослужении элемент красоты, как Славы Божией, наполняющей храм, занимает свое самостоятельное место, наряду с молитвой и назиданием», это «умное художество», – писал о. Сергий Булгаков, – «само по себе дает "сладость церковную"» (26, с. 278).

5. Места общественного богослужения в столице становились самыми величественными и красивыми зданиями после императорских дворцов. Появляется множество церквей, которые строят императоры, епископы и частные лица, начало чему положил Константин

Великий. Во времена Юстиниана в Константинополе была возведена церковь св. Софии. Во всех городах империи появляются более или менее большие и богатые церкви.

Первые храмы имели форму базилики (продолговатое здание четырехугольной формы, в них обыкновенно происходили судебные заседания и торговля). С IV в. форма церквей стала разнообразнее, крыша стала сооружаться со сводами в виде купола, что положило начало так называемому византийскому стилю. Рядом с храмом воздвигались крестильни, дома для духовенства, школы, благотворительные заведения.

Константинопольский храм св. Софии до сих пор поражает своей одухотворенной красотой и величием. Снаружи он не кажется слишком большим, но внутри открывается воздушность гигантского, как бы парящего купола, и огромность пространства. Мраморные колонны, золотые и многоцветные мозаики на стенах, освещаемые яркими лучами солнца, льющимися сверху, отчасти сохранились. Собор остался высшим достижением византийской архитектуры.

Внутреннее устройство церкви следовало образцу Иерусалимского храма: алтарь, собственно храм и притвор (трапезная). В алтарь не позволяется входить непосвященным, верующие стоят в храме, а притвор – место для оглашенных и кающихся. Перед алтарем стали устраивать возвышение – солею, чтобы молящиеся лучше могли видеть совершение богослужения. С VI в. в западных церквях в одном храме стали устраивать несколько алтарей. В VIII в. на Востоке стали устраивать иконостасы, но в западных церквях их нет. Иконостас – не загородка, отделяющая одну часть храма от другой, он служит связи собрания верующих с собранием небожителей, чьи образа смотрят на них. По мысли священника Павла Флоренского, «иконостас есть граница между миром видимым и миром невидимым... Иконостас есть явление святых и ангелов... явление небесных святителей, и прежде всего Богородицы и Самого Христа во плоти, – свидетелей, возвещающих о том, что по ту сторону плоти» (85, с. 61-62).

Иконостас обыкновенно бывает уставлен иконами в несколько рядов. В нижнем ряду направо от царских врат – икона Спасителя, по левую их сторону – икона Божьей Матери, а далее ставятся иконы наиболее чтимых святых.

Иконой в Христианской Церкви называется живописное изображение Иисуса Христа, Богородицы и святых, имеющее священный характер и служащее предметом религиозного чествования как образы, которые возводят мысль и чувство молящихся к изображаемому. В Православной и Католической Церквях они составляют необходимую принадлежность храма и домашнего культа христианина.

Происхождение икон восходит к началу христианства, хотя в эпоху гонений христианская иконопись имела преимущественно символический характер. Со времени св. Константина Великого иконы входят во всеобщее открытое употребление, а после VII Вселенского собора развивается иконопись. Церкви богато украшаются мозаичными и живописными иконами, реже – резными (из дерева, камня и кости) и литыми металлическими священными изображениями. «Иконостас есть сами святые, – писал в 1921 г. прот. Павел Флоренский. – И если бы все молящиеся в храме были достаточно одухотворены, если бы зрение всех молящихся всегда было видящим, то никакого другого иконостаса, кроме предстоящих Самому Богу свидетелей Его, своими ликами и своими словами возвещающих Его страшное и славное присутствие, в храме и не было бы... Но вещественный иконостас не заменяет собою иконостас живых свидетелей и ставится не вместо них, а – лишь как указание на них, чтобы сосредоточить внимание молящихся на них» (85, с. 62).

С IV в. народ стали открыто созывать на богослужение на Востоке деревянными билами, на Западе – колокольчиками. Настоящие колокола появились в западных церквях в VII в., а на Востоке со второй половины IX в. Тогда возле церкви стали устраивать колокольни или звонницы.

6. В Церкви имеются общие праздники, важнейший из которых Пасха. С IV в. стали повсеместно отмечаться праздники Рождества Христова и Богоявления, Обрезания Господня и Сретения Господня, Вход Господень в Иерусалим и Преображения Господня, Воздвижения Креста Господня, с V в. установлены праздники Благовещения и Рождества Богородицы, с VI в. – Успения и с VIII в. – Введения во храм. Празднование памяти апостолов и мучеников (дня их кончины) проводилось издавна, в IX в. установлен праздник в честь всех святых. В дальнейшем Церковь добавляла новые праздники.

В настоящее время главными праздниками являются: Рождество Христово (25 декабря/7 января), Крещение Господне или Богоявление (6/19 января), Сретение (2/15 февраля), Благовещение (25 марта/7 апреля), Вход Господень в Иерусалим (в воскресенье перед Страстной Седмицей), Пасха (в первый воскресный день после полнолуния в день весеннего равноденствия), Вознесение Господне (в 40-й день после Пасхи), день Святой Троицы или Пятидесятница (в воскресенье спустя семь недель после Пасхи), Преображение Господне (6/19 августа), Успение Пресвятой Богородицы (15/28 августа), Рождество Богородицы (8/21 сентября), Воздвижение Креста Господня (14/27 сентября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (1/14 октября). К великим праздникам также относят Обрезание Господне (1/14 января), Рождество Иоанна Предтечи (24 июня/7 июля), собор первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня/12 июля), Усекновение главы Иоанна Предтечи (29 августа /11 сентября), Покров Пресвятой Богородицы (1/14 октября). Кроме названных, отмечаются праздники чтимых икон Божией Матери и всех святых – святителей, мучеников, праведников.

Важным установлением церковной жизни являются регулярные посты – особенное время, когда верующий прилагает особые усилия для очищения души и тела (помимо постов перед Причащением или как епитимий). Пост существовал во времена Ветхого Завета, христиане же стали поститься, следуя примеру Иисуса Христа и апостолов. Великий Пост перед Пасхой, продолжительностью в 40 дней, был установлен в церкви повсеместно к IV в. и был очень строгим (хлеб и сушеные фрукты с водой по вечерам, запрет на любое веселие). Возникали ереси, в которых пост считался главной обязанностью христианина, другие же вовсе отрицали его значение. Церковь же устанавливает умеренное потребление дозволенных продуктов, призывает к усиленным молитвам и благотворительности. Помимо Великого Поста, в Православной Церкви установлены многодневные Петровский, Успенский и Рождественский посты, однодневные посты в среду и пятницу (в память предательства, страданий и смерти Иисуса Христа), а также в отдельные памятные дни.

Лекция 8. МОНАШЕСТВО НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ В III-X вв.

1. С самого начала устроения христианской Церкви многие из верующих стремились к достижению высот духовного совершенства в соответствии с Евангельскими заповедями. Это было трудно в условиях языческого греко-римского мира. Одни добровольно отказывались от имущества и раздавали его бедным, другие принимали на себя обет девства, третьи старались совершать непрестанную молитву и жить в соблюдении всяческого воздержания. Такие подвижники стали известны под наименованием аскетов. Они могли пробыть без пищи несколько дней, непрестанно предавались молитвенным подвигам, постоянно носили одежду черного или коричневого цвета, но при этом не давали никаких обетов, не входили в состав клира, а образовывали группу особенно верных Церкви людей. Жили они каждый сам по себе, иные в городах, иные удалялись в безлюдные места, горы или пустыни, но христианские аскеты, пустынники и отшельники не составляли какого-либо организованного сообщества.

Монашество (от греч. «монос» – «один», «одинокий») в современном понимании стихийно возникает в III в. Это название стало применяться к жизни отдельных лиц или

обществ, отвергающих «мир сей» и избирающих служение идеалам Христианства путем отречения от материальных и иных благ мира. Такой образ религиозной жизни – обособление от общества – встречался в восточных религиях, его избирали некоторые греческие философы, но лишь в христианстве он получил исключительное развитие и значение. В Евангелии даны два образца жизни и святости: один – обязательный для всех, и второй – добровольно избираемый желающими достижения высшей святости.

Уже к IV-V вв. монашеский идеал считался единственным критерием истинного христианства и стал самым популярным образом христианской жизни как для простых людей, так и для высокообразованных. Монашеский образ жизни в Египте, Сирии и Палестине обрел тысячи восторженных последователей во всех частях христианского мира. Правда, в таком образе жизни виделись и опасные стороны: можно было прийти к подмене общинной духовной жизни, которая есть сущность христианства, – личным, индивидуальным благочестием. Церковь сумела побороть такие отклонения, подчинив монашество власти епископа.

Для большинства недостижимы были примеры строгих отшельников-аскетов: одни из них никогда не спали под крышей, другие не ели и не пили ничего вареного, третьи носили цепи на своем теле. Удивительным проявлением сирийского аскетизма стали «столпники». Наиболее известным среди них стал св. Симеон, который с разрешения игумена своего монастыря, расположенного неподалеку от Антиохии, сорок семь лет (412-459 гг.) прожил в маленькой хижине, построенной наверху столпа (башни), откуда он проповедовал тысячам людей, стекавшимся к нему (60, с. 72).

Таким образом, монашество оказалось противовесом огосударственной Церкви, по словам прот. Иоанна Мейендорфа, «погрузившейся в обывательскую дремоту Церкви, которая так легко вбирала в себя греко-римские народные массы и без угрызений совести пользовалась щедротами "благочестивейшего императора"» (60, с. 281). И церковь признала в монахах своих подлинных глашатаев. Показателем этого стало принятое в XI в. решение об избрании епископа только из среды монахов.

Внутри монашества возникло два взгляда на мир: 1) мир – это царство погибели, от которого надлежит совершенно отречься, но молиться о его спасении; 2) мир, лежащий во зле, должен быть покорен для Бога влиянием и деятельностью монашества. Первый взгляд был присущ древнейшему восточному монашеству и сохранился преимущественно в Православной Церкви, а второй подход пытались претворить в жизнь западное, католическое монашество.

2. Отцом христианского монашества почитается св. **Антоний Великий** (251-355 гг.). Он родился в Египте в богатой христианской семье, в 18 лет остался сиротой и обладателем крупного состояния. Его помыслы были далеки от мирских радостей и забот, поэтому, следуя Евангельскому совету (Мф, 19:21), он поручил свою сестру известным ему христианским подвижникам, продал свое имение и раздал бедным вырученные деньги. После этого св. Антоний удалился к старцу-отшельнику и предался подвижнической жизни. В стремлении к полному уединению, в 285 г. он оставляет старца и поселяется в совершенно безлюдных местах. Около 20 лет он прожил в развалинах крепости на восточном берегу Нила, подвизаясь в посте и молитве. Лишь два раза в год его друзья приносили ему хлеб, получая в обмен сделанные его руками корзины. Он страдал от голода и жажды, от холода и зноя, он испытывал тоску по миру и волнения разнообразных помыслов. С нападавшими на него помыслами и искушениями св. Антоний боролся постоянным физическим трудом и молитвой. Иногда сомнения колебали его душу, и Антоний вопрошал: «Господи! Для чего одни умирают в молодости, а другие живут до глубокой старости? Для чего одни бедны, а другие богаты? Для чего нечистивые богаты, а

благочестивые бедны?» Он услышал голос: «Антоний, себе внимай! А то – суды Божии, и тебе нет пользы испытывать их» (46, т. 1, с. 104).

Слава о его необыкновенной жизни распространилась по всему Египту. Многие христиане стали посещать его, а некоторые решились в 305 г. поселиться в Фиваиде близ него для ведения такой же подвижнической жизни. По преданию, они удивились, не увидя в поведении св. Антония следов столь длительного и жестокого изнурения, он оказался спокойным, сдержанным, ко всем одинаково приветливым. Св. Антоний не оставил подробных правил монашеской жизни, он наставлял учеников жить в полном отречении от всех земных благ, в совершенно преданности воле Божией, в непрестанном труде и молитве. Одно из его наставлений таково: «Кто хочет спастись (в мироотреченном образе жизни), пусть не спасается в доме своем и не живет в том городе, в котором грешил; также пусть не посещает родителей своих и ближних по плоти, ибо от этого бывает вред душе и гибнут плоды жизни».

Во время гонений Максимиана в 311 г. св. Антоний посетил Александрию для ободрения верующих. В 312 г. после прекращения гонения он отправляется во внутреннюю пустыню и поселяется в горной пещере, дабы избегнуть внимания множества посетителей. Он взялся сам возделывать небольшое поле, чтобы избавить учеников от необходимости приносить пропитание. Тем не менее, он навещал оставленную им братию, разрешал возникавшие вопросы и наставлял в духовной жизни. Народ нашел его и в новом уединении, люди пошли к нему в надежде на исцеление, на мудрый совет и наставление. В 351г. по просьбе св. Афанасия Великого св. Антоний вновь пришел в Александрию для обличения ариан и в несколько дней отвратил от ереси сотни людей.

Причины этого понятны. Долгое время св. Антоний жил в неизвестности для того, чтобы иметь возможность безопасно усовершенствовать себя, боролся с искушениями, чтобы знать, как помочь другим. Дошедшие до нас поучения св. Антония замечательны по простоте и глубокой опытности. «Для познания всех правил жизни, – говорил св. Антоний, – достаточно Священного Писания... Настоящая жизнь очень кратковременна в сравнении с вечностью... Будущая жизнь обещается нам за дешевую цену. За восемьдесят, много за сто лет жизни обещается царство бесконечное, блаженство вечное. Итак, чада, не предавайтесь унынию или тщеславию... Мы не найдем во всем мире ничего такого, что могло бы сравниться с обителями небесными...» «Будем истреблять всякое нечистое желание: ибо оно многих погубило. Не будем рабами низких и постыдных страстей и порочных желаний, которые нечисты пред Богом. Возлюбим чистоту, ибо ея плод есть свет и истина». «Будем обуздывать язык, чтобы не произносить худого слова. Худое слово вреднее всякого яда. Рану, причиненную ядом, можно исцелить, но худого слова, когда оно произнесено, возвратить нельзя» (46, т. 1, с. 111, 118, 119). Спасение ближнего для него было выше всего, от ближнего, говорил св. Антоний, зависит наша жизнь и смерть. Ибо если мы приобретаем брата, то приобретаем Бога; а если соблазняем брата, то грешим против Христа. Один из великих подвижников, авва Памво спросил св. Антония: «Как жить должно?» «Не уповай на свою праведность, – ответил тот. – Истинно кайся о прошедших грехах, обуздывай язык, сердце и чрево». Другому пустыннику, Пимену Великому он сказал: «Великий подвиг для человека раскаяние во грехах своих пред Богом и ожидание искушений до последнего издыхания. Никто без искушений не может войти в Царство Небесное» (46, т. 1, с. 137).

Св. Антоний Великий не первым пошел в пустыню. Ранее него пустынножизненный образ жизни избрал, например, св. Павел Фивейский, проживший в пустыне в полном одиночестве около 90 лет. Встреча с ним избавила св. Антония от горделивого помысла о собственной святости. Однако св. Антоний Великий стал первым и самым ярким выразителем пустынного жительствова, он основал монашество отшельников. Отшельники жили каждый в своем скиту, предавались посту, молитве и трудам на свое пропитание и на пользу бедным. Они находились под руководством наставника-старца, аввы (от

арамейского 'авва' – «отче»; отсюда лат. «аббат»). Но после смерти св. Антония его монашеская община распалась, ибо для одиночества требуются значительные духовные силы, и без поддержки старца многие монахи дичают умственно и нравственно.

Основателем иного уклада монашеской жизни – общежительного («киновии») стал св. **Пахомий Великий** (292-348 гг.). Родом египтянин-язычник, он участвовал в войне императоров св. Константина Великого и Максимиана, в 312 г. увидел христиан и проникся к ним глубоким уважением. По окончании войны, св. Пахомий принимает крещение, уходит в Фиваидскую пустыню и проводит там 15 лет под руководством старца – отшельника Паламона. По внушению Бога он оставляет старца и на острове Тавенна посреди Нила вместе с пришедшим к нему братом Иоанном устраивает монастырь. В нем пришедшие подвижники вели общую жизнь в труде и в молитве, следуя введенному св. Пахომием строгому монастырскому уставу. Обязательным для всех было целомудрие, смирение, отречение от всего мирского (родных, своего имущества), бесприкословное подчинение авве. Первое, к чему приучаемы были новопоступающие в обитель, было отсечение своей воли. Св. Пахомий знал, что монахи никогда не могут потушить в себе пламени гнева, печали, нечистоты; не могут приобрести истинного смирения, не могут долго жить с братией в согласии и мире, если не научатся прежде подчинять свою волю воле аввы (46, т. 1, с. 248). Монахи жили по трое в келье, вместе раз в день вкушали пищу (хлеб с солью, иногда – овощи без масла), вместе занимались рукоделием (доходы от которого принадлежали всей общине), носили одинаковую одежду (льняной хитон, кожаный пояс, островерхая шапочка-кукуль, сандалии), по несколько раз в день сходились в церковь для молитвы. Богослужение совершали пресвитеры из соседних селений, потому что св. Пахомий не допускал принятия монахами пресвитерского сана и сам его не имел, опасаясь появления в монашеской среде духа честолюбия и зависти. Слава о подвигах подвижника скоро привлекла к нему множество учеников, так что Тавенский монастырь не мог вместить всех желающих. Св. Пахомий основал еще несколько монастырей на берегах Нила в некотором отдалении друг от друга, и поставил во главе их настоятелей (игуменов). Он же устроил и первый женский монастырь, в котором настоятельницей стала его сестра (4, с. 105). Желающих принимали в монастырь лишь после прохождения ими трехлетнего испытания, так было положено начало послушничеству, как предварительному этапу к монашеству.

Успех монашеской жизни по Пахомиеву уставу был настолько велик, что вокруг Тавенны собралось около 7 тыс. монахов. К концу IV в. насчитывалось около 50 монастырей, часть которых основали ученики св. Антония – святые Макарий Египетский и Аммон в Египте, Иларион в Палестине, Евстафий Севастийский – в Армении, Афанасий Александрийский – в Италии. На Востоке устав св. Пахомия скоро был вытеснен уставом св. Василия Великого, а на Западе – уставом св. Бенедикта.

В некоторых монастырях также развивалось православное богословие. Св. **Симеона** (949-1022 гг.) называли **Новым Богословом**, он считается самым выдающимся из византийских учителей Церкви, хотя труды его были надолго забыты и впервые напечатаны в XVIII в. усилиями Афонского монашества. Он родился в семье знатной и богатой, воспитывался при дворе и стал приближенным императора Василия II. Под влиянием чтения духовных книг и жития святых молодой человек почувствовал ничтожность своего тогдашнего состояния и стал искать свой путь к Богу. Окружающие не понимали его. В 20 лет он оставил двор и поступил в Студийский монастырь под начало старца Симеона. Во время пламенных ночных молений молодой Симеон однажды имел первое мистическое видение света, наполнившего его радостью, он перестал ощущать себя и все окружающее. В последующем его избирают игуменом, он переживает ссылку из-за спора с придворным богословом. В своем мистическом учении св. Симеон описывает встречу с Богом как явление Божественного света, несотворенного и невидимого телесным

зрением. Это переживание предназначено не только для избранных монахов, но и для всех христиан. «Бог есть свет, и те, кого Он делает достойным увидеть Его, видят Его как свет... Те, кто не видел этого света, еще не получили благодати, ибо получая благодать, человек получает Божественный Свет и Самого Бога» (54, с. 85).

Св. Григорий Палама (1296-1359 гг.) систематизировал мистическое учение о единстве Бога и человека, получившее название *исихазм* (греч. – «покой, молчание, отрешенность»). Св. Григорий был сыном приближенного императора Андроника II, вырос в атмосфере благочестия и интеллектуальных поисков. Он пренебрегает открывавшейся блестящей карьерой и в 20 лет оставляет мир. Вместе с ним монашество приняли его мать (отец уже умер), две сестры, два брата и многие из слуг. Более 20 лет св. Григорий прожил на Афоне, бывшем в те годы центром всего православного монашества. Цель исихазма состояла в том, чтобы достичь победы над страстями и приобрести внутренний покой, в котором человек может созерцать Бога. Средство для этого – Иисусова молитва.

Возражая противникам исихазма, св. Григорий признавал, что Бог недоступен человеку в Своей сущности, но не в Своих энергиях. Мы не можем познать или участвовать в Его сущности, в Его внутреннем бытии, однако можем участвовать в Его энергии, в Его благодати. «Одним словом, – писал св. Григорий, – мы должны стремиться к такому Богу, в Котором мы можем участвовать тем или иным способом, чтобы каждый участвующий из нас в соответствующей для него манере и по степени участия мог бы получить бытие, жизнь и обожествление» (54, с. 86). Западная Церковь не приняла учение св. Григория Паламы, и оно стало еще одним поводом к разделению Церкви.

В монашеском движении возникли и некоторые крайние проявления. «По мере того, как официальная Церковь все более сливалась с империей и судьбами «этого» мира, тысячи мужчин и женщин покидали общество и удалялись в пустыню, противопоставляя обмирщению Церкви идеал точного соблюдения всех евангельских требований. Предаваясь аскетизму и постоянной молитве, монахи иногда были склонны даже богословие считать ненужной суетой», – писал о. Иоанн Мейендорф, указывая, что такого рода максимализм вел к «существованию, полностью независимому от Церкви». Одной из заслуг великих каппадокийцев было «оцерковление монашества». Св. Василий Великий сумел в своем уставе включить монашеский идеал в основное русло церковной жизни, признавая в то же время, особое аскетическое призвание некоторых членов Церкви (59, с. 150).

Учение основателей православного монашества в их высказываниях и поучениях, содержащее ответы на многие проблемы духовной жизни и житейские затруднения на русском языке собраны в пятитомном собрании «Добротолюбие» и в сборнике «Отечник», составленном в 1863 г. святителем Игнатием (Брянчаниновым).

Сохранялись два основных вида монашеской жизни – общежительная (развитая в многонаселенных монастырях лавры св. Саввы Освященного, св. Феодосия и других обителях) и отшельническая, из которой выделились затворники, молчальники, столпники, юродивые. Возникли и уродливые формы подвижничества, порицавшиеся Церковью, для которых аскетизм сделался профессией (кто ходил нагим, кто спал на земле или не стриг волос и т.п.). В киновиях искажением стало возрождение права частной собственности. Главенствующая роль византийского государства по отношению к Церкви привела к введению практики насильственного пострижения в монашество по воле императора неугодных или опасных для него лиц. С другой стороны, активное участие церковной иерархии в политической жизни также вело к усилению мирского духа в монашестве. Внутренний уровень монашеской жизни понижался по мере того, как этот путь делался обыкновенным для многих. Церковные Соборы в VI в. издали несколько постановлений против самовольства бродячих монахов, подчинив монашество власти епископа. Арабские завоевания в VII в. подорвали основы восточного монашества в Египте и Палестине. Множество монастырей было разграблено и уничтожено, а постройка новых запрещена.

Однако наступает расцвет монашества в Византии (особую известность получила «монашеская республика» на Афоне в составе нескольких десятков монастырей и скитов), монашеские обители устраиваются в Западной Европе.

3. В историческом отношении важно было распространение монашества с Востока на Запад. Св. Афанасий Великий во время своего пребывания в Риме составил описание жизни св. Антония Великого и тем возбудил во многих желание подражать его подвижнической жизни. Подобное влияние имело и житие преподобного Павла Фивейского, составленное блаженным Иеронимом.

Основателем монашества в Галлии стал св. **Иоанн Кассиан Римлянин** (ок. 360 – ок. 435 гг.), в 30 лет принявший монашество в Вифлеемском монастыре в Палестине, бывший в окружении св. Иоанна Златоустого в Константинополе и около 10 лет проведший в странствиях по монастырям и скитам Египта, изучая уклад монашеской жизни. В начале V в. он в сане пресвитера поселился в Марселе, где основал мужской и женский монастыри. Он оставил более тридцати сочинений об устройстве монашеской жизни. «Есть три вида отречения от мира, – писал св. Иоанн Кассиан, – первое то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе то, в коем оставляем прежние нравы, пороки и страсти как душевные, так и телесные: третье то, в коем, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, только будущее созерцаем и вождевшем того, что не видимо».

Но отцом монашества на Западе почитается св. **Бенедикт Нурсийский** (480-547 гг.), основатель знаменитого впоследствии монастыря Монте-Кассино. Св. Бенедикт родился в Италии, происходил из знатного рода и получил хорошее классическое образование, однако смолodu был расположен к аскетическому образу жизни. В 14 лет он бежал от соблазнов мира в горную пещеру, где жил в одиночестве, погруженный в непрерывную молитву, бичеванием смиряя свою плоть. Пищу ему приносил его наставник старец Роман из соседнего монастыря. Через три года стало известно об удивительном аскете, и монахи одного монастыря пригласили его в игумены. Управление св. Бенедикта продлилось недолго, предложенный им строгий образ жизни и суровость управления привели к попытке отравить молодого игумена. Св. Бенедикт покинул монастырь и вернулся в пещеру. Вокруг него собираются многочисленные ученики, которых он расселил в 12 маленьких общежитиях, а в 529 г. он основал новый монастырь в Монте-Кассино. Там св. Бенедикт написал свой знаменитый устав, в котором изначально задал иное направление и иные нормы монашеской жизни, чем на Востоке.

Он считал более удобной и более доступной для спасающегося монашеское общежитие. Св. Бенедикт не требовал от своих последователей тех лишений, которые несли восточные иноки, а заповедовал им только благонравное поведение, воздержание и трудолюбие. Монах-бенедиктинец отказывался от всех личных желаний и своей воли, полностью подчиняясь воле настоятеля – аббата монастыря. Он давал обеты нестяжания (до полной нищеты), пребывания в монастыре до конца жизни, целомудрия, молчания и смирения. Устав с умеренной строгостью (разрешалось употребление в пищу мяса), но детально регламентировал монашескую жизнь. Охват ее главных форм обеспечил широкое распространение устава св. Бенедикта, ставшего в VIII в. общей нормой западной монашеской жизни. В Италии, Испании, Франции, Германии, Дании, Скандинавии и Англии возникают бенедиктинские монастыри. В частности, устав поощрял научные занятия, ежедневное чтение и переписывание книг, благодаря чему в стенах монастырей сохранилось много творений Отцов Церкви.

В отличие от Востока, монашество на Западе взяло на себя миссионерскую деятельность, видным деятелем которой стал св. **Бонифаций**, «апостол Германии» (в миру Винфрид, ок. 672-754 гг.). Он родился в знатной англосаксонской семье, получил образование в монастырях, в одном из которых стал преподавателем грамматики. Винфрида томило

желание активно распространять христианскую веру. Весной 718 г. он навсегда покидает родину. В Риме в 722 г. папа Григорий II направляет его миссионером в языческую Тюрингию и переименовывает его имя на Бонифация. Проповедь св. Бонифация оказалась успешной в германских землях, Рим возводит его в сан епископа и ставит в личное подчинение самому папе. «При Гейсмаре от руки провозвестника веры пал дуб Донара: то был настоящий Божий суд в глазах видевших это язычников», – писал Йозеф Лортц (7, т. 1, с. 229). В 724 г. св. Бонифаций основывает в Тюрингии первый монастырь, а через несколько лет создает Гессен-Тюрингскую церковную провинцию. В сане архиепископа в 738 г. он начинает проповедь в Баварии. Здесь он также утверждает власть Рима, закрепляет правила безбрачия священников, борется за поднятие церковной дисциплины и против бродячих епископов и священников, будучи сам строгим аскетом и истинным подвижником. В 744 г. он основывает монастырь в Фульде, куда удаляется от утомившей его церковно-политической деятельности. Несмотря на преклонный возраст он продолжал миссионерскую деятельность, и был убит язычниками, когда вышел с Евангелием в руках к новообращенным германцам.

К началу X в. монастыри на Западе становятся богатыми культурными центрами, играют важную роль в экономической и общественной жизни. Светская и церковная власти охотно поддерживают монашество, однако обогащение монастырей, частые войны, голод и смуты все чаще привлекали за монастырские стены людей, далеких от аскетических идеалов. Падает строгость монастырской жизни. Во Франции в начале IX в. возродителем монашества на основе бенедиктинского устава стал св. Бенедикт Аньянский (750-821 г.). Однако монастыри к этому времени превратились в важные центры феодального общества, монахи впали в роскошную и распущенную жизнь. В поисках выхода на верный путь на Западе возникают новые формы – конгрегации на основе Ключийского движения (начало X в.) и монашеских орденов.

4. Первым католическим монашеским орденом, т.е. централизованным монашеским объединением, подчиняющимся не местному епископу, а непосредственно папе, стал орден *бенедиктинцев*. В XI-XII вв. в эпоху крестовых походов возникло несколько духовно-рыцарских орденов – *иоаннитов* (госпитальеры, позднее – Мальтийский орден), *тамплиеров* (храмовники, упразднен в XIV в.), *Тевтонский орден* (известный жестокими завоевательными походами не только в Палестине, но и в Прибалтике). Члены этих орденов подобно монахам давали обеты воздержания, послушания, бедности (как правило, пренебрегая ими на практике), но как рыцари они носили оружие и участвовали в военных походах. Во главе орденов вставал пожизненно утверждаемый папой великий магистр. В XII-XIII вв. возникают т.н. нищенствующие ордена – *францисканцев* и *доминиканцев*. Для борьбы с идеями Реформации в XVI в. был создан орден иезуитов. Всего же в католической церкви имелось около 180 орденов (см. 12, т. 2, с. 152-160).

Большую роль в возрождении монашества на Западе сыграл **Бернард Клервоский** (1090-1153 гг.), строгий аскет, глава ордена *цистерцианцев* или *бернардинцев*, суровый ревнитель устава св. Бенедикта, в своих проповедях и письмах превозносивший умерщвление плоти и бедность. Используя свою популярность среди масс, он вмешивался в дела власти светской и духовной, хотя сам требовал от клира возвращения к идеалу апостольских времен (12, т. 1, с. 201). Властный и жестокий с врагами католицизма, Бернард Клервоский в последние годы жизни добивался своих целей вопреки несогласию коллегии кардиналов и самого папы.

Более всех других монашествующих получил известность **Франциск Ассизский** (1182-1226 гг.), считающийся на Западе величайшим святым Средневековья. Он возвел бедность от отрицательного признака отречения от мира в положительный жизненный идеал, восходящий к примеру Иисуса Христа. Франциск родился в итальянском городе Ассизи в

семье богатого торговца тканями, но уже в юные годы загорелся мечтой стать «рыцарем Христовым». Юный Франциск, несмотря на жизнерадостную натуру, избирает аскетический образ жизни: он стал щедро подавать нищим и ухаживать за прокаженными. Однажды во время мессы при чтении Евангелия он услышал повеление Бога: жить в нищете и проповедовать покаяние. Он последовал этому повелению буквально и бесповоротно: продал часть имущества отца и отдал деньги на нужды местной Церкви, что привело к изгнанию возмущенным отцом. Спустя два года, в 1209 г. с двенадцатью спутниками, разделявшими его устремления, босой и подпоясанный веревкой Франциск явился в Рим к папе Иннокентию III, которому предложил проповедование жизни по Евангелию. (Незадолго до этого возникло движение вальденсов – от имени лионского банкира Вальденса, ставшего проповедником покаяния и добровольной бедности во имя Христа, что привело к отпадению от Рима). Франциск никого не осуждал, он просто горел энтузиазмом. Папа поразился, но санкционировал создание нового братства, которое стало быстро расти. В 1219 г. сам Франциск начинает миссионерскую деятельность на Востоке – в Египте и Сирии, тем самым предпочтя внешнюю активную деятельность монашескому отшельничеству – молитве. По возвращении он обнаружил отход своих последователей от введенных им норм жизни общины, превратившейся в закрытый монашеский орден. Прекратилось обязательное хождение с нищенской сумой, монахи имели более двух одежд, они получили право вмешательства в церковную жизнь местной епархии и т.п. Франциск пользовался прежним уважением, но уже не имел влияния на руководство орденом. Преклоняясь перед церковным авторитетом и связанный обетом послушания, он молчал, но иногда прямо осуждал направление, принятое орденом. Его глубокое поэтическое чутье и чувство сострадания ко всему живому вылились в поэтическую хвалу Господу со всеми Его творениями. В «Наставлениях» св. Франциска говорится: «Где любовь и мудрость, там нет ни страха, ни невежества. Где терпение и смирение, там нет ни гнева, ни смущения. Где бедность с радостью, там нет ни алчности, ни скупости. Где покой и размышление, там ни смятения, ни тревоги. Где страх Господа у охраняющего свой дом, там враг не сможет найти место для нападения. Где милосердие и любовь, там ни избыточности, ни черствости». «Блажен раб, который столько же любит брата своего, когда тот немощен и не может ему помочь, сколько когда тот здоров, чтобы помочь ему» (91, с. 103, 137). По преданию, в 1224 г. Франциск тяжело заболел и имел видение, после которого на его руках и ногах образовались стигматы – изображения головок и концов гвоздей распятого Христа.

Основателем ордена доминиканцев стал *Доминик* (ок. 1170-1221 гг.), он родился в испанской Кастилии в знатной семье, изучает философию и богословие. В 25 лет он становится священнослужителем (каноником) и главой местной августинской конгрегации (союз или братство католических монастырей). Разочаровавшись в обмирщенной католической церкви, Доминик с тремя близкими по духу монахами ведут несколько лет нищую и бродячую, «апостольскую» жизнь. В 1216г. Доминик основывает первое братство в Тулузе, ставя его задачами заботу о душе и борьбу с еретиками, а важными принципами – бедность и знание. Принцип бедности применялся не по отношению к конгрегации, а к отдельным братьям. В 1217 г. Доминик посылает своих братьев в Париж, Рим, Болонью, Испанию, где они проповедуют, исповедуют, основывают монастыри (тем самым составляя конкуренцию местному церковному клиру). В 1220 г. на общем соборе ордена провозглашается отказ от всякого имущества, доминиканцы становятся нищенствующим орденом (хотя в 1228 г. подтверждают различие бедности ордена и бедности монаха). Но Доминик, практичный более Франциска, запрещает физический труд, если он мешает научной или проповеднической деятельности братьев. Служение бедности в ордене не доходит до крайних пределов. Бичевавший себя железной цепью аскет, благородная натура и тонкий богослов, он сознавал необходимость компромиссов и стремился только к осуществимому. К 1221 г. в орден входило 60 монастырей в разных странах Европы (12, т.

1, с. 484-486). Распространение и рост ордена после смерти Доминика шли с исключительной быстротой благодаря умелым и энергичным его преемникам.

Лекция 9. ОТПАДЕНИЕ И РАСКОЛ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ

1. Разделение Римской империи на Восточную и Западную части в период торжества Христианства при св. Константине Великом определило не только политическое развитие империи, но и развитие Церкви. Объективные обстоятельства (различие в национальном составе и в языке) и субъективные факторы (нашествие варваров, амбициозные устремления как Рима, так и части «придворного епископата» Византии) создавали основу для разделения в церковной жизни, хотя вовсе не утверждали неизбежность и необратимость разделения.

Притязания Римских пап на преобладание в Церкви стали заметны с первых веков христианства. Авторитет Рима как бывшей столицы империи, экономического и культурного центра тогдашнего мира немного потускнел с переносом столицы на берега Босфора, но не исчез вовсе. В условиях падения прежних социально-политических структур первенствующим лицом в Риме стал папа, принявший на себя неформальные прерогативы лидера в общественной жизни. Папы стремились повысить религиозное значение Рима, в котором приняли мученическую кончину первоверховные апостолы Петр и Павел. Опираясь на авторитет св. апостола Петра, папы истолковывали слова Иисуса Христа как «полномочия» св. Петра в качестве главы всех апостолов, причем эти полномочия и главенство римского епископа в качестве наместника Христа на земле будто бы переходили от одного папы к другому. Естественное чувство уважения к первенствующему иерарху Запада, которое проявляли главы других поместных Церквей и видные церковные деятели, папы истолковывали в качестве отношений главенства с их стороны и подчинения со стороны всей остальной Церкви. Тем самым подстановка на место главы Церкви вместо Иисуса Христа – папы вела на практике к искажению христианского вероучения.

Первые века Церкви государственной на Востоке оказались заполненными частыми и ожесточенными спорами и конфликтами, борьбой с ересями, с иконоборчеством, чего вовсе не было на Западе. Это давало папам много поводов для выступлений в качестве примирителя и арбитра, защитника Православия, и позволяло им считать себя обладателями прав на управление всей Церковью. Изначально сложилось так, что Восточная Церковь, допуская участие разума в делах веры, раскрывала и уясняла основы христианского вероучения путем рассуждений и доказательств. На Западе, напротив, возобладали отрицание разума в делах веры, потому долгое время чуждались научных исследований о догматах веры и вообще не интересовались отвлеченными богословскими вопросами, обращая большее внимание на внешнюю сторону церковной жизни – дисциплину, обряды, управление, отношения с государством, участие в общественной жизни. Там, где Восток видел богооткровенные духовные истины, Запад видел программу общественного устройства.

На Востоке христианская идея, иронично писал в конце XVIII в. немецкий философ Иоганн Гердер, «сбила с толку ум человеческий, – вместо того, чтобы жить на земле, люди учились ходить по воздуху... долг людей по отношению к государству путали с чистыми отношениями людей к Богу и, сами не ведая того, положили в основу Византийской христианской империи... религию монахов» (30 а, с. 499). «Сыграл свою роль и язык, – отмечал С. Рансимен. – В противоположность греческому с его утонченностью и подвижностью, восхитительно передававшему оттенки абстракций, латинский прямолинеен и негибок; это ясный, конкретный, недвусмысленный язык – совершенное орудие юристов» (68, с. 21). На Западе Церковь оказалась хранительницей римских законов, видные ее деятели вынуждены были сами стать юристами, а папа занял

фактически место императора (68, с. 21-22). И эта разность интересов и устремлений в церковной жизни Востока и Запада также разделяли их.

В силу исторических обстоятельств власть папы Римского постепенно и неуклонно распространялась по всему Западу. Византийские императоры стремились повысить положение своего ближайшего, Константинопольского патриарха, усвоив ему звание Вселенского, против чего резко протестовал папа Григорий I Великий (590-604 гг.), увидевший в том умаление своих прерогатив. Существование папы Римского в века варварских нашествий вандалов, свенов, аланов, вестготов и остготов было трудным. Но благоприятные времена настали для Рима после крещения короля франков Хлодвига в 496 г., за чем последовало в 504 г. обращение всего франкского народа в христианство. В 800 г. папа Лев III короновал Карла Великого, что породило обычай получения имперской короны в Риме и еще более повысило авторитет папы. Фактически, папы собрали Европу вокруг своей кафедры.

Таким образом, обособление Рима от Вселенской церкви началось по причинам сугубо политическим. Между Востоком и Западом в то время сохранялось церковное общение, западные христиане отправлялись в паломничество в Палестину; несмотря на отдельные конфликты и возникавшие трения по частным вопросам, Восточная Церковь щедро делилась своим опытом и знаниями с западными собратьями, и имя папы Римского поминалось на богослужении подобно именам глав других поместных Церквей. Между тем, в VII-XI вв. во всех западных церквях утвердилось учение об исхождении Святого Духа и от Сына, а также дополнение к Символу веры – «филиокве», извращавшее основные догматы христианства. Впервые это добавление возникло в Испании, но еще в 808 г. папа Лев III, считая его «беспорным» с богословской точки зрения, полагал неверным отступать от Символа веры, принятого во всем христианском мире. В середине IX в. произошел конфликт между Римом и Константинополем, положивший начало роковому разделению.

В Константинополе несправедливо был низведен с престола патриарх Игнатий по проискам регента империи Варды, которого патриарх обличал в беззакониях и нечестивой жизни. После того на патриарший престол с соблюдением всех установленных правил (хотя в течение пяти дней) был возведен Фотий, один из высших сановников государства, отличавшийся выдающимися дарованиями и редкой ученостью. Жители Константинополя разделились на сторонников двух патриархов, и споры двух партий было решено урегулировать на соборе в 861 г. На собор, как и обычно, был приглашен папа Римский. Но, как и обычно, папа Николай I, человек в высшей степени властолюбивый, на Босфор не поехал, а послал своих представителей – легатов. Собор утвердил избрание Фотия, твердого противника главенства Рима в Церкви, и папские легаты должны были согласиться с этим. Но Николай I осудил своих посланников и отверг определение собора, тем самым поставив свою власть выше соборного решения. В 862 г. он созвал в Риме собор своих епископов и на нем предал проклятию Фотия и восстановил Игнатия; возомнив себя судьей Восточной Церкви, он даже направил послания всем восточным епископам, требуя прекратить общение с Фотием.

Этот неприятный, но достаточно частный инцидент был осложнен обострением спора между Римом и Константинополем из-за Болгарской Церкви – части Фессалоникийского патриархата, который императором Юстинианом был передан в ведение константинопольского патриарха. Болгары с 864 г. были обращены в христианскую веру греческими проповедниками, земли эти также ранее принадлежали к Фессалоникийскому экзархату, но болгарский князь Борис из-за ссоры с византийским императором призвал проповедников из Рима. Те сразу стали заменять обряды Восточной Церкви своими, например, запрещали в служении женатых священников, вводили пост в субботу, разрешали есть сыр и яйца в постные дни. Патриарх Фотий в посланиях к другим восточным патриархам обличил незаконные притязания папы и осудил допущенные в

западной церковной жизни отступления от норм Православия. На соборе в Константинополе в 867 г. были отвергнуты папские притязания и осуждены отступления латинян от установленных норм церковной жизни.

Однако захвативший власть в Константинополе император Василий Македонянин нуждался в поддержке папы Римского. По приказу императора в Константинополе в 869 г. созывается новый собор (вначале всего из 10 епископов), на котором папские легаты становятся руководителями, Фотия предают проклятию, а Игнатия восстанавливают на патриаршей кафедре. Тем самым Восточная Церковь подчинилась папе. Греческие епископы только после собора осознали свою ошибку, и в 879 г. Фотий вторично занял патриарший престол. Он умер в мире с Римом, и впоследствии был канонизирован.

В 1024 г. патриарх Евстафий при поддержке императора Василия II предложил папе Иоанну XIX раз и навсегда определить свои взаимоотношения как двух патриархов. Папство в то время ослабело, и Иоанн XIX, «по всей видимости, согласился» (68, с. 38). Но эта принципиальная для латинян уступка вызвала сильное сопротивление среди клюнийской конгрегации, от которой папе пришло напоминание, что «земная империя может быть разделена между несколькими правителями, владение же св. Петра неделимо. Наследник св. Петра не может делиться своей властью "вязать и решить"» (цит. по: 68, с. 38-39). Папа Иоанн XIX взял назад свое согласие, а на Западе стало распространяться известие, что «восточные церкви вышли из повиновения Святому престолу».

В середине XI в. до Константинополя дошло известие о новом отклонении в западной церковной жизни: употреблении в проскомидии не квасного хлеба, а опресноков. Патриарх Михаил Керулларий обличил это нововведение, что вызвало ярость у папы Льва IX (патриарх обращался к нему «брат», а не «отец», тем самым не признавая его старшинства, осмелился «судить апостольскую кафедру» и подписался «Вселенский патриарх»). Из Рима в 1054 г. послали легатов, которые после недолгих богословских споров, сами написали акт отлучения на патриарха и всю Восточную Церковь, положили его на престол Софийского собора и уехали из Константинополя. Народ, узнав об этом, бросился в гневную вдогонку, чтобы растерзать посланцев Рима. Патриарх Михаил Керулларий созвал собор, на котором надменные легаты были преданы отлучению от Церкви, а папу Римского с тех пор перестали помянуть при богослужении.

Последовавшие события окончательно закрепили самостоятельное и независимое друг от друга течение церковной жизни на Востоке и на Западе. Жестокость, проявленная католическими духовно-рыцарскими орденами при взятии православного Константинополя в 1204 г., подчинение греческих епископов и пренебрежение к византийскому обряду, множество других невероятных унижений в период крестовых походов перенесла Восточная Церковь от Запада и забыть это не могло.

Напомним, что походы крестоносцев, начавшиеся в конце 1095 после призыва папы Урбана II «помочь христианам на Востоке в борьбе с неверными», продолжались более двух веков и привели к обратному результату. По выражению С. Рансимена, «крестоносцы принесли не мир, но меч, и этот меч разрубил христианский мир» (68, с. 77). Роковым оказался четвертый крестовый поход весной 1204 г., в ходе которого предводители европейского сброда призывали разрушить Византию и заменить ее Латинской империей. 12 апреля 1204 г. Константинополь был взят штурмом и отдан на три дня на разграбление. «Погром, учиненный крестоносцами в Константинополе, – одна из отвратительных и трагических страниц истории», – признает английский ученый С. Рансимен (68, с. 106-107). Византийцы увидели гибель плодов своей высокой культуры и учености, в церквях учинялось подлинное святотатство и кощунство. «Скверные французские девки веселились в алтаре храма Св. Софии... богобоязненный аббат Мартин из Парижа гордился позднее тем, что по тонкости своих чувств грабил только священные обители» (68, с. 107). В Венецию, например, были вывезены похищенные в Константинополе четыре великолепные

бронзовые скульптуры коней, украсившие собор св. Марка. Восточные христиане никак не могли забыть четвертый крестовый поход.

С этого поворотного пункта определенно начинается схизма (раскол) между греческой и латинской Церквами, указывает С. Рансимен, и трудно не признать его правоту. Справедливости ради, стоит пояснить, что папа Иннокентий III был потрясен тем, что воины, отправившиеся на священную войну с неверными, обратили свое оружие против христианского народа. Однако последующие попытки примирения с греками оказались неудачными. В дальнейшем Запад не смог подняться до признания важности общего с Восточной Церковью наследия и общей судьбы Православия, а Церковь боролась за свое выживание в угрожающем окружении ислама. Следствием такого развития стало обретение византийским христианством своего рода «национального» (греческого) оттенка. Следует пояснить, что Византийская империя была многонациональным государством, в нем наряду с греками действовали славяне, армяне и представители других народов, однако основным языком был греческий.

В этих трудных условиях византийские императоры прямо пытались подчинить себе Церковь, использовать ее в своих интересах для возрождения империи после нашествия крестоносцев. Сказывались унаследованные ими от Римской империи самоощущение императора как представителя Бога на земле и непонимание «неотмирности» Церкви. Например, император Иоанн V Палеолог (1341-1391 гг.) поехал в Рим, где принял католичество в надежде получить помощь от папы, но напрасно (6, с. 297).

Папы упорно стремились покорить Восточную Церковь. Император Михаил VIII Палеолог принял предложение папы Григория X о принятии греками латинского Символа веры и признании главенства папы. Духовенство было категорически против, а сам патриарх не сочувствовал унии, но и не осуждал предлагаемый Римом союз. Однако на Лионском соборе в 1274 г. представители императора согласились на все. Тем не менее, даже жестокими насильственными мерами Михаил VIII не сумел насадить унию. Иоанн VIII Палеолог в 1438 г. поехал в Италию с патриархом Иосифом на Флорентийский собор, на котором под прямым давлением императора греческое духовенство признало *filioque* и главенство папы. Правда, заключительный акт не подписали патриарх Иосиф (согласившийся с унией, но скончавшийся за два дня до подписания) и яростный защитник Православия митрополит Марк Эфесский. «Мы ничего не добились», – признал папа Евгений IV, узнав об этом. В Константинополе народ и духовенство не приняли унию, а униатов считали еретиками.

12 мая 1453 г. христианская империя пала под ударами армии турецкого султана. «Византию часто ошибочно представляли неизменяющимся обществом. Она менялась... Византийцы верили, что они обязаны сохранить великие культуры прошлого, Греции и Рима, которым они наследовали, напитавши их духом христианства, так чтобы цивилизация не погибла в темном и неверном мире. Что же до религиозного чувства, то оно было искренним и сильным. Они глубоко веровали в вечную жизнь... Однако во временном мире прорастает грех. Византийцы прекрасно понимали, что их история полна слабости, глупости, гордыни, тщеславия и алчности. Они верили, что так проявилась их греховность, ставшая причиной их упадка и окончательного разорения. Однако идеал сохранял свое высокое достоинство, как бы далеко ни отступило его практическое воплощение. В Византии искренне пытались создать христианскую человеческую общность, которая была бы созвучна небесной» (68, с. 225-226).

Таким образом, разделение Церкви, а точнее – отпадение Запада от Вселенской Церкви произошло в последнюю очередь из-за честолюбия пап и амбициозности патриархов или мелких обрядовых различий (число которых оценивается то в 10-20, то в 90, то в 250). В практике Поместной Церкви допустимы некоторые черты своеобразия, в богословии

возможны разномыслие и частные мнения, если они не касаются основ веры, догматов и вселенских канонов (решений Вселенских Соборов).

Более важно то, что в состоянии отпадения от Православной Церкви Рим допустил много отклонений от утвержденных Вселенскими соборами основ православной веры (по 4, с.118; см.38). Отступления в догматах веры: 1) учение об исхождении Духа Святого от Отца и Сына и прибавление к Символу веры лишнего слова «и Сына» (*filioque*); 2) учение о главенстве папы во Вселенской Церкви; 3) учение об индульгенциях, т.е. об освобождении грешников от наказания за грехи ради сверхдолжных заслуг святых, которыми якобы вправе распоряжаться папа; 4) учение о чистилище, среднем состоянии между адом и раем; 5) учение о непричастности Богоматери первородному греху; 6) учение о непогрешимости папы в делах веры.

Отступления в обрядах: 1) крещение совершается через обливание вместо погружения; 2) миропомазание совершается только епископами и над взрослыми; 3) литургия совершается на опресноках вместо квасного хлеба, Причастие преподается мирянам под одним видом хлеба; 4) введение поста в субботу; 5) разрешение на сыр и яйца в постные дни.

Особенности в церковном управлении: 1) введение безбрачия духовенства; 2) учреждение неизвестного в древности сана кардинала, повлекшее смешение степеней священства; 3) запрещение мирянам читать Библию.

Отступления в обычаях церковной жизни: 1) употребление органов при богослужении; 2) места для сидения в церкви; 3) открытые алтари; 4) одновременное служение месс (литургий) на разных престолах в церкви; 5) совершение богослужения только на латинском языке; 6) звонки при богослужении для возвещения его наиболее важных мест для непонимающих латинского языка и др.

2. Раскол в Церкви всегда влечет за собой новый раскол и так до бесконечности. История церковной жизни на Западе после 1054 г. служит ярким тому подтверждением. С расширением христианского мира на Западе и развитием там церковной жизни стали появляться смелые и решительные противники папской власти. Из их числа особенно известны британец **Джон Уиклиф** (1320-1384 гг.), осуждавший папство и монашество, переведший Библию на английский язык, а в своих сочинениях развивший собственное учение о Церкви, осужденное во многих пунктах папой Григорием XI; ректор Пражского университета богемец **Ян Гус** (1369-1415 гг.), который, не будучи верным римо-католиком, отказался слепо повиноваться авторитету папы и уничтожить осужденные сочинения Уиклифа, за что был сожжен по решению католического собора в Констанце, что в дальнейшем привело к формированию антипапского народного движения в Чехии и Моравии.

С середины XV в. в европейских странах возрождается интерес к классической литературе древности, усилившийся после массового переселения греков из рухнувшей в 1453 г. Византийской империи. Но западные христиане не умели отличать нововведения папства от вечных истин Православия, хранимых Церковью, они переносили недовольство против папства на всю Церковь. Это вело к распространению неверия в Бога, чему попытались помешать не только Рим своими насильственными мерами, но и христианские реформаторы. Наиболее известны из них Лютер в Германии, Цвингли в Швейцарии и Кальвин в Женеве. Все они были воодушевлены добрыми намерениями, обладали замечательными дарованиями и сильной волей.

Но они, во-первых, приняли на себя дело, неподъемное для отдельного человека, а во-вторых, при всей своей учености имели весьма смутное представление о Православной Восточной Церкви как прямой преемнице Церкви Апостольской. Они смогли отторгнуть от

Рима значительную часть верующих, но не сумели их привести к Православию, напротив, увели еще дальше, чем папство.

Мартин Лютер (1483-1546 гг.) родился в Саксонии в семье рудокопа. Отец сумел дать ему образование, Лютер учился в Эрфуртском университете. Вопреки воле отца в 1505 г. он поступил в августинский монастырь, хотя, унаследовав психологию северогерманского крестьянина, угловатость и резкость обращения, грубовато-наивную речь, Лютер обладал страстной натурой и не имел призвания к монашеству.

Во время путешествия в Рим в 1510 г. он поразился небрежности, с какой местные клирики совершали богослужение. Лютер переживает охлаждение к столице католичества и утверждает в мысли, что для спасения не нужны подвиги благочестия, а нужна только вера, он обращается к изучению сочинений блаж. Августина. По возвращении на родину в Виттенберге он преподает в университете, становится доктором богословия.

В то время папа Лев X для завершения постройки храма св. Петра в Риме (отчасти и для покрытия собственных расходов) объявил о всеобщей продаже индульгенций. В 1517 г. в Виттенберг явился монах Тецель, взявшийся за бойкую торговлю «свидетельством о прощении грехов». Лютер выставил у дверей дворцовой церкви 95 тезисов против злоупотреблений папства. На его стороне было всеобщее одобрение, ответные тезисы Тецеля студенты сожгли. Папа вызвал Лютера в Рим, но саксонский курфюрст Фридрих Мудрый этому воспротивился. Подобно гуситскому движению, протест Лютера вызвал общенародную поддержку. Германские князья желали свергнуть папское иго и умалить прерогативы германского императора, хотя епископы в своем большинстве сохраняли верность Риму, а вот университетские профессора стремились избавиться от жесткого контроля над их исследованиями, даже крестьяне искали облегчения своей участи. Лютер отказался подчиниться требованию папы и отречься от своих идей, напротив, один за другим выпускал резкие памфлеты с осуждением и разоблачением папства, которые широко расходились не только в Германии, но и в Швейцарии, Франции, Нидерландах, Англии. В 1520 г. Лютер в присутствии многих ученых сжег осуждающую его папскую буллу, а заодно и книги канонического права. Император Карл V вызвал Лютера на сейм в Вормсе, где Лютер проявил большую стойкость, но Карл V заключил соглашение с папой, и участь дерзкого ученого монаха казалась решенной. Однако курфюрст помог ему скрыться, и Лютер занялся переводом Библии на немецкий язык.

Исходя из своей моноидеи об оправдании верой, он усомнился в подлинности некоторых библейских текстов, например, послания св. апостола Иакова и Апокалипсиса, в которых очевидно говорится о необходимости добрых дел для оправдания человека. Пламенный мятежник смягчает свою критику князей и клеймит «кровопийц крестьян» за непослушание властям. В 1524 г. Лютер снимает монашеский сан, женится на бывшей монахини Катарине фон Бора, и последние 20 лет жизни проводит в спокойной научной и литературной деятельности.

Сам Лютер не составил какой-либо системы, однако его деятельность положило начало европейской Реформации, а его учение послужило образованию значительного течения в христианстве – *протестантизма*. Странники Лютера приступили к преобразованию институтов и уклада римско-католической церкви. Основой лютеранского вероучения считается учение об оправдании одной верой, без добрых дел, а также учение о единственном источнике веры – Священном Писании с предоставлением каждому верующему читать его и толковать по своему разумению. В лютеранстве нет таинств, кроме Крещения и Евхаристии, нет законной иерархии, монашества, почитания икон и мощей, праздников (кроме Господских), паломничества и пр. Исходя из мысли Лютера «все христиане – священники», лютеранский пастор – тот же мирянин, избираемый обществом для проповеди и служения в храме. Лютеранское вероисповедание оказалось тесно связанным со светской властью; оно унаследовало от католичества некоторые отступления

от Православия: *filioque*, обливание в крещении, опресноки вместо квасного хлеба в причащении, а также использование органа при богослужении, открытые алтари, места для сиденья и др.

Ульрих Цвингли (1484-1531 гг.) пошел намного дальше Лютера в реформировании христианства. Он родился в зажиточной крестьянской семье, получил высшее образование в Венском и Базельском университетах. Увлечшись изучением Священного Писания, он стал приходским священником.

В своих проповедях Цвингли отзывался на вопросы текущей местной жизни, осуждал различные суеверия и церковные злоупотребления, практику celibата, и постепенно пришел к мысли, что христианство – не культ, а всего лишь нравственное учение. В 1516 г. в Эйнзидельнском женском монастыре он объявил монахинь свободными от обета безбрачия и прекратил почитание святых. В 1519 г. Цвингли переселяется в Цюрих. В своих проповедях и в выступлениях на диспутах он утверждает о скором падении римского папы, отрицает все таинства в Церкви, требует закрытия монастырей, вынесения из церквей икон и употребления драгоценностей на помощь бедным, «которые представляют истинный образ Божий». В Швейцарии власти в полной мере воспользовались распространением идей Цвингли: монастыри были обращены в школы, приюты и госпитали, а монастырское имущество перешло в собственность общин; богослужение было упрощено, месса уничтожена, т.к. Цвингли объяснял Евхаристию только как символическое воспоминание страданий Христовых и знак взаимного общения верующих. Безбрачие духовенства было упразднено, и сам Цвингли в 40 лет женился на вдове Анне Мейер. Храмы у реформаторов были обращены в простые молитвенные залы без всяких украшений. Впоследствии в цвинглианстве возникла идея о соединении государства и общины верующих в одном «демократическом учреждении» (12, т. 3, с. 183-185).

Жан Кальвин (Ковен, 1509-1564 гг.) родился на севере Франции в зажиточной семье и с детства отличался необыкновенными способностями. Занятия правом сформировали его замечательные логические способности, но Кальвин увлекается литературой. Его переход в протестантизм не был вызван сильным душевным порывом, а совершился в результате медленной рассудочной работы. В 1534 г. он уже явно вне католицизма, а в 1536 г. выходит его книга «Наставления в христианской вере», содержащая свод догматического и церковного учения кальвинизма. Он пошел дальше Лютера в учении об оправдании, опираясь на учение о предопределении блаженного Августина.

По учению Кальвина, верующий уже есть избранник Божий, предопределенный к Царству Небесному, т.к. Бог, предвидя падение человека и решив его искупление, от вечности предопределил, кто из людей спасется, а кто погибнет. Спрашивать, почему одних Бог избрал, а других отвергнул – бесполезно, для нас непостижимы законы, по которым действует Божественная воля. Кальвинизм обрел черты нетерпимости и чисто рационалистический характер, в нем не осталось и следа мистицизма, воображения и неопределенности, везде логические рассуждения и ссылки на текст Писания, жестко аскетический кодекс нравственности. Согласно учению Кальвина, всякое сообщество людей, в котором раздаётся проповедь слова Божия и совершаются таинства (крещение и причащение) есть Церковь. Заняв видное место в государственной и общественной жизни Женевской республики, Кальвин ввел обязательный контроль за соблюдением правил веры членами общины и за их частной жизнью, установил систему строгих преследований за нарушение нравственных правил (были запрещены танцы, песни, развлечения, яркие наряды). В 1553 г. он прямо довел до костра своего идейного противника испанца Мигеля Сервета (который отрицал троичность лиц Божества и Божество Иисуса Христа), возведя в принцип преследование еретиков. Из принципа Кальвина «Бога надо слушаться больше, чем людей» (Деян. 4:19) в кальвинизме возникла теория сопротивления нечестивой и вообще тиранической власти (12, т. 1, с. 663-668).

3. *Англиканское* течение в христианстве возникло также в эпоху Реформации и было порождено преимущественно политическими причинами. Конфликты между Римом и английской короной возникали довольно часто, они были вызваны ростом самосознания формирующейся британской нации, но не принимали антагонистического характера. Однако идеи Дж. Уиклифа о коренной реформе церковной жизни пустили корни в обществе.

Английский король Генрих VIII в 1522 г. выступил против Лютера, но в 1532 г. разорвал союз с папой за то, что тот не разрешил ему развестись с женой Екатериной Арагонской (теткой германского императора Карла V, главного борца против Реформации и защитника папства) и жениться на любимой фрейлине Анне Болейн. Придворный священник Томас Кранмер внушил королю мысль объявить себя самого главой церкви и разрешить себе новый брак, за что благодарный король возвел его в сан архиепископа Кентерберийского. Под руководством нового архиепископа началась работа по составлению нового перевода Библии и катехизиса – в католическом духе, но с отвержением главенства папы. Воля короля, с одной стороны, и недовольство народа гнетом папской власти и папских налогов вкупе с моральным разложением католического духовенства, с другой стороны, привели к утверждению в Англии нового вероисповедания. Окончательную его победу смогла утвердить королева Елизавета I, дочь Анны Болейн (1533-1603 гг., правила с 1558 г.), с этих пор формальным главой английской церкви является британский монарх. Англиканская Церковь превратилась в один из институтов государства. Право утверждать ее доктрину, обряды и внутреннюю структуру было юридически закреплено за королем и английским парламентом. Церковь управляется архиепископом Кентерберийским.

Англиканство можно определить как умеренный протестантизм, удержавший от католицизма епископальное устройство и некоторые литургические обряды в весьма упрощенном богослужении. Были уничтожены монастыри, разрешен брак для священников и епископов. Догматическое учение англиканства содержит догматы и положения вполне православные и антикатолические: о Святой Троице, о Сыне Божием, отрицание чистилища и индульгенций, отрицание главенства папы над всей Церковью и т.д. Но от католицизма сохранилось учение о *filioque*, от лютеранства – об оправдании верой, отрицание почитания святых, икон и мощей и др. Сохранены только два таинства: Крещение и Евхаристия. В недрах самой епископальной церкви выделились т.н. *высокая церковь*, близкая к католицизму, *низкая церковь*, тянущаяся к реформатству (оправдание одной верой, Библия как единственный источник вероучения), и широкая церковь, занимающая промежуточное положение («все христиане – братья, догматы маловажны, т. к. христианство – лишь нравственное учение»).

Впоследствии от англикан откололись наиболее ревностные реформаторы, отвергающие всякую примесь католицизма в религиозной жизни, называвшие себя *пуританами*. Управление этими общинами вверено пресвитерам, почему это течение иногда называется пресвитерианством. В свою очередь от них откололись крайние из пуритан, назвавшие себя независимыми («*индепенденты*»), считающие, что каждый христианин есть духовное лицо и должен сообщать своим братьям, что внушил ему Бог. На их основе в 1612 г. образовалось вероисповедание *баптизма*, суть учения которого состоит в возможности спасения личной верой без Церкви (баптисты отрицают крещение детей). Баптизм получил широкое распространение в Америке, так же, как и зародившийся в начале XVIII в. *методизм*, проповедовавший деятельную христианскую любовь. Также из Англии в Америку в XVII в. переместилась секта *квакеров* («трепещущих»), в основу учения которой ее основатель Джордж Фокс положил идею о пребывании Истины в сердце свободного человека, а не в Церкви или книгах; квакеры исповедуют закон деятельной любви,

отрицают все внешние обряды, их богослужение состоит в совместных размышлениях и общей молитве.

Лекция 10. ЗАПАДНОЕ БОГОСЛОВИЕ в IV-XVII вв. ПАПСТВО

1. В Западной Церкви в первые века торжества христианства прославились многие святители и учителя Церкви. Одним из великих Отцов Церкви является святой **Амвросий** (339-397 гг.), архиепископ Медиоланский (современный Милан). Он принадлежал к знатному роду, в юности получил прекрасное образование в Риме. Отец предназначал его к государственной службе, и к 374 г. Амвросий уже занимал высокий пост консуляра Верхней Италии. Но в том году в Милане происходили выборы епископа, осложненные ожесточенным противоборством православных и ариан. Амвросий явился в храм для наведения порядка, и вдруг чей-то голос возгласил: «Амвросий – епископ!» Народ и сам император Валентиниан увидели в этом Божие избрание, хотя сам Амвросий, бывший в то время еще оглашенным («катехуменом»), отговаривался и даже тайно удалился из Милана. Он вынужден был согласиться, принял крещение, быстро прошел все церковные степени и был рукоположен во епископа.

В сложные годы становления христианской империи св. Амвросий стал одной из ключевых фигур своего времени, он сыграл важную роль как в устройстве церковной жизни, так и в становлении западного богословия. Стоит сказать, что в его роду имелось несколько христианских мучеников, а старшая сестра Марцеллина была ревностной христианской. Новый епископ вел подлинно аскетический образ жизни, однако при этом обладал привлекательным характером, был «веселым и радостным с друзьями, плачущим – с проливающими слезы» (12, т. 1, с. 67). Первым делом после избрания он раздал свое имущество бедным.

Своей доброжелательностью и твердостью в вопросах веры св. Амвросий сумел привлечь на свою сторону верующих, а со временем – и арианствующее духовенство. Он не дал арианам захватить Миланскую базилику, хотя для ее защиты ему иногда приходилось с клиром и народом проводить в ней дни и ночи.

Опираясь на поддержку государственной власти, св. Амвросий в то же время защищал самостоятельность и независимость Церкви от вмешательства государственной власти, с позиций христианской морали выступал против отдельных мер государства, вступал в конфликты с двором, не боялся противоречить императорам. По его настоянию из императорского титула было исключено звание *pontifex maximus* (верховный первосвященник), языческие капища и их жрецы были лишены казенного содержания, погашен так называемый «священный огонь» весталок, в 384 г. вынесена из сената статуя Победы, император принужден был отменить свой декрет о восстановлении синагоги, сожженной фанатичными монахами. Сохранилось предание об отлучении в 390 г. епископом Амвросием императора Феодосия за жестокое избиение возмущившихся против него фессалоникийцев. «Человек, проливший столько крови, – сказал Амвросий на пороге храма, – не может быть в храме Бога мира». «И Давид согрешил, но не лишился милости Божией», – возразил император. «Ты подражаешь Давиду в преступлении, – ответил св. Амвросий, – подражай же ему и в раскаянии», и наложил на него епитимию, после исполнения которой император был вновь принят в церковное общение.

Самым важным достижением св. Амвросия считается установление им уважительно-независимых отношений Церкви с государством. «Церковь принадлежит Богу и вследствие этого не должна передаваться кесарю. Храм Божий не может принадлежать кесарю по праву. Никто не сможет утверждать, что я сказал это, не имея чувства уважения к императору. Ибо что может быть более уважительным, как не назвать императора сыном Церкви?.. Ибо император – в Церкви, а не над нею» (Цит.по: 54, с.49).

В условиях определенной удаленности от восточной богословской мысли, св. Амвросий, не имевший специальной подготовки, опираясь на тексты Нового Завета и дошедшие до Италии греческие труды, успешно боролся за чистоту веры, отстаивая принципы Nikei. Основой его епископской деятельности стала пастырская проповедь, посвященная в преимущественно толкованию Писания. Используя новый для Запада аллегорический метод, св. Амвросий разъяснял смущающие места Ветхого Завета и открывал в нем новые глубины. В своих многочисленных трудах св. Амвросий опирается на учение апостола Павла, утверждая, что строгость закона отступает перед милосердием Евангелия; в проповедях св. Амвросий требовал отказа от греха и глубокого искреннего покаяния. «Отправным пунктом богословской мысли для Амвросия была Церковь», – писал Й. Лортц (7, т. 1.е. 151). По обычаю Восточной Церкви он ввел пение гимнов и псалмов. Он утвердил принятое на Востоке учение о Пресуществлении (превращении) хлеба и вина в таинстве Причащения в истинную Кровь и истинное Тело Христово, что позднее привело к принятию этого догмата Западной Церковью на Латеранском соборе в 1215 г.

До нашего времени дошли проповеди святого Амвросия, несколько надгробных речей, гимны. Он известен как преобразователь церковного пения (ввел антифонное пение, попеременное на два клироса).

Величайшим из отцов Западной Церкви признан блаженный **Августин** (354-430 гг.). Огромное влияние Августина на все последующее развитие христианского просвещения объясняется прежде всего совершенством и глубиной его философской мысли и в то же время исключительностью его личности. Это и гениально одаренная натура и героический борец, сам переживший множество искушений и испытаний и достигший высот Божественного откровения. Самую суть его исканий лучше всего передают слова, которыми начинается его известнейшая «Исповедь»: «...и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» (22, с. 5).

Аврелий Августин родился в Тагасте (территория современного Алжира) в семье среднего достатка. Отец его был язычником, а мать, Моника – христианкой. Она воспитывала сына в христианском духе, но довольствовалась причислением его к катехуменам (оглашенным), отлагая крещение до тех пор, пока не улягутся страсти, а ум созреет для богооткровения. В годы ученичества Августин жил поистинне распущенно в нравственном отношении, о чем впоследствии горько сожалел в «Исповеди». Он учился в родном городе, затем в Карфагене прошел курс обучения, ознакомившись с классической литературой и философией. Страсти подчиняют его, но беспорядочные любовные похождения обуздываются верною привязанностью к одной женщине, которая и его преданно любила. Августин уверовал в науку, гордился больше всего своей образованностью и рвался к счастью знания.

После обучения он становится учителем риторики, в кругу друзей занимается изучением философии, астрономии. Впервые глубоко задуматься о смысле жизни его заставило возвышенное сочинение Цицерона «Гортензий», побуждающее к обретению истины в занятиях философией. Он нетерпеливо начинает поиски истины. Ветхий Завет в то время казался ему грубым и недуховным. Не зная покоя в постоянных поисках истины, Августин становится учеником у манихеев (в основе их учения лежит признание двух противоборствующих субстанциональных начал бытия: царства света, добра, духа и царство тьмы, зла, материи. Согласно манихейству, мир есть воплощение зла, и человек не несет ответственность за свои грехи, порожденные тьмой). В течение девяти лет он предавался изучению манихейского учения, занимался астрологией и магией, но росли сомнения, угнетал безнадежный дуализм между добром и злом, и он осознал ошибочность этой доктрины. После переезда в Рим из работ неоплатоников он узнает иной взгляд на проблему зла, «которое есть отсутствие или недостаток добра». Он очищается от заблуждений, но не обретает взамен надежной опоры. В 384 г. он перебирается в Милан,

(где занял по конкурсу должность придворного ритор), по настоянию родных расстается со своей подругой, заключает помолвку с девушкой из видной семьи, но брак его не состоялся. На 33-м году происходит решительный перелом в жизни Августина.

В Милане Августин углубляется в изучение трудов Платона, чей теоретический идеализм избавил его от скепсиса и дал положительный ответ на мучительный вопрос о смысле жизни. Из платонизма он почерпнул руководящий принцип, что самопознание есть источник миропознания и богопознания. Неоплатонизм научил его понимать несамостоятельность зла в мире, а зло в человеке объяснялось как уклонение его свободной воли от Бога, удаление от истинного бытия к бытию несовершенному или к небытию. Августин также начинает слушать проповеди епископа Амвросия на темы Ветхого Завета, в которых ему открывается смысл пророческих и преобразовательных символов пришествия Спасителя. Симплициан, духовник Августина, имевший на него большое влияние, дал ему творения апостола Павла, которые открыли ему надежду на спасение и общение с Богом. Ему стала ясна необходимость веры как источника религиозного познания тайн мира, он осознал силу Откровения, авторитет Церкви, узнал об образцах монашеского подвига. Сильно подействовали на него обращение известного философа-неоплатоника Викторина и простого монаха Антония. Разумом он был уже готов к принятию истинной религии, его философские взгляды уже стали христианскими, но плоть его, запятнанная грехом, страшилась, и он изнемогал от мучительных терзаний.

Из «Исповеди» известно, что решимость креститься пришла к нему под влиянием чудесного явления: сидя в саду он услышал нежный детский голос, сказавший «Возьми и прочитай». Августин взял с колен текст послания апостола Павла к Римлянам и прочитал: *«Облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти»* (Рим, 13:14). Сильная и эмоциональная натура Августина не могла воспринять это иначе, как призыв Бога. В Пасхальную ночь 387 г. Августин крестился у епископа Амвросия вместе со своим сыном Адеодатом и с другом Алипием. В том же году умерла Моника, его мать, сопровождавшая его и дождавшаяся исполнения давнего предсказания карфагенского епископа об обращении ее сына. Лирический рассказ о предсмертном свидании Августина с матерью принадлежит к самым трогательным страницам его «Исповеди».

Августин отказался от профессорской карьеры, сославшись на болезнь, и покинул Милан. Осенью 388 г. он возвращается в родную Тагасту, продает родительское имение, деньги раздает бедным. Для себя он оставляет только маленький домик, где живет с друзьями монашеской жизнью. В 389 г. умирает Адеодат, горячо оплаканный отцом. Три года уединения в Тагасте были посвящены молитве и написанию философских трактатов. В нем происходила трудная переоценка ценностей, многое из прежде дорогого померкло в его глазах, а сердце его открылось для высших религиозных интуиции. Открывался в жизни новый путь, на котором все силы можно было отдать радостному долгу познания двух единственно важных объектов – Бога и души человеческой.

В 391 г. Августин переехал в Гиппон, где вокруг него собралась группа друзей, избравших аскетический образ жизни. По настоянию этой общины он был рукоположен в пресвитеры. В течение четырех лет он ведет полемику с манихеями, донатистами, защищает единство Церкви. В 395 г. епископ Гиппона Валерий, желая назначить себе достойного преемника, рукополагает Августина в со-епископы Гиппона, а с 396 г. до конца своих дней Августин пробыв главой этой епархии. Он быстро становится крупнейшим авторитетом в церковной жизни, принимает участие в нескольких Карфагенских соборах против донатистов, использует как убеждение, так и силу государства. Позднее он начинает борьбу против пелагианства.

В ходе изучения посланий апостола Павла Августин выявляет для себя важнейшие проблемы, решение которых он предлагал в своих трактатах: первородный грех, благодать

и предопределение, воля и свобода, эсхатология, человеческая история. Он создает обширный комментарий на книгу Бытия, великий догматический труд «Троица», трактат «О христианском учении» и десятки других сочинений. Августин первым сформулировал доктрину о видимой Церкви как внешней организации и «невидимой Церкви» как теле истинных христиан: не все в Церкви являются истинными христианами, многие – лишь номинальными. Сами мы не можем отличить истину от лжи, лишь Бог может прочесть то, что записано в сердцах людей, и определить, кто же принадлежит Ему.

В борьбе с пелагианством Августин разрабатывает проблематику спасения. Бог по милости Своей избрал ко спасению некоторых, но не всех. «Благодать не ищет человека, желающего [добра], но заставляет его желать» (Цит. по: 54, с. 56). Достигается это не уничтожением свободы воли, а путем убеждения. Он считал, что благодать Божия несоизмерима с любыми возможными заслугами человека и дается ему на совершенно непостижимых основаниях. Человек избирается и предопределяется к спасению неисследимой Высшей мудростью. Это решение нельзя понять, в его справедливость можно только верить. Вера – единственный надежный источник истины и спасения: «Будем же верить, если не можем уразуметь» (Цит. по: 22, с. 326). Формула отношения человеческой воли к благодати ярко выражена в знаменитой молитве Августина: «Дай нам то, что Ты повелеваешь, и повелевай нам то, что Ты хочешь» (12, т. 1, с. 25).

В августе 410г. вестготы захватили Рим. Падение «вечного города» произвело потрясающее впечатление и вызвало в умах людей трагические предчувствия конца света. Скорее всего под влиянием этого мрачного события Августин замысливает грандиозный труд «О граде Божием», на который затратил последние 20 лет своей жизни. В первой его части Августин утверждает, что языческие боги никоим образом не влияют на судьбу небесную или земную. Согласно Августину, христианство не гарантирует временного мирского успеха (что противоречило воззрениям некоторых православных богословов, например, Евсевия Кесарийского после обращения Константина). Евангелие приносит внутренний мир и дает вечное наследство. Во второй части Августин прослеживает от сотворения мира до вечности историю двух различных градов – града Божьего и града сатаны, небесного и земного городов, Иерусалима и Вавилона (в их символическом значении). Это не две противоборствующие нации, не две различные организации (как, например, государство и Церковь). «Два града – это два различных общества людей. Одно предназначено к вечному царству с Богом, другое – к вечному страданию с дьяволом». Они отмечены двумя типами любви: любовью Божьей, которой противостоит любовь к самому себе; любовь к вечному против любви к вещам временным. Люди «рождаются в земном граде от природы, испорченной грехом, но они же рождаются в небесном граде по благодати, освобождающей природу от греха» (Цит. по: 54, с. 58). Град Божий невидим, поэтому до решения на Страшном Суде жизнь в обоих градах остается неразделенной, совместной. Отсюда следует, что для христианина главная опасность заключается в собственном эгоизме и своеволии, в желании жить «по самому себе», а не «по Богу» (22, с. 328).

Предложенная в книге гениальная, истинно христианская философия истории сформировала все средневековое мировоззрение. Это грандиозный опыт универсальной теории о человечестве как целом, управляемом Богом. Оригинальность и непреходящая ценность Августина для нас состоит также в открытии им уникальной, неповторимой человеческой личности, которая рассматривается в ее отношении к Абсолютной Личности Творца (см. 22, с. 317). Августин впервые показал, что жизнь души, жизнь «внутреннего человека» есть нечто невероятно сложное и вряд ли до конца определимое. «Великая бездна сам человек... волосы его легче счесть, чем его чувства и движения его сердца», – писал он в «Исповеди» (22, с. 62).

Августин умер в 430 г. накануне захвата Гиппона войском варваров. Значение Августина для богословия определяется разработкой им учения о грехе и благодати (направленном против пелагианства), учением о видимой, иерархически организованной Церкви как единственном средстве спасения, глубокой продуманностью проблем христологии (о единой личности Иисуса Христа и двух его природах). Он оставил также философские, катехизические произведения. Надо отметить, что Августин не создал все же цельной системы, а его учение о предопределении не принимается Православной Церковью.

Блаженный **Иероним** (ок. 345-420 гг.) также принадлежит к великим латинским Отцам Церкви. Он родился в городе Стридоне (на современных Балканах) в зажиточной крестьянской семье, после получения домашнего воспитания обучался в Риме. В 373 г. после крещения он отправился на Восток; два года занимался изучением богословия в Антиохии, в 374-379 гг. пребывал в Халкидской пустыне, где вел аскетический образ жизни и изучал еврейский и греческий языки. Как-то во время болезни ему представилось, что он уже умер и явился на Суд Божий, где на вопрос о вере назвал себя христианином. «Ты лжешь, – был ответ.– Ты последователь Цицерона, а не христианин. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Цит. по: 54, с. 51). С тех пор Иероним охладил к изучению античной философии и весь отдался изучению Библии.

Иероним жил по-монашески, а два года даже как отшельник, но это не было жизнью в нищете и послушании, в отрыве от мира. Он жил в пещере, но имел с собой всю библиотеку, собранную в Риме, общался с приятелями и переписывался со многими поклонниками. «Страх ада», по его словам, а не свободное побуждение, побуждал его к аскетизму и целомудрию. Он не сумел освободиться от пылких страстей и любви к свободной жизни, оставался беспокойным, очень раздражительным, безгранично тщеславным, язвительным и злобно-ироничным в своей полемике с противниками.

В 380 г. он был рукоположен в сан пресвитера. В 381 г. папа Дисмас делает его своим секретарем и ближайшим советником. В Риме Иероним достигает широчайшей известности. С 386 г. он поселился в Вифлееме, предался ученым занятиям, «всегда читая, всегда в книгах, не зная покоя ни днем, ни ночью». Он также руководил основанным им мужскими и женскими монастырями, обучал детей.

Сочинения Иеронима состоят из толкований на Священное Писание, догматических, нравоучительных и исторических трудов. Главной заслугой его остается латинский перевод Библии, известный под именем Вульгата (в ходе работы над которым он использовал еврейский подлинник, а не греческий перевод Септуагинту, а также широко опирался на труды Оригена). В 1545 г. Тридентский собор канонизировал этот перевод как единственно церковный для Католической Церкви.

Григорий Великий (или Двоеслов) (ок. 540-604 гг.) считается последним из четырех основателей латинской Церкви. Он родился в знатной и благочестивой римской семье, из которой вышли трое святых (его мать и две тетки) и один папа римский – Феликс III. Получив отличное образование, Григорий тем не менее уже с молодых лет пренебрежительно относился к светской литературе, а увлекался изучением трудов Отцов Церкви – Августина, Амвросия и Иеронима. В 573 г. Григорий был назначен префектом Рима, но тяготился этой деятельностью. После смерти отца он уходит со службы, все свое значительное имущество тратит на основание монастырей – шести на Сицилии и одного в Риме, монахом которого становится сам. В 577 г. он посвящен в сан диакона, а в 590 г. избран папой.

В период правления Григория Великого, ревностно взявшегося за исполнение своих обязанностей, окончательно складывается организация власти папы как «наследника святого Петра». Он сумел увеличить влияние папства на Западе, приняв на себя некоторые функции светского правителя (благодаря чему позднее в центральной Италии возникло папское государство). Утверждая примат Рима, Григорий Великий протестовал против

принятия епископом Константинополя титула «вселенского», доктрина папизма отрицала равенство какого-либо иерарха с епископом Рима в вопросах управления и учительства в Церкви.

Громадное влияние Григорий оказал на все средневековые своими сочинениями. Его взгляды определили догматику средних веков, но они обнаруживают глубокое падение богословской мысли, отвергнувшей античную культуру. В своих трудах Григорий упрощает и вульгаризирует мысли Августина, дополняя их народными представлениями о Божестве, небе и аде. Выше всего он ставит Священное Писание, источник всего содержания веры, и Церковь, вне которой нет спасения. По его мнению, благодать прямо связана с деятельностью Церкви, а потому ясно, что «Церковь должна вселять в души верующих вместе и надежду и страх», потому что один страх приводит к отчаянию, а надежда ведет к забвению дел спасения. К спасению кроме благодати ведут также добрые дела.

Наименование Двоеслов он получил за очень широко известную книгу «Собеседования или диалоги о жизни италийских отцов и о бессмертии души», которая состоит из назидательных повествований, изложенных ярко и просто.

Фома Аквинский (или Аквинат) (1225-1274 гг.) – один из великих богословов и святых католической Церкви. Он родился неподалеку от Неаполя в семье графа Аквинского. Во время обучения в Неапольском университете Фома присоединился к недавно основанному ордену доминиканцев. Семье это не понравилось, его выкрали, держали взаперти, пытались заставить выйти из ордена. Фоме удалось бежать в Неаполь, где он принял пострижение. Орден послал его в Кельн, где молодой монах начал систематическое изучение богословия. В 1257 г. в Париже Фома получил докторскую степень и начал преподавать. В это же время он пишет свое знаменитое произведение «Сумма философии, об истине католической веры против язычников».

Значение Фомы Аквинского – не в оригинальности его учения, а в систематизации и приспособлении различных отраслей знания с религиозными положениями. Наряду с религией он признает самостоятельную область исследования разума, область веры не смешивает с областью знания; по мнению Фомы, ссылка на Бога в физических вопросах есть «прибежище невежества», но точно также неправомерно перенесение понятий физического мира в духовное царство благодати. Царство благодати выше царства природы, но первое не уничтожает относительной самостоятельности второго. Определяя свободу воли, Фома считает, что выбор зависит от нас, но в делании добра мы не свободны, так как нуждаемся в благодати. Известно его учение о Евхаристии, в котором он утверждал доктрину Пресуществления.

В последние десять лет жизни Фома Аквинский был занят написанием обширного труда «Сумма теологии», которое составило систематическое изложение христианской веры. Но в конце жизни во время мессы у Фомы было видение, после которого он бросил писать, и потом его труд дополнили его ученики на основе ранних работ Фомы. Он утверждал, что во время видения все написанное им по сравнению с тем, что ему открылось, «было подобно соломе».

Фома Кемпийский (или Томас Хемеркен) (1379-1471 гг.) едва ли может быть причислен к богословам, но это выдающийся церковный писатель. Он родился в бедной благочестивой семье неподалеку от Кельна, получил лишь начальное образование. В 20 лет вместе с братом он уходит в монастырь, в котором прошла вся его жизнь. В 1412 г. он был рукоположен в сан священника.

Фома Кемпийский хорошо знал Священное Писание, в совершенстве владел латинским языком. Он написал несколько трактатов, один из которых имел поразительный успех. Его сочинение «О подражании Христу», вышедшее анонимно в 1473 г., выдержало за 500 лет две тысячи изданий, было переведено на все европейские языки (на русский – К. П.

Победоносцевым). Книга была написана простым языком и в аскетическом духе излагала общехристианские истины и мораль: мир во зле лежит, только подражание жизни Христа может спасти человека и дать ему блаженство; значение имеет лишь добродетельная жизнь, а не рассуждения о догматах; жизнь должна состоять в борьбе, цель которой – общее благо, а не индивидуальная польза.

«Что пользы тебе высоко мудрствовать о Троице, когда нет в тебе смирения, и оттого ты Троице не угоден? Истинно, не высокие слова творят святых и праведных, а жизнь добродетельная творит угодных Богу. Пусть не умею определить, что есть благоговение: лишь бы я его чувствовал. Если знаешь всю Библию и все изречения мудрецов, что пользы во всем том, когда нет любви и благочестия?.. Берегись любопытным умом входить в бесполезное исследование глубочайшего таинства [Евхаристии], если не хочешь погрузиться в бездну сомнения... Блаженна простота, оставляющая трудные пути вопрошания и прямо и твердо ходящая в стези заповедей Божиих!..» (Цит. по: 54, с. 146-147).

2. *Папство* как религиозно-монархическая система сложилась на протяжении нескольких веков. Епископы города Рима получили наибольшее влияние к IV в., благодаря как авторитету апостолов Петра и Павла, так и наличию крупной земельной собственности, придававшей им независимость и самостоятельность в отношениях с императорской властью в Константинополе. В эпоху богословских споров и конфликтов на Востоке Западная Церковь отличалась твердостью в сохранении преданий, духом единomyслия и послушанием – тем проще было установить над ней единоначальный контроль.

Разделение Римской империи в 395 г. и низложение последнего императора Западной Римской империи в 476 г. способствовали усилению самостоятельности римского епископа, оставшегося единственным представителем власти в Риме, а также подчинению ему в правовом отношении всех других епископов. С V в. римские епископы присвоили себе наименование «папа» (от греч. «отец»). Весь авторитет, который приобрел Рим в течение веков, сосредоточился на римском папе. Папа стал настолько влиятельным, что о порог его престола разбилась волна варварства, разрушившего империю: варвары из язычества обращались в христианство, ярким примером чего является крещение короля франков Хлодвига в 496 г. Тем не менее, до 685 г. вновь избранного папу утверждал император (12, т. 2, с. 284-292).

Григорий I Великий (правил в 590-604 гг.) увеличил богатства римского епископа (которые включали громадные земли в Галлии, Далмации, Африке, Азии), укрепил его нравственный авторитет путем щедрой благотворительности, придал внешний блеск богослужению и возвысил монашество, сделав его своим послушным орудием.

Стефан II (правил в 752-757 гг.) помазал на царство Пипина Короткого, франкского короля, основавшего династию Каролингов, получив в обмен светскую власть над Италией и островами. Внутреннее противоречие аскетического идеала православия и светской власти стало опасным испытанием для папства.

Папская власть настолько окрепла, что в начале IX в. Пасхалий I (правил в 817-824 гг.) уже обошелся без утверждения императора. При нем становится господствующей идея о превосходстве духовной власти над светской. Основой для этого послужило появление т.н. Лжеисидоровых декреталий. Это сборник наполовину подложных документов канонического права, составленный неизвестным автором («Исидором Меркатором») в середине IX в. В декреталиях содержится теория римского примата, т.е. непогрешимости папы, его полной независимости от светской власти и неподсудности суду епископов. Опираясь на декреталии, Николай I (858-867 гг.) смог утвердить свою власть над всеми странами Западной Европы, а его преемник Иоанн VIII (882 г.) заявил, что право распоряжаться императорской короной принадлежит папе.

Вскоре настало глубокое падение папства, погрузившегося в невежество, безнравственность, грубое суеверие, и длившееся почти два века. Большинство пап с 882 г. по 1046 г. безнравственны и ничтожны, их поставляют аристократические семьи, нередко распутные женщины возводили на престол своих любовников. В начале X в. за восемь лет было возведено и низвергнуто десять пап. Папа Сергей I (правил в 904-911 гг.) начал свою деятельность тем, что распорядился задушить своих предшественников Льва V и Христофора, насильственно свергнутых с папского престола и обреченных на тюремное заключение. Официально убийство было совершено «из жалости к обоим бывшим папам», ибо «моментальная смерть менее страшна, чем долгое, пожизненное заключение в темнице» (Цит. по: 55, с. 81). Сам Сергей I открыто жил с некоей Марозией из знатной семьи Теофилактов, которая родила от него сына. Сменивший Сергия на престоле Иоанн X вызвал неудовольствие Марозии, вследствие чего Иоанн X в 928 г. был свергнут и задушен в тюрьме. Ранее она возвела на престол Анастасия III (911-913 гг.) и Ландона (913-914), но мечтала сделать папой своего сына. Ликвидировав Льва VI и Стефана VIII в 931 г. она возвела 25-летнего сына на папский престол под именем Иоанна XI. Но другой ее сын Альберих выступил против матери и брата и заключил их в тюрьму. Сын Альбериха был сделан папой Иоанном XII (955-964 гг.) и по свидетельству современников своим распутством и кощунством превзошел и бабу (55, с. 81-83). Бенедикт IX сделался папой 12 лет от роду; т. к. жениться, будучи папой, ему не удалось, он выгодно продал папское место. В середине XI в. на папский престол претендовали три папы одновременно – Бенедикт IX, Сильвестр III и Григорий VI.

Но во второй половине XI в. начинается возрождение папства. Этому прямо помогала императорская власть, а также новое религиозное движение монахов. *Клюнийское движение* родилось в 910 г. в монастыре в местечке Клюни во Франции, суть его состояла в переходе из-под власти светского правителя-феодала и духовного правителя-епископа под непосредственную власть папы. Под главенством Клюни возникла мощная конгрегация, включавшая сотни монастырей во Франции, Германии, северной Италии, Испании, Англии. Конгрегация хорошо организовала дело благотворительности и получила широкое влияние в народных массах. Клюнийцы прямо стали влиять на выборы пап, они были среди активистов первого крестового похода.

Существовавшие основы теории и практики папской власти упрочил Григорий VII (1073-1085 гг.), при нем папа стал избираться не римским народом или императором, а коллегией кардиналов. Это он отлучил от Церкви германского императора Генриха IV и заставил его отправиться босого во власянице в Италию, в местечко Каноссу для получения прощения. Так сложилась теократическая власть папы, опиравшихся на монашеские конгрегации и ордена, а с XIII в. на инквизицию.

В дальнейшем папы путем заключения конкордата (соглашения) решали со светскими государями спорные вопросы и обеспечивали сохранение главенствующей роли римского престола. Римский престол отступает перед королевской властью во Франции, слабеет после раскола и Реформации, но вплоть до Нового времени оказывает решающее влияние на общественную жизнь западноевропейских стран.

3. В средние века церковное искусство на Западе пошло по своему пути развития и в архитектуре и в иконописи, которая все более превращалась в род светской живописи. «Религиозная живопись Запада, начиная с Возрождения, была сплошь художественной неправдой, – утверждал о. Павел Флоренский, – и, проповедуя на словах близость и верность изображаемой действительности, художники, не имея никакого касательства к той действительности, которую они притязали и дерзали изображать, не считали нужным внимать даже тем скудным указаниям иконописного предания, т.е. знания, каков духовный мир, – который сообщала им католическая церковь» (85, с. 66). Эта живопись становится

все более материальной, чувственной, что хорошо видно на полотнах Рафаэля и Рубенса. Гениальные фрески Джотто и полотна Рембрандта имеют глубокую психологическую глубину и великолепны с технической точки зрения, но молиться перед ними трудно.

«Древний стиль иконописания соответствует древнему благочестию, – отмечал о. Александр Ельчанинов (1881-1934).- Реалистическая живопись – это характерно грешное восприятие мира. Поэтому роспись храма в реалистическом «итальянском» стиле коробит наше религиозное чувство. Икона, писанная по «канону» – противоположный полюс этого грешного восприятия – здесь мир преображенный, все «по чину и благообразно» (34а, с. 107).

В архитектуре сменили друг друга разные стили. Дух воинственности пронизывает романское искусство и порождением его стал храм-крепость, например собор в Вормсе (Германия, 1171-1234 гг.). Примерами готического искусства стали соборы в Реймсе (1210–нач. XIV в.), собор Парижской Богоматери (1163–нач. XIV в.), подавляющие своей грандиозностью и роскошью изобразительного убранства, прежде всего, великолепными по красоте витражами. Окончательный разрыв с православными канонами в искусстве происходит в эпоху Возрождения. «Для людей Возрождения, так высоко ценивших свои собственные возможности и так дороживших миром, где они жили, дистанция между реальным человеком и Богом сильно сократилась, в искусстве же дошла до почти полного исчезновения грани» (33, с. 266).

В Средние века жизнь средневекового общества «во всех отношениях проникнута, всесторонне насыщена религиозными представлениями. Нет ни одной вещи, ни одного суждения, в которых не усматривалась бы всякий раз связь со Христом, с христианского верой. Все основывается исключительно на религиозном восприятии всех вещей, и в этом проявляется невиданный расцвет искренней веры. Но в такой перенасыщенной атмосфере религиозное напряжение, действительная трансценденция, выход из здесь-и-теперь не могут наличествовать постоянно. Если такое напряжение отсутствует, то все, чему надлежало пробуждать религиозное сознание гложет, выпадает в ужасающее повседневное безбожие, доходя до изумляющей посюсторонности, несмотря на потусторонние формы», – писал нидерландский историк И. Хейзинга. «Жизнь народа текла в привычном русле поверхностной религиозности при весьма прочной вере, которая несла с собой страхи и восторженные порывы, но у людей неученых не порождала ни спорных вопросов, ни духовных борений...» (88 а, с. 181, 209).

4. Философская апологетика **Блеза Паскаля** (1623-1662 гг.), гениального философа, писателя, математика и физика, имела огромное значение в духовной и интеллектуальной жизни Запада. Его мать умерла, когда ему было три года, поэтому его и двух дочерей воспитывал отец, высокообразованный юрист. Первый математический трактат Паскаль написал в 16 лет (теорема Паскаля), в 18 лет он сконструировал суммирующую машину – прообраз калькулятора, к 30 годам закончил ряд работ по арифметике, теории чисел, алгебре и теории вероятностей, проложив путь к созданию дифференциального и интегрального исчисления. Он стал одним из основоположников классической гидростатики (закон Паскаля), занимался опытами по определению атмосферного давления.

Однако по мере углубления своих научных занятий Паскаль разочаровывается в них, т.к. не находит ответа на главный вопрос: о смысле жизни человека. В 1646 г. он знакомится с янсенистами, сторонниками голландского теолога, епископа Янсения. Тот в своей книге «Августин» утверждал, что человеческая природа порочна, что свободы воли не существует, что спасение человека зависит не от дел его, а от искупляющей силы Божественной благодати, что спасутся только те, которые предопределены ко спасению. Это учение вызвало резкий протест иезуитов, подчиняясь которым папа Урбан VIII запретил чтение книги Янсения, а Иннокентий X позднее осудил некоторые положения

книги как еретические. Тем не менее, призыв к отказу от суетной деятельности, к углублению во внутренний мир души был услышан и принят многими. Паскаль решил было бросить занятия наукой, но это оказалось нелегко сделать.

В 1651 г. в его жизни происходит серьезный кризис: умирает отец, его любовь не встретила ответа, после падения с экипажа на мосту через Сену он испытал сильное нервное потрясение. В 1654 г. он испытал внезапное мистическое озарение, которое побудило его окончательно оставить свет и занятия наукой. «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова – это не Бог философов и ученых. Несомненность, несомненность, радость, радость, слезы. Бог Иисуса Христа» – это записал он ночью на клочке бумаги после видения.

В 1655 г. Паскаль приходит в янсенистскую общину Пор-Рояль, где уже стала монахиней его сестра, и поселяется поблизости. Возле Пор-Рояля уже образовалась мужская община из многих представителей высшего сословия парижского общества. Там он пишет блестящее полемическое сочинение «Письма к провинциалу», в которых разоблачает казуистику иезуитов, предает позору их гибкую и бесчестную мораль, оправдывающую все средства, вплоть до убийства, ради достижения цели. Впечатление было потрясающим. «Письма» неизвестного автора читала вся образованная Франция, причем общее сочувствие было на стороне автора и янсенистов. С тех пор имя иезуита стало синонимом лицемерия и своекорыстия. Полиция разыскивала автора, но не смогла найти. До настоящего времени католические авторы осуждают Паскаля за «Письма», так Йозеф Лортц в своей «Истории Церкви» называет Паскаля «великим верующим, блистательным писателем, проникновенным защитником веры», который все же «нанес вред церковной жизни» своей «язвительной и вредной критикой» (7, т. 2, с. 264, 265).

В момент своего литературного триумфа Паскаль решает оставить занятия литературой. Он полностью предается молитве и размышлениям о Боге, начинает набрасывать на клочках бумаги некоторые мысли для будущего труда «Апология Христианской религии», чтобы открыть глаза неверующим и скептикам, убедить сомневающихся, пристыдить гордящихся своим разумом. Паскаль намеревался использовать в своей «Апологии» разработанный им научный метод доказательства, т.е. выставить ряд фактов, в существовании которых наш разум не может сомневаться, а затем доказать, что эти факты возможно объяснить лишь с помощью христианской религии. Он говорил, что ему требуется десять лет для обдумывания и написания, но судьба отпустила ему лишь полтора года. Наиболее полно он успел разработать вопросы антропологии (изучение человека), а теологические вопросы остались менее затронутыми. После его смерти связки клочков бумаги были разобраны и изданы в 1669 г. под названием «Мысли». И с тех пор этот незавершенный труд замечательного французского гения стал одной из самых читаемых книг.

По мнению Паскаля, человек, исполненный противоречий в своей нравственной и физической природе, есть загадка, разрешаемая только христианством. Человек несчастен и слаб, он страдает, но знает, что он страдает (в отличие от скалы или дуба) – и в этом его величие. Все достоинство человека состоит в его способности мыслить. Он слаб как тростник, но это «мыслящий тростник».

Итак, с одной стороны, величие, с другой – ничтожество и слабость: вот два крайних пункта, между которыми колеблется непостижимая натура человека ежечасно. Паскаль мастерски показывает, что только христианство (объясняемое им в свете доктрины янсенистов) может примирить эти неразрешимые противоречия. Христианство учит, что до грехопадения человек находился в состоянии невинности и совершенства, поэтому сохранилось в нас неудержимое и непрестанное стремление к нравственному идеалу, к счастью, и в то же время, – неудовлетворенность земными благами. После грехопадения вся природа человека омрачилась, утратила цельность, ослабела, поэтому без помощи Божественной благодати он не в состоянии достигнуть желаемого совершенства.

Один из самых известных аргументов Паскаля в пользу христианства есть аргумент пари. Есть Бог или нет? Есть ли бессмертие? Разум не может с уверенностью ответить на эти вопросы, но нам необходимо сделать выбор и избрать определенный образ жизни. Каковы же ставки? Со своей стороны мы ставим наши краткие земные жизни. Если мы выигрываем, то выигрыш – вечное счастье. И даже если мы проигрываем (если нет Бога), то все, что мы теряем – это порочная и суетная жизнь, приобретаем же добродетельность. Для предусмотрительного игрока есть только один здравый выбор.

«Мысли» Паскаля заключают в себе массу глубоких наблюдений над жизнью и людьми, выраженными в очень простой и изящной форме: «Ты не искал бы Меня, если бы ты Меня уже не нашел»; «Бог познается сердцем, а не рассудком»; «Не только невозможно, но и бесполезно познавать Бога без Иисуса Христа»; «Познание Бога без познания своего ничтожества приводит к гордыне. Познание своего ничтожества без познания Бога приводит к отчаянию. Познание Иисуса Христа вносит равновесие, ибо в Нем мы находим и Бога и свое ничтожество».

Лекция 11. ВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ в IX-XVII вв.

1. После окончательного разделения Церкви, Церковь Восточная и западное христианство живут и действуют отдельно и независимо друг от друга. И та и другое направляют свою деятельность к достижению собственных интересов, общность интересов и целей в мире у них исчезает.

Восточная Церковь своей задачей считала твердое и неизменное сохранение и охранение обретенного учения, благоустройство Церкви во всей целостности и чистоте. Внешнее положение ее все больше слабеет вначале из-за нашествий арабов, потом – притеснений латинян, затем – под тяжелым многовековым господством исламской империи Османов. Видимые пределы Православной Церкви быстро сокращались. С падением в 1453 г. Константинополя кардинально изменились условия существования Церкви, она из господствующей превратилась в угнетаемую, терпимую и только. На Востоке сохранялись поместные Церкви – Константинопольская, Иерусалимская, Антиохийская, Александрийская, но главным делом священнослужителей там становилась выживание. Тут уже было не до развития богословия, не до благоустройства церковных зданий или совершенствования иконописи, церковного пения, проповедничества. Наступает застой и упадок в церковной жизни на Востоке.

Западное христианство, в котором ведущую роль стала играть Римско-Католическая церковь ставило своей задачей всемерное усиление власти папы римского, распространение пределов его власти возможно дальше. В стремлении к достижению этих целей забываются целостность православного вероучения (догматы) и церковного устройства (каноны). Таким образом, в Римско-Католической церкви в течение длительного времени преобладающей стала внешняя деятельность. Очень показательно, что папство не пожелало оказать никакой существенной помощи своим единоверцам в Византийской империи в их борьбе против «неверных», а, напротив, пыталось в этих условиях насильственно распространять свое учение среди православного населения и среди язычников. Однако Православная Церковь не исчезла, но центр ее деятельности переместился намного севернее, в пределы славянской Руси.

В истории Русской Православной Церкви можно выделить следующие периоды: – Киевский (X-XII вв.), Московский (XIII-XVII вв.), Синодальный (1721-1917 гг.) и современный.

2. Первыми из славянских народов около 865 г. обратились к Православию болгары. Главными просветителями славян стали братья **Кирилл** (Константин) и **Мефодий**, родом из Солуни в Македонии. Оба они получили хорошее образование, были близки к

императорскому двору. По поручению императора Михаила в 858-859 гг. они проповедовали Евангелие хазарам в Херсонесе (или Корсун, современный Севастополь), изучили там местные языки, открыли мощи священномученика Климента Римского. В 860 г. братья отправляются в Сербию для просвещения ее народа христианским учением.

В 863 г. Кирилл и Мефодий по просьбе моравского князя Ростислава отправляются в Моравию, уже имея с собой переведенные на славянский язык священные и богослужебные книги. Совершение богослужения и чтение Евангелия на славянском языке привлекли к ним сердца моравов и дали им перевес перед немецкими проповедниками, читавшими Писание на латинском языке. Латиняне учили, что Писание можно читать лишь на трех языках (на которых была сделана надпись на Кресте Господнем при распятии Иисуса Христа – еврейском, греческом и латинском). Они называли братьев-проповедников «еретиками» и принесли на них жалобу папе Римскому. Однако папа Адриан принял Кирилла и Мефодия с большим почетом, а книги, переведенные ими на славянский язык, освятил на престоле древнейшей римской базилики. Вскоре Кирилл скончался, а Мефодий еще в течении пятнадцати лет в сане архиепископа трудился в Моравии, успел увидеть христианизацию Богемии и приход православия в польские земли (впоследствии усилиями латинских проповедников эти славянские народы были отторгнуты от Восточной Церкви под власть папы).

3. Принято считать, что в 862 г. новгородские славяне призвали на княжение Рюрика с дружиной. Двое из его сподвижников Аскольд и Дир отправились искать счастья на юг, на берегу Днепра увидели Киев и захватили его. Отсюда в 866 г. эти варвары совершили набег на Константинополь, от которого только чудом сумели спастись местные жители. (Император Михаил III и патриарх Фотий после богослужения во Влахернском храме вышли с крестным ходом на берег Босфора и погрузили ризу Богоматери в волны залива. Дотоле спокойное море вдруг заволновалось, поднялась буря, разбившая ладьи руссов, на которых это проявление гнева Божия произвело неизгладимое впечатление. Вот почему в Константинополе, а позднее в Русской Православной Церкви был учрежден праздник Покрова Божией Матери, которого нет в других поместных Церквях. В 867 г. константинопольский патриарх Фотий объявил миру, что «росы» приняли православного епископа.

Вскоре в Киев явился епископ и начать проповедовать о Спасителе. По преданию неверчивые киевляне не поверили рассказам о чудесах Господних, тогда епископ положил в огонь Евангелие, которое среди пламени осталось целым. Пораженные киевляне стали креститься. Вероятно, что христианами были и пришельцы из других мест. Известно, что при заключении договора с Византией в 946 г. русские уже разделялись на крещенных и некрещенных.

Великая княгиня **Ольга**, расположенная к христианству беседами киевских священнослужителей, решила в 957 г. принять в Константинополе крещение. Она убеждала креститься своего сына Святослава, но он опасался протеста со стороны своей языческой дружины, что не мешало ему позволять креститься своим подданным.

Впрочем, имеются данные о том, что Православие пришло на русскую землю раньше. Во времена иконоборчества в VIII в. многие монашествующие бежали в Крым и создавали в крымских пещерах новые обители. Археологи обнаружили христианские катакомбы (руины монастырей), относящиеся к VIII – началу IX в., в верховьях Дона (72, с. 23). Можно предположить, что греческие монахи продвигались и севернее и достигли Киева не позднее середины IX в., что они проповедовали язычникам Евангелие и передавали поклонение иконам как святыням, отсюда – столь ревностное почитание икон на Руси. По данным достоверных византийских источников, первое Крещение Руси (точнее, – части ее

южных земель) произошло в середине 866 г., после чего на Руси была создана митрополия, подчиненная Константинопольскому патриарху (69, с. 88, 123).

В X в. Византийская империя достигла вершины культурного и политического развития, Константинополь стал бесспорным центром христианского мира, над огромным городом с миллионным населением высился великий храм святой Софии – все это производило на славянских «варваров» сильное впечатление, побуждало признать превосходство христианской культуры.

Известен легендарный рассказ о том, как великий князь **Владимир** отправил посольства для испытания, чья вера лучше, и склонился к вере греческой благодаря рассказу о великолепии Православной церковной службы. Послы рассказали: «Ходили к болгарам [тем, кто исповедовали ислам – *А. Я.*], смотрели, как они молятся в храме, именуемом мечетью, стоят там распоясанные; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий... И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той...» (40, с. 67, 69).

Однако спустя год, в 988 г. по возвращении послов Владимир, этот жестокий правитель, сладострастный и ревностный язычник (при котором идолам приносились даже человеческие жертвы – убийство двух христиан-варягов в 983 г.) пошел войной на греков и захватил Херсонес. Промысл Божий нередко совершается неясно для нас, через людей вполне обыкновенных и не всегда праведных. Так совершилось и крещение Руси.

В то время на византийском престоле правил Василий II вместе с номинальным соправителем, младшим братом Константином VIII. Против его власти вспыхнул мятеж, разгоралась гражданская война, в которой армия оказалась на стороне мятежников. Василий был вынужден обратиться за помощью к «варвару», великому князю Владимиру Святославичу, который в качестве платы за услугу поставил условие: выдачу за него императорской сестры Анны. Василий знал, что у язычника Владимира в Киеве имелось немало жен и наложниц, но был вынужден согласиться. Шеститысячный отряд варяжских наемников прибыл в Византию и разгромил мятежников (см.32, с.197-198). Хитрые греки поначалу не собирались выполнять условие договора, но тогда уставший ждать Владимир захватил Херсонес Таврический. Лишь после этого Анну отправили на север, обязав в то же время Владимира принять христианство. По преданию, в то время у него сильно разболелись глаза, так что он почти ослеп. Владимир был крещен приехавшими с невестой священниками (получив имя Василия) и избавился от болезни глаз, после чего был заключен брак, а Херсонес вернули «ромеям» – грекам.

По возвращении в Киев Владимир велел креститься своим сыновьям и дружинникам, что и произошло на источнике, получившем название Крещатик. Сам он чудесным образом переродился и старался в своей жизни ревностно следовать заветам христианства. Духовенство греческое усиленно проповедовало христианство, используя священные книги на славянском языке. Владимир распорядился об уничтожении идолов, главный идол Перун был привязан к конскому хвосту, провезен по городу и сброшен в Днепр. Когда князь убедился, что проповедь дала плоды, он распорядился об общем крещении киевлян в Днепре.

Дата 988 год считается датой крещения Руси. Таким образом, Русь приняла Православие – византийское христианство по своей воле, в результате свободного выбора, увидев в нем «веселье» и «красоту», предчувствуя в нем Истину. В то же время, Русь не стала частью Византийской империи. В 1043 г., когда греческие мозаисты и иконописцы украшали храм св. Софии в Киеве, русские корабли осадили Константинополь. Русские были разбиты

греками и отступили, но в результате младший сын Ярослава Мудрого женился на дочери императора Константина IX Мономаха, а внук Ярослава – князь Владимир Мономах стал символом имперской традиции, унаследованной русскими от Византии.

В 990 г. первый киевский митрополит Михаил (присланный из Константинополя) прибыл в Новгород с шестью греческими епископами (по другим данным первый митрополит появился на Руси в начале XI в.). Здесь также ниспровергли Перуна и прочих идолов в реку, после чего оглашали и крестили народ. Из Новгорода путь Михаила лежал в Ростов Великий. В 992 г. христианство насаждается в Суздальской земле, где на берегу Клязьмы был основан город Владимир. В первое время вера христианская распространяется преимущественно около Киева и по великому водному пути от Киева до Новгорода, затем – по волжским берегам. При этом язычество не уступало просто своих позиций, сопротивлялось активно и пассивно. Первых епископов изгоняли, иногда убивали: св. Леонтий погиб в Ростове в 1077 г., св. Кукша – в курской земле в 1113г.

«Язычество не умерло и не было обессилено сразу, – писал прот. Георгий Флоровский.– В смутных глубинах народного подсознания, как в каком-то историческом подполье, продолжалась своя уже потаенная жизнь, теперь двусмысленная и двоеверная... Заимствованная византийско-христианская культура не стала "общенародной" сразу, а долгое время была достоянием и стяжанием книжного или культурного меньшинства» (86, с. 2-3).

Все таинства и обряды совершались русскими священниками по византийскому образцу, об этом сохранились многочисленные упоминания в летописях. Около 1051 г. переселились в Киев из Царьграда три греческих певца со своими семействами, и от них началось, по выражению летописца, «ангелоподобное пение» на русской земле (58, т. 2, с. 248).

Несмотря на множество заимствований, христианская вера становилась национальной. Она принесла с собой не только новое понимание жизни, но и грамотность, книжную премудрость. Первые школы стал создавать князь Владимир, повелевший «попам по градам и селам людей к крещению приводить и детей учить грамоте» (58, т. 2, с. 62). Его сын, князь Ярослав получил прозвище «ограмотителя», по словам летописца, «насеял книжными словесы сердца верных людей» (58, т. 2, с. 63), при нем прославился первый митрополит из русских – Иларион, автор знаменитого «Слова о законе и благодати» (рассуждения о Ветхом и Новом Заветах). В то время уже имелись книги Священного Писания на славянском языке, в сочинении митрополита Илариона приводятся цитаты из Ветхого Завета, Евангелия, посланий апостольских. При Ярославе в Киеве работал кружок переводчиков, переводилась богослужебная и иная литература. Церковь в период Киевской Руси была связанной с Константинополем, с Афоном, с Палестиной, с западными странами.

Тогда стали известны жития святых, а преподобный Нестор стал первым русским летописцем. Оригинальность стиля и богатство содержания русских летописей поражает. Используя греческие образцы, русские монахи-летописатели создавали красочную и исторически информативную картину русской истории. В летописях отразилось национальное самосознание русского народа, ощущение своей принадлежности к Руси и в то же время – к православной византийской вселенскости, в которую Русь закономерно входит как составная часть.

Киев стал украшаться храмами, первым в 1045 г. встал каменный храм в честь Софии Премудрости Божией. Церкви украшаются иконами, росписями и чудесными византийскими мозаиками. Все это делали греческие мастера, но известно имя первого русского иконописца – Алипий. Несколько икон его работы стали чудотворными: они сохранились невредимыми после пожара церкви. Самая известная Владимирская икона Божией Матери, написанная по преданию евангелистом Лукой, была принесена из Константинополя в Киев около 1130 г., в 1155 г. была перенесена князем Андреем Боголюбским во Владимир, отчего и получила свое наименование (58, т. 2, с. 233-235).

Появляются первые монастыри, из которых самым известным стал Киево-Печерский (основанный святым **Антонием** в 1051 г. на месте пещеры, некогда выкопанной будущим митрополитом Иларионом для уединенной молитвы, а учрежденный как обитель преподобным **Феодосием**). В киевский период истории Церкви монастыри создаются преимущественно князьями, и по мере раздробления киевского княжества на более мелкие растет число монашеских обителей, мужских и женских. Монастыри помимо своей чисто церковной миссии оказались вовлеченными в национально-политическую и культурную жизнь страны, и имели не меньшее значение, чем монашество на Западе.

Управление Русской Церковью осуществляли присланные из Константинополя епископы. В 992 г. кафедры были учреждены помимо Киева в Новгороде, Чернигове, Ростове, Владимире на Волыни, в Белгороде, Полоцке и Турове. К началу XIII в. возникли новые – в Юрьеве, Переяславле, Смоленске, Рязани, Галиче, Владимире на Клязьме, Перемышле. Киевская митрополия подчинялась константинопольскому патриарху, но пользовалась правами экзархата (самостоятельного управления). Верные духу христианского учения и традициям греческой Церкви, русские иерархи не домогались светской власти, хотя способствовали установлению гражданского порядка и просвещению народа. В период княжеских междоусобиц Церковь оставалась единой и благодаря этому способствовала сохранению единства Руси.

Ярким примером нового, христианского мировоззрения и миропонимания спустя менее столетия после крещения Руси является «Поучение» князя Владимира Мономаха (внука Ярослава Мудрого, сына дочери византийского императора Константина Мономаха). Обращаясь к своим сыновьям, князь пишет: «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную – это ведь начало всякого добра... Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце и думайте: мы тленны, ныне живы, а завтра во гробе... Не засыпайте никогда без земного поклона, а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе. Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю; так делал отец мой, так делали все добрые люди... Главное, не забывайте убогих, и по силе, как можете, кормите их... Все, что дает нам Господь, не наше, а только порученное на короткое время. В землю сокровищ не зарывайте – это великий грех. Епископов, попов, игуменов почитайте... Старика почитайте как отца, я молодых как братьев. В деле своем не ленитесь... Больного посетите, покойника проводите и не оставляйте никого без привета; скажите всякому доброе слово... Что знаете полезного не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь... Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего по отношению к Церкви... Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не знаете, то взывайте беспрестанно «Господи, помилуй» втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать безлепицу...» (40, с. 147-155).

Однако имеется больше примеров других отношений князей к Церкви. В 1157 г. Андрей Боголюбский выгнал из Ростова епископа Нестора, в 1168 г. Святослав Черниговский изгнал епископа Антония, князь Ростислав убил инок Григория за обличение (94, с. 350) – этот перечень можно продолжить.

4. В 1237-1240 гг. Русь постигло нашествие монголов. Были опустошены княжества Рязанское и Владимирское, разрушены города Киев, Чернигов, Переяславль и многие другие. Иноки Киево-Печерской лавры рассеялись по лесам. Тем не менее, безразличное, а иногда и уважительное отношение монголов к чужой вере позволило Церкви выжить и устоять в период нашествия. Монголы требовали нередко от русских князей поклонения солнцу и кусту, соблюдения некоторых суеверных обрядов (прохождения через очистительный огонь). Так погиб в 1246 г. князь Михаил и боярин его Феодор за отказ поклониться огню и войлочному идолу. Но в то же время митрополит Кирилл II (период

управления 1243-1280 гг.) в условиях разрухи и беспорядка везде учил, наставлял, исправлял церковную жизнь и воспрещал дикие обычаи в народе. Он сумел получить в 1267 г. от хана Менгу-Темира ярлык для Церкви и духовенства с освобождением от дани и иных поборов. В 1274 г. митрополит Кирилл созвал епископов на собор во Владимире, на котором до всех были доведены правила поставления священнослужителей и порядок священнослужения. Так центр церковной жизни постепенно перемещается на север, хотя Киев остается кафедрой митрополита.

Примечательно в то время вхождение Руси в «византийское содружество» православных государств, в котором, естественно, роль лидера играла Византия. Известен выбор, сделанный св. князем Александром Невским в середине XIII в.: после разгрома шведов на Неве (1240 г.) и тевтонских рыцарей на Чудском озере (1242 г.) Александр подтвердил свою лояльность татарскому хану, который, в отличие от крестоносцев, проявлял терпимость к Русской Церкви и культурному наследию Византии. Прот. Иоанн Мейендорф указывает, что такая политика Владимирского князя совпадала с политическими интересами византийского императора Иоанна III (1192-1254), поддерживавшего тесные связи с Золотой Ордой (60, с. 367, 384).

Святой митрополит **Петр** (управлял в 1308-1326 гг.) поступил в монастырь в двенадцать лет. Достигнув священства, он основал свою обитель и так прославился на Волыни подвигами благочестия, что стал первым кандидатом на митрополичью кафедру. Петр был утвержден в этом сане константинопольским патриархом Афанасием, а в Орде получил от хана Узбека ярлык, по которому даже расширялись права духовенства. Для своего жительства Петр выбрал незначительный городок Москву, в которой правил князь Иван Калита. По преданию, Петр завещал князю похоронить себя в храме в честь Богородицы, заверив его в будущей славе его самого, его рода и его города. Иван Калита построил в своем Кремле Успенский собор, в котором и почивают мощи святителя Петра, а в 1328 г. Иоанн стал великим князем, и началось неуклонное возвышение Москвы.

Святой митрополит **Алексий** (управлял в 1354-1378 гг.) был сыном черниговского боярина. На его долю выпало управление Церковью в период ослабления власти великого князя московского. В условиях раздробленности русских земель и сохранении монгольского ига естественно возрастала объединяющая роль Церкви. Святитель Алексий не оставил Москвы и приложил немалые усилия для закрепления прав на великокняжеский престол за малолетним князем Димитрием (будущим Донским), помогал юному княжичу советами. Принимая на себя обязанности фактического регента, св. Алексий следовал давней византийской традиции, согласно которой глава Поместной Церкви почти автоматически становился ответственным за судьбу государства в тех случаях, когда государственная власть не могла более отправляться обычным порядком (60, с. 463). Стоит заметить, что Византия, несмотря на драматический ход собственного развития, в XIV в. насаждала на Руси не цезарепапизм или папоцезаризм, а именно идею сильной, единой Церкви, стоящей над национальными интересами и политическими устремлениями правителей русских княжеств. По словам прот. Иоанна Мейендорфа, «русских учили, что византийский император является защитником, а не хозяином такой Церкви» (60, с. 518).

Такую церковную политику проводил святитель Алексий. Святитель трижды посещал Орду, во второй раз по вызову хана Чанибека. У хана заболела жена Тайдула – потеряла зрение, и он просил прислать «главного русского попа» для ее исцеления, грозя наказанием в случае отказа. Святитель положился на Бога: поехал в Орду и отслужил там молебен; когда он окропил Тайдулу святой водой, она прозрела. В память этого в Кремле святителем был основан Чудов монастырь на земле, подаренной Тайдулой. В третий раз святитель Алексий отправился в Орду для удержания нового хана Бердибека от похода на Русь. Он сумел этого добиться при помощи матери хана, исцеленной им Тайдулы, и даже получил новый ярлык, подтверждавший права Церкви и духовенства.

Великий игумен земли Русской, преподобный **Сергий Радонежский** (ок.1314-1392 гг.) также оказался причастным к делам государственным.

С юных лет отрок Варфоломей горел желанием посвятить себя Богу. После кончины своих родителей, он оставляет дом и имущество младшему брату, а сам вместе со старшим братом Стефаном поселяется в десяти верстах от Радонежа в глубине глухих лесов. Брат вскоре оставляет его и преподобный Сергий остается один, но, привлекаемые его подвигами веры, к нему стекаются любители пустынноческой жизни. Так возникает обитель Святой Троицы, ставшая Свято-Троицкой Сергиевой лаврой. Из Константинополя патриарх Филофей прислал туда свое благословение и грамоту, утверждавшую порядки общинножития, заведенного основателем лавры. Однако не только молитвами был занят Радонежский игумен. В 1365 г. преподобный Сергий ходил увещевать суздальских князей Бориса и Дмитрия Константиновичей, в 1380 г. он благословил великого князя Дмитрия на борьбу с татарами и предсказал победу в Куликовской битве, в 1385 г. он устроил вечный мир между долго враждовавшими Дмитрием Донским и рязанским князем Олегом. Митрополит Алексей готовил его себе в преемники, но преподобный отклонил от себя это избрание. Будучи ревностным аскетом, он даже отказался от дарованного ему митрополитом золотого креста. Еще при жизни преподобный Сергий совершал чудеса и удостоивался великих откровений. При его прямом участии и его учениками были устроены десятки новых монашеских обителей: Голутвинский монастырь в Коломне, Симонов и Спасо-Андронников в Москве, Борисоглебский близ Ростова Великого, Покровский вблизи Боровска, Саввино-Сторожевский вблизи Звенигорода, Ферапонтов и Кирилло-Белозерский на севере и др.

«В образе преподобного Сергия, – писал прот. Александр Шмеман, – воскресает православная святость во всей ее полноте, во всем ее свете...» Главное в его деятельности – не создание монастырей и участие в делах государственных, а «тот "абсолютизм" христианства, тот образ совершенного преображения человека Духом святым, устремление к горнему, к высшему, "жизнь в Боге". Это сделало преподобного Сергия средоточием русского Православия в темные годы его истории... Все подлинное, все живое в Русской Церкви того времени так или иначе связано с преподобным Сергием. Он сам ничего не написал. Но о его влиянии, о содержании воплощенного им учения ничто не свидетельствует с такой убедительностью и силой, как иконы преподобного Андрея Рублева» (94, с. 354-355).

На севере Руси распространению христианства послужил святой **Стефан Пермский**, переведший на зырянский язык Священное Писание, и в 1379-1395 гг. в сане пресвитера, а затем епископа трудившегося среди язычников. Преподобные **Зосима** и **Савватий** основали на крайнем Севере знаменитую Соловецкую обитель, заложенную в 1436 г. и ставшую оплотом благочестия.

В XIV-XV вв. происходит постепенное, но неуклонное падение Византии как церковного авторитета, хотя формально Русская Церковь остается в юрисдикции Вселенского патриарха. В то время все большую силу набирают идеи национального утверждения, связанные с борьбой за освобождение от власти слабеющей Орды, а также возрастает притягательность Запада. Брак (в 1472 г.) Ивана III и Зои-Софьи Палеолог, племянницы двух последних византийских императоров, принесшей на Русь с двуглавым орлом как бы права на византийское наследие, означал и иное – «начало русского западничества», – по выражению прот. Георгия Флоровского. Зоя-Софья была воспитана в унии, под началом Флорентийского собора, ее опекуном был кардинал Виссарион, ее брак совершался в Ватикане и папский легат сопровождал ее в Москву. Так завязались отношения с Западом, с Италией, что привело вскоре к приглашению итальянских архитекторов Аристотеля Фиорованти, Алевиза и других в Москву.

В это же время под давлением галицких князей и при прямом участии могущественных князей литовских постепенно происходит разделение Русской митрополии на Московскую и Киевскую. Оно окончательно оформилось в правление митрополита Ионы (1448-1461 гг.), однако тогда же Русская Церковь получила самостоятельность. Предместник святого Ионы митрополит Исидор участвовал в работе Флорентийского собора в 1438 г. и активно поддержал папскую сторону, за что был награжден саном кардинала. По возвращении в Москву он стал на службе поминать папу вместо константинопольского патриарха. Великий князь Василий Васильевич назвал его еретиком и посадил под стражу, но Исидор сумел бежать со своим учеником Григорием и обосновался в Риме. Спустя несколько лет собор русских епископов, созванный великим князем, поставил святого Иону на кафедру первосвященника. Московская митрополия стала почти совершенно независимой от Константинополя, но новая и неутвердившаяся Киевская, во главе которой встал ученик Исидора Григорий, оказалась в более тесной зависимости.

В 1552 г. произошло завоевание Казанского царства, в 1555 г. в Казани была открыта архиерейская кафедра и было положено начало миссионерской деятельности Церкви среди местных жителей-мусульман. После 1557 г. к этой епархии было присоединено завоеванное царство Астраханское.

Мученическую кончину претерпели несколько великих русских святителей. Святой **Филипп** (в миру Феодор) происходил из рода бояр Колычевых и до 30 лет делал обычную карьеру при царском дворе, но сердце его лежало к иному. Услышав как-то во время церковной службы текст Евангелия «*Никто не может служить двум господам...*» (Мф, 6:24), он тайно, в одежде простолюдина оставляет Москву и отправляется в Соловецкий монастырь. В течение девяти лет он нес труд послушника, но когда стали явны его таланты, его поставляют пресвитером и игуменом. Под его управлением обитель обогатилась, были построены новые храмы, жизнь братии определялась новым уставом, строго запрещающим праздность. Игумена Филиппа в 1567 г. вызвали в Москву «ради духовного совета». Узнав, что царь Иван IV намеревается поставить его митрополитом, Филипп со слезами умолял не разлучать его с обителью, однако царь был непреклонен, а архиереи и бояре уговорили принять избрание как волю Божию. Святитель не мог принять ужасов опричнины и в беседах с Грозным старался вразумить его, но это не помогало. В марте 1568 г. митрополит Филипп отказался дать царю в церкви благословение и произнес во всеуслышание обличительное слово. «Я пришелец на земли и готов пострадать за истину: где же вера моя, если умолкну?» Разгневанный Иван вышел из церкви и затаил злобу на непокорного митрополита. В ноябре его насильно сводят с кафедры, лишают сана и отвозят в заточение (Грозный хотел сжечь святителя, но смягчился по просьбам духовенства), казнят всех Колычевых. В декабре 1569 г. святитель был задушен по приказу Грозного.

Приемники святителя Филиппа – Кирилл и Антоний – были уже только безмолвными свидетелями дел Грозного. Медленно, но верно государство подчиняло себе Церковь.

5. В январе 1589 г. на Руси вводится патриаршество. С этим совпало прибытие в богатую Москву константинопольского патриарха Иеремии. Русские епископы избрали трех кандидатов, из которых царь Феодор Иоаннович выбрал Иова. Тем самым, уже и формально было утверждена полная самостоятельность поместной Русской Церкви. С возвышением митрополита в сан патриарха четыре архиерея были возведены в сан митрополита – Новгородский, Казанский, Ростовский и Крутицкий (управлявший епархиальной областью патриарха). Было введено патриаршее богослужение, первосвященник получил особые одежды.

Введение патриаршества почти совпало с началом Смутного времени на Руси, и патриарх Иов принял активное участие в защите независимости страны. Поэтому при

захвате Москвы сторонниками Лжедмитрия святитель **Иов** был свергнут с престола и заключен в монастырь.

Святитель **Гермоген** занимал патриарший престол в 1607-1612 гг. Он прямо не вмешивался в политическую борьбу, но непреклонно требовал, чтобы Марина Мнишек, жена Лжедмитрия, приняла православие, а позднее того же он потребовал от Владислава, сына польского короля Сигизмунда III, желавшего утвердить сына на русском царстве; ему принадлежит мысль о призвании на царство юного боярина Михаила Романова. Несмотря на угрозы, он благословил русский народ ополчаться для спасения веры и отечества. Патриарха заключили в Чудовом монастыре и в феврале 1612 г. уморили голодом.

Большую роль в жизни Руси и Церкви сыграл патриарх Филарет (Романов), из знатной боярской семьи, родственной Ивану IV, находившийся на престоле в 1619-1633 гг. Он был насильно пострижен в монашество царем Борисом Годуновым, но в пастырском сане показал замечательную твердость духа, даже находясь в плену у поляков. В 1613 г. его сын Михаил был избран на царство, и отец после возвращения из плена стал не только советником, но и фактически соправителем царя, имевшим свой двор и свой аппарат управления.

Кратко отметим, что несмотря на тяжелый гнет монгольского владычества церковная жизнь на Руси развивалась. Центрами ее стали монастыри, в которых составлялись летописи, писались иконы. Расцвет русской иконописи произошел в середине XV в. и связан с именами Феофана Грека, Даниила и Андрея Рублева, расписывавших церкви и писавших иконы в разных городах Руси. В главном соборе Троице-Сергиевой лавры находилась удивительная икона Святой Троицы работы Андрея Рублева (1410-е годы). В те же столетия вырабатываются несколько архитектурных стилей в церковном строительстве. Признанным шедевром стала небольшая церковь Покрова Божией Матери на берегу реки Нерль близ Владимира (1165г.).

От византийско-русского искусства Киевской Руси пошло уже собственно русское искусство отдельных княжеств и земель – Галицко-Волынской, Ростово-Суздальско-Владимирской, Псковской, Новгородской, а с XV в. – Московского княжества. Общей чертой русского искусства в зодчестве стало не горделивое приближение человека к Богу, как в готике, а радость от близости Бога; в иконописи – не психологически и живописно изощренный рассказ на Библейские сюжеты, а «возвещение красками духовного мира» (85, с. 75).

Развитие собственно богословия оказалось на Руси затруднено в силу слабой распространенности греческого языка, на котором были написаны творения Отцов и Учителей Церкви. Тем самым, для недавно пришедших к христианству русских в то время оказались недоступными его высшие интеллектуальные аспекты, развитие оригинального христианского богословия оказалось возможным столетия спустя. Развивались успешно другие формы религиозного опыта, требовавшие не столько знания, сколько интуитивного постижения красоты и истины. Те же греки научили русских, что догматы и каноны могут быть выражены в церковной жизни в красоте богослужения, в пении, в иконописи, в аскетике (60, с. 354). В древнейшей библиотеке Свято-Троицкой Лавры были книги «классиков исихастской духовности» св. Григория Паламы, св. Иоанна Лествичника, св. Дорофея и др. Эти идеи воспринимались сразу, без споров и способствовали развитию собственно монашеской духовности (60, с. 425).

В начале XVI в. русское монашество, по мнению известного церковного историка И.К.Смолича, «претерпевает сильное обмирщение» (72, с.15). Происходит противопоставление двух направлений в монашестве – нестяжательства, утверждаемого преподобным **Нилом Сорским**, и иосифлянства по имени преподобного **Иосифа Волоцкого**. В 1503 г. на соборе в Москве победило второе направление.

Преподобный Нил, на Афоне усвоивший доктрину исихазма и школу аскезы, осуждал всякую церковную роскошь и считал главным монашеским занятием «внутреннее делание», умную сердечную молитву (что было по силам немногим). Между тем «все мировоззрение преподобного Иосифа определяется идеей социального служения и призвания Церкви... И потребность в этом была велика в его время, – и нравственные устои в народе были некрепки, и тягота жизни скорее сверх сил» (86, с. 18). К тому времени многие монастыри значительно обогатились благодаря многочисленным и щедрым вкладам знатных и простых людей, а также льготам, предоставляемым монгольскими ханами. Активное участие в хозяйственной жизни зачастую оказывало негативное воздействие на монастырский быт и нравы монашества, отчасти вело к отходу от аскетического идеала, установленного в древности Антонием Великим и Пахомием Великим и упроченным на Руси святыми Антонием и Феодосием Печерскими. Однако Церковь должна была иметь свою «материальную базу» не только для обеспечения сугубо молитвенного служения иноков, но и для поддержания русской книжности (летописания и переписывания богослужебных и священных книг), для развития образования, для миссионерской деятельности при колонизации языческих земель.

6. Образ жизни на Руси в те времена часто был далек от предлагаемых Заповедями. Нравы были грубые, сильны были пережитки язычества. Насилие сильных, коварство слабых, грабежи и убийства, пьянство, сквернословие, чувственность – все это присутствовало в жизни верхов и низов русского общества. В этих условиях рождается обычай запирает женщину в тереме, чтобы хоть так сохранить чистоту семейную. Дмитрий Донской ввел смертную казнь за воровство, за другие преступления – били кнутом. Трудно сказать, что стало бы с народом без Церкви, без ее облагораживающего нравственного воздействия.

Еще в XIV в. сохранялась вера в волхвов, сильны были остатки язычества. В простом народе похищали себе жен, имели по две жены, меняли их. В начале XV в. в Пскове для борьбы с моровой язвой сожгли 12 «ведьм», во Владимире во время засухи выкапывали из могил утопленников. Князья часто нарушали крестный договор, восставали брат на брата и сын против отца, грабили церкви. Например, князь Святополк в XI в. с усердием строил церкви и монастыри, но имел наложниц, из корыстолюбия грабил богатых киевлян (58, т.2, с.275). Во многих местах среди простого народа продолжались жертвы домовым, лешим, водяным, сохранялись некоторые языческие праздники, кулачные бои, скоморошество. Православное духовенство в проповедях осуждало язычество, но борьба с ним оказалась долгой. Грубость нравов, жестокость сердца и отсутствие христианской любви к ближнему составляли главные нравственные пороки в то время.

Но среди тяжких бед и испытаний выковывался новый характер русского народа, принявшего христианскую веру и сделавшего ее своей. О степени усвоения этой веры русский философ Н. О. Лосский пишет так: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра...», что «конечно не означает, что русский человек, например, простолюдин, сознательно влечется к Царству Божию, имея в своем уме сложную систему учений о нем». «Опираясь на живое молитвенное общение с Господом Богом и Царством Божьим при почитании святых, православный человек руководится в своей религиозной жизни и в богословских трудах не ссылкой на авторитеты и не сложными умозаключениями, а живым религиозным опытом» (56, ч. 1, с. 5, 6, 11). Не случайно, что идеалами западных народов стали «прекрасная Франция», «добрая старая Англия», «сильная Германия», а у русских – «святая Русь».

Никто на Руси не сомневался, что иго монгольское есть наказание Божие за грехи. Милосердие к бедным и несчастным стало самой распространенной добродетелью.

Показательно, что первыми святыми в Русской Церкви стали князья **Борис** и **Глеб**, невинно убиенные в 1015 г. своим братом Святополком. В 1151 г. князь Вячеслав, княживший в Киеве вместе с братом Изяславом, писал своему младшему брату Юрию, подступившему с войсками к городу для его штурма: «Сколько раз, брат, я молил тебя и Изяслава: не проливайте крови христианской, не губите Русской земли! Я не стоял за себя, как вы оба меня обидели и положили на меня двоякое бесчестие, хотя имею полки и силу мне Бог дал; всего того я не поминал вам ради Русской земли и ради христиан...» Когда Юрий не послушался, Вячеслав воскликнул: «Суди Бог моего брата: он довел меня до сего; я от юности гнушался кровопролитием» (58, т. 2, с. 406).

Разными были русские князья, но надо помнить, что именно ими, людьми своего времени, создавались и украшались первые русские церкви и монастыри. «Изучая религиозную жизнь этого времени, – писал прот. Александр Шмеман, – видишь прежде всего именно поляризацию, психологическое противопоставление – грешного мира и монастыря... И вот среди всего этого мрака и упадка – чистый воздух монастыря, свидетельство о несомненной возможности раскаяния, обновления, очищения. Монастырь – не увенчание христианского мира, а, напротив, его внутренний суд и обличение, свет, светящий во мраке» (94, с. 355-356).

Однако, идущее от Византии уважение к церковной традиции отчасти вырождалось в поклонение обряду. Белое духовенство в большей или меньшей степени переставало быть духовными наставниками. Полуграмотный, бедный и забытый приходской священник превращался в простого исполнителя треб. А духовная жизнь либо уходила в «подполье», либо сосредоточивалась за стенами монашеских обителей.

Новым испытанием стало возникновение споров внутри Церкви, порождавших расколы. Этому способствовали низкий уровень грамотности как священства, так и народа в целом. Во второй половине XIV в. в Пскове возникла ересь *стригольников*, отрицавших иерархию, церковные службы, Евангелие и воскресение мертвых, и учивших, что таинства могут совершать и миряне, что Евхаристию надо понимать в духовном смысле, а каяться надо – просто делая земной поклон. После церковного проклятия в Новгороде народ схватил ересиархов Карпа и Никиту и утопил в Волхове, однако окончательно волнение умов стихло после увещательной грамоты константинопольского патриарха.

Спустя сто лет в Новгороде в 1470 г. возникла более опасная ересь *жидовствующих*. Некий еврей Схария под видом иудейского учения стал распространять неверие в основные истины христианства. Он учил, что Бог един и не имеет единосущных Сына и Святого Духа, что Мессия еще не пришел, и придет не Бог, а простой человек; он отвергал достоинства Иисуса Христа, Богородицы и святых, отвергал все таинства, посты, иконы и мощи, институт монашества, т.е. всю существующую Церковь. Еретики распространяли свое учение в строгой тайне, соблюдали наружное благочестие. Благоприятствующая страстям и распущенности нравов ересь жидовствующих быстро распространилась и увлекла даже многих духовных лиц. В их числе оказались протопоп Гавриил из храма св. Софии, священники Алексей и Дионисий. Последние вскоре заняли видное положение среди московского духовенства, что послужило дальнейшему распространению ереси. В нее впали некоторые бояре и даже невестка великого князя Иоанна III Елена. Усилиями жидовствующих на митрополичий престол был возведен тайный их приверженник архимандрит Зосима. Первым против ереси восстал новгородский архиепископ Геннадий. Своими посланиями к великому князю и епископам он придал такую гласность делу, что Зосима оказался вынужденным созвать в 1491 г. собор для суждения о еретиках, на котором даже сам их «обличал». Собор осудил еретиков, часть послал в заточение, часть – на исправление в Новгород. Но ересь только притихла и вспыхнула заново в 1492 г. В том году истекла 7-я тысяча лет от сотворения мира, ожидался конец всех времен, но конца света не наступило. Еретики стали смеяться над этими ожиданиями и православной верой.

Сильным орудием борьбы стало сочинение преподобного Иосифа Волоцкого «Просветитель», в котором содержалось почти полное и систематическое изложение христианского учения. По его же настоянию в 1504 г. в Москве был созван новый собор. Наиболее виновные еретики были приговорены к сожжению, других отправили в ссылку и по монастырям. Покровительница темной ереси княгиня Елена скончалась в темнице, не сумев сделать своего сына Дмитрия великим князем.

Едва утихло волнение из-за ереси жидовствующих, как начались споры по поводу ошибок в богослужебных книгах и некоторых особенностей в обрядах. Книги Священного Писания, унаследованные от святых Кирилла и Мефодия, в течение веков многожды переписывались, но верность их не подвергалась сомнению. Однако с течением времени при многократном переписывании и даже печатании вкрались разные ошибки в богослужебные книги, что привело к новизнам в богослужении. Например, в Пскове возник и быстро распространился обычай двоеение «аллилуйи» вместо троения; возникло и другое отступление от давнего порядка – хождение крестным ходом не к востоку от запада, а наоборот. Тогда же распространилось мнение, что при совершении крестного знамения следует складывать не три перста, а два. Таинство крещения кое-где совершалось через обливание, а священников епископы нередко поставляли за плату и по просьбе прихожан. Два списка Апостола, написанные в XIV в., различно передавали один и тот же текст в разных местах, различились между собой списки Евангелий; в тексты молитв переписчики подчас делали свои вставки. Всяк списывал с тех рукописей, какие попадались или какие признавал лучшими (58, т. 3, с. 68, 170, 173).

Люди просвещенные замечали путаницу и старались их исправлять, так поступал в своем тексте Евангелия митрополит Алексий, так позднее митрополит Геронтий совершал крестный ход «против солнца». Но уровень просвещения за века монгольского гнета сильно понизился, а ревность в вере привела к усилению убеждения о непозволительности изменять в чем либо старые богослужебные книги.

В начале XVI в. в Москву приехал вызванный с Афона многоученный инок Максим Грек. Ему поручили привести в порядок великокняжескую библиотеку, а заодно исправить богослужебную книгу Триодь. Взяв ее, Максим ужаснулся от множества ошибок, но когда он сказал об этом, против него восстали многие из духовных лиц во главе с митрополитом Даниилом. Его судили в 1525 г. собором как еретика и сослали сначала в Волоколамский монастырь, а потом в Троице-Сергиев, где он и скончался после тридцатилетних страданий.

Для наведения порядка стали созывать церковные соборы, из которых наиболее замечателен т.н. Стоглав (по книге «Стоглав», содержащей его определения) в 1551 г. под председательством просвещенного митрополита Макария. Относительно обрядовых разносостей на нем не смогли договориться. Было принято верное решение об исправлении ошибок в книгах, но меры для этого оказались недостаточными: предлагалось наиболее авторитетным священникам осматривать по церквам священные и богослужебные книги и отдавать исправлять ошибки по лучшим спискам. Тем самым создавались условия для еще большей порчи книг.

7. Путаница в священных богослужебных книгах сохранялась, что вело к уклонению от «старой веры». Необходимым виделось исправление книг, возвращение к нормам, установленным Церковью. Между тем, это оказалось непростым делом не только в силу сложности сверки текстов. В народе утверждалось, с одной стороны, поклонение церковному обряду, для многих ставшего сутью богослужения. С другой стороны, возрастало опасение в отношении Запада и любых новых идей. Развилась уже простая боязнь книги и знания, шедших в то время из Киева.

В 1617 г. Троицкий архимандрит Дионисий с двумя сотрудниками по приказу царя исправлял Требник для печатания. Он сверял тексты с древними славянскими рукописями и

текстами греческих Требников и нашел много ошибок и даже приписок. Например, в водосвятной молитве на Богоявление читалось: «и освяти воду сию Духом Своим Святым и огнем». Дионисий решил вычеркнуть последнее слово как отсутствующее в древних рукописях, хотя – см. Мф. 3:11. Но недовольные Дионисием монахи донесли управлявшему патриаршеством митрополиту Ионе, что архимандрит «не исповедует Святого Духа яко огонь есть». Дионисия осудили, отлучили от Церкви и засадили в Новоспасский монастырь. Здесь его томили в дыму, морили голодом, заставляли класть по тысяче поклонов в день. Когда из Новоспасского монастыря водили его в цепях и рубище к митрополиту, то народ бросал в него грязью и песком и кричал: «Вот еретик, который хочет вывести огонь из мира». Целый год страдал преподобный, пока вернувшийся из плена Филарет не освободил его по ходатайству иерусалимского патриарха Феофана. Однако и Филарет не решился вычеркнуть из требника «и огнем», пока не получил от всех восточных патриархов удостоверение, что такого слова в греческих списках нет. Наконец, после прекращения Смуты и установления порядка в государстве, можно было приняться за повсеместное исправление книг.

Главную роль в этом деле сыграл патриарх **Никон** (1605-1681 гг.), родом из крестьянской семьи. В детстве Никита (таково было его мирское имя) рано лишился матери и потерпел много горя от злой мачехи. Рано научившись читать, он загорелся желанием стать иноком и в двенадцать лет сбежал в монастырь. Там еще отроком он удивлял братию силой своего характера и духовного подвига, но родные убедили его вернуться домой. Он женился, был поставлен священником, служил в Москве, но все дети у него умирали. Тогда он убедил жену пойти в монастырь, а сам удалился в скит близ Соловецкого монастыря и принял монашество с именем Никона. Вскоре он был поставлен игуменом. В Москве его узнал царь Алексей Михайлович, поразился его светлomu уму, обширным познаниям, твердому характеру и пламенной ревности о благе Церкви и отечества, и перевел его поближе, в московский Новоспасский монастырь. Каждую пятницу Никон проводил в царском дворце в Кремле, где с Алексеем Михайловичем рассматривал многочисленные прошения, и на обратном пути объявлял царские милости. Около трех лет он пробыл в Новгороде митрополитом, ввел там более благолепные нормы церковного служения, широко помогал бедным (во время голода каждый день питал бедных на своем дворе), не побоялся пойти с крестом и словом увещевания к мятежникам. После смерти патриарха Иосифа, царь предложил престол Никону, но тот, зная зависть и вражду к себе, отказался. Царь просил о том со слезами принародно в Успенском соборе Кремля, и Никон принял патриаршество 25 июля 1652 г.

В первые пять лет правления Никона связывала с царем полное доверие и самая тесная дружба, без патриарха не решалось ни одно государственное дело. Никон управлял государством во время отъезда Алексея Михайловича на войну с Польшей, он приложил большие усилия для присоединения Малороссии к России, принял энергичные меры для борьбы с моровой язвой. За эти заслуги царь почтил Никона титулом великого государя. (Заметим, что именно при благочестивейшем царе Алексее Михайловиче было принято «Соборное Уложение» 1649 г., по которому был создан Монастырский приказ, суду которого подлежали (по гражданским делам) все духовные лица). Патриарх же добился права судить «своим судом» не только духовных, но даже и церковных крестьян. Никон создавал новые монастыри, среди которых наиболее известен Ново-Иерусалимский, основал в Москве греко-латинское училище, старательно собирал библиотеку. Но чем дальше, тем больше против него выявилось недовольство как завистливых бояр, часть которых принимала некоторые европейские обычаи (а Никон яро и открыто хулил франкские иконы, отбирал их по домам бояр и разбивал в Успенском соборе), так и ревнителей церковной старины.

О ревности самого Никона к церковной службе свидетельствуют очевидцы, едва не падавшие от усталости после патриаршей службы, начинавшейся в 3 часа дня и заканчивавшейся в 10 вечера. Атлетически сложенный патриарх же не только служил, но и, не зная усталости, еще произносил поучение к народу. Стоит отметить его неустанную деятельность как главы епархии: он ежедневно выслушивал доклады и сам решал все вопросы, сам проверял способности и знания ставленников на священнические места. А мог и обедать с царем с полудня до полуночи, после чего отправлялся на церковную службу.

В 1649 г. в Москву приехали Иерусалимский патриарх Паисий и монах Арсений, указавшие на допущенные в книгах полуобразованными «справщиками» ошибки. Вроде бы ясно, что правда была в греческой Церкви, но все же послали троицкого монаха Арсения Суханова на Восток для собирания древнейших греческих рукописей, а из Киева вызвали нескольких монахов – знатоков греческого языка. Боярин Федор Ртищев устроил на окраине Москвы Андреевский монастырь, ставший учебным и научным центром. Став патриархом, Никон повел дело исправления книг со всей возможной осторожностью. В 1654 г. он созвал архиерейский собор, на котором было признана необходимость исправления богослужебных книг и обрядов. Арсений Суханов привез более 700 древних книг, положенных в основу исправления. Наиболее важные отступления Русской Церкви виделись в следующем: в обрядах – проскомидия совершалась на семи просфорах вместо пяти, пели сугубую аллилуйя вместо трегубой, совершали крестный ход по солнцу, крестились двумя перстами; в книгах – прибавление слова «истиннаго» в символе веры «И в Духа Святаго, Господа [...] Животворящего...», написание имени «Исус» вместо Иисус, искажение отпустов на праздники. Богослужение совершалось в полном беспорядке: один читал, другой в то же время пел, диакон говорил ектинии, священник подавал возгласы, хор пел, растягивая слова до бессмыслия и т.д. (58, т. 7, с. 69).

В 1656 г. Никон созывает еще один собор, на котором присутствовали патриарх Антиохийский Макарий и патриарх Сербский Гавриил. Собор одобрил новоисправленные книги и повелел по всем церквам вводить их, а старые отбирать и жечь, противников троеперстия подвергать церковному проклятию – анафеме, что было еще раз подтверждено на соборе 1666 г. Так было положено начало расколу. К 1658 г. были изданы под присмотром Никона молитвослов и Часослов, Псалтирь, Постная Триодь и несколько других богослужебных книг. Никон не затевал ничего нового, он решил лишь исправить церковные книги лучше, чем они исправлялись прежде.

Враги Никона и приверженцы старины хулили мнимые «новшества», среди народа пошла молва, что киевские еретики во главе с «антихристом» – патриархом якобы «портят веру», царю стали подавать челобитные о «защите веры». В то время говорили, что «кто по латыни научится, тот с правого пути совернется» (Цит. по: 76, с. 415). С падением Византии считалось, что Москва стала ее наследницей и хранительницей чистоты Православия, на греков смотрели свысока, «латынян» считали врагами. Среди темного люда верность привычному оказалась много сильнее разума. Никон же по своему характеру сильно раздражался на сопротивление проводимым «разумным мерам», он сослал одного епископа и нескольких монахов из числа самых активных защитников старины (среди которых был и протопоп Аввакум, называвший себя «атаманом полка Иисусова»). По словам прот. Георгия Флоровского, «у Никона была почти болезненная склонность все переделывать и переоблачать по-гречески, как у Петра впоследствии страсть всех и все переодеть по-немецки или по-голландски. Их роднит также эта странная легкость разрыва с прошлым, эта неожиданная безбытность, умышленность и надуманность в действии» (86, с. 64).

В это время происходит охлаждение царя к патриарху. Алексей Михайлович набрался твердости, и его стеснял властный Никон, к тому же часто просивший денег и вотчин на монастыри. В июле 1658 г. царь открыто показывает свое пренебрежение патриарху, и

Никон сам оставляет патриарший престол, в одежде простого инока уезжает в свой Ново-Иерусалимский монастырь, в котором пробыл в добровольном заточении 8 лет.

Приверженцы старины ободрились. Григорий Неронов и протопоп Аввакум приобрели множество сторонников в верхах и низах общества. Соловецкий монастырь стал оплотом расколоучителей, его пришлось брать штурмом после осады в 1668-1676 гг. Алексей Михайлович обеспокоился и созвал архиерейский собор в 1666 г. На соборе единогласно были одобрены все никоновские исправления как в книгах, так и в обрядах. На собор были вызваны главные расколоучители, но протопоп Аввакум, поп Лазарь и диакон Федор не раскаялись в ереси и были преданы анафеме.

А самого Никона в том же 1666 г. судили церковным собором с участием патриархов Антиохийского Макария и Александрийского Паисия, 10 русских митрополитов, 8 архиепископов, 5 епископов и многих представителей белого и черного духовенства. Никон готовился к суду как на смерть. Ему не оставили места с патриархами, и он отказался сесть отдельно, простоял все восемь часов. В вину ему поставили самовольное удаление, «досаждение» царю, «гордость» на самом соборе, жестокость и самоуправство со священнослужителями. Его приговорили к лишению патриаршества и ссылке в отдаленный монастырь на покаяние. В суде над Никоном ощутимо наступление «имперского духа» на Церковь. Сам патриарх обвинял Алексея Михайловича в покушении на церковную свободу и независимость, «уложение» считал «бесовским и антихристовым лжезаконом». Он утверждал, что *священство* выше *царства*, но оказался в одиночестве.

Приговор Никон отбывал в северных Ферапонтовом и Кирилле-Белозерском монастырях. Новый царь Федор Алексеевич в 1681 г., вернул Никона в его Новый Иерусалим (спустя полгода по царскому указу в Пустозерске были сожжены протопоп Аввакум с двумя товарищами). При возвращении старца толпы народа стояли по берегам рек в ожидании его благословения. Он вскоре скончался и был похоронен по патриаршему обряду, а спустя год восточные патриархи в особой грамоте освободили его от осуждения и восстановили в сане патриарха.

Летом 1682 г., после смерти царя Алексея Михайловича в Москве восстали «за старину» стрельцы (за их спинами стоял честолюбивый князь Хованский). По их требованию в Кремле были назначены прения о вере. На них 5 июля 1682 г. расстриженный поп Никита Пустосвят дерзко поносил патриарха Иоакима и весь священный собор, отрицая самую возможность исправления в делах веры: «Не нами положено, пусть оно так лежит вовеки!» Раскольники сочли, что победили в прениях, с двумя поднятыми пальцами и криками «Вот так! Вот так!» вышли из Кремля, отслужили в одной церкви за Яузой молебен и три часа звонили в колокола. На следующий день стрельцы принесли повинную правительнице Софье Алексеевне и выдали Никиту Пустосвята, который был казнен. Власть усилила строгость к раскольникам, в которых видели врагов государственности, хотя суть раскола состояла в духовной гордыне и невежестве. Тем не менее, привязанность к обряду, к букве, а не духу христианского вероучения пустила глубокие корни. Раскольники от преследования и наказаний убегали в Северное поморье, в костромские и нижегородские леса и за границу – в Швецию и Польшу.

Как и всякий раскол, старообрядчество позднее распалось на разные толки: *поповщину* и *беспоповщину*, в которой выделились *поморяне* или *даниловцы*, *филипповцы*, *феодосеевцы*, *странники* или *бегуны* (проповедующие совершившийся приход антихриста и полное неподчинение всякой власти). Возникли и секты *духоборов* (отрицающих Церковь и признающие «внутреннее слово Божие, живущее в сердце каждого человека»), *молокан* (их центр был в селении Молочные воды Таврической губернии, они отвергали Церковь, признавали лишь авторитет Священного Писания), *хлыстов* (отвергнувших Церковь и церковные обряды ради своих радений), *скопцов* (отколовшихся от хлыстов из-за

нестерпимого у тех разврата и проповедавшие спасение человеческого рода от сладострастия путем оскпления).

8. Киевская митрополия в продолжении веков находилась в зависимости от Литвы и Польши, а в иерархическом отношении подчинялась Константинопольской патриархии. Католический орден иезуитов при прямой поддержке польской власти воспользовался шаткостью в церковной жизни и начал создавать свои школы для дворян, которым проповедовали презрение к «хлопской» (простонародной) «русской вере». Многие бояре и князья перешли в латинство, а среди иерархов усилилось моральное разложение (киевский митрополит Онисифор был лишен кафедры за двоеженство). Другой двоеженец Кирилл Терлецкий в сане епископа вел самую разгульную жизнь и мечтал о независимости и почете латинских епископов. При содействии единомышленников Кирилл в декабре 1595 г. приехал в Рим, на аудиенции у папы Климента VIII поцеловал его туфлю и исповедовал католический Символ веры. Папа с восторгом приветствовал соединение с русскими (на что Кирилл не имел никаких полномочий), так родилась уния – подвластное Риму церковное образование с сохранением православной обрядности.

В Вильно сам патриарх Иеремия (с большой неохотой поставивший в Москве Иова в чин патриарха) посвятил в чин митрополита шляхтича Михаила Рогозу, ставленника иезуитов и отступника от Православия (49, т. 1, с. 624-625). Власти же начинают гонения на православных, их храмы отбираются и передаются униатам или сдаются в аренду евреям (которые за плату позволяли православным служить). Однако, несмотря на унию, Православие оставалось живым на Украине, туда бежал от московских притеснений первопечатник Иван Федоров, там была напечатана знаменитая Острожская Библия (1580-1581 гг.), организованы православные братства, ставшие оплотом народа в отпоре иезуитам и центрами богословской работы.

Однако во имя защиты православия от унии малороссийское богословие использовало традицию и перекладывало православную традицию в латинские, схоластические категории. Митрополит **Петр Могила** (управлял в 1633-1646 гг.) был ревностным православным и ученым богословом. Он вернул от униатов Софийский собор, основал Киевскую духовную академию, под его руководством было составлено «Православное исповедание веры», одобренное всеми восточными патриархами. При нем православные ободрились. Тем не менее, отвергая папский примат, богословие Петра Могилы оказалось «окатоличенным». «Могила и его сподвижники были откровенными и решительными западниками», – писал прот. Георгий Флоровский (86, с. 45). С распространением Катехизиса, надписанного именем Могилы, начинается проникновение (однако, вовсе бесполезное) латинских формул и теорий в жизнь Русской Церкви.

После воссоединения в 1654 г. Украины с Россией, в 1686 г. патриарх Московский и всея Руси Иоаким поставил на киевскую митрополию Гедеона (из князей Четвертинских). С этого времени произошло иерархическое воссоединение внутри Русской Православной Церкви.

Лекция 12. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНЯ ЦЕРКОВЬ в XVIII в.

1. В 1700 г. умер патриарх Адриан. Он был человек старого склада, со «столь неподвижными убеждениями, что никак не мог сочувствовать деятельности Петра, страстную рукой увлекавшего Россию по пути реформ» (51а, с. 3). Патриарх Адриан был настолько верен старине, что предавал анафеме брадобритие, а курение табака вызывало в нем не меньшую ненависть, чем лютеранские верования. Царь Петр Алексеевич сделал верного ему митрополита Рязанского Стефана (Яворского) местоблюстителем патриаршего престола.

Петр не питал того почтения к Церкви, какое было у его отца. Болезненная ненависть к религиозной исключительности Православия возникла у Петра под влиянием «страшных бунтов тупых приверженцев старины», происшедших в начале его царствования, «волнений невежественной черни под личиною веры», заговор стрельцов. Все эти люди выставляли «веру отцов» как свое знамя – это и сформировало у молодого царя вражду к религиозной обособленности Православия и прежде всего к традициям и нормам русской церковной жизни. Ему противны были постничество, многочисленные земные поклоны, множество свечей перед образами, колокольный звон и другие проявления русской набожности. Суеверий и нелепостей в русской жизни действительно было немало, но Петр желал «бороться с ними не столько во имя веры, сколько во имя здравого смысла и «общего блага» (86, с. 95). Он не понимал, что такое Церковь.

Яснее всего это непонимание видно из борьбы Петра с монашеством. 21 января 1724 г. царь подписал указ о переустройстве монашества на новый лад, о превращении «тунеядцев и дармоедов» в «полезных для государства людей». Московские монастыри – Чудов, Вознесенский и Новодевичий должны были принимать больных и старых, Перервинский – превращался в учебный центр, Андреевский – в воспитательный дом для подкинутых младенцев. Доля истины была в петровской критике монашества, но этот яркий практик забыл одно: истинное монашество состоит в отречении от всех дел мира ради слияния с Богом – ради духовного служения миру. «Не Феофаны Прокоповичи, обремененные знаниями, но бесплодные духом, двигают вперед дело веры, а праведники, чтимые народом... те люди, для создания которых вернейший путь – монастырь, каким он сложился в прежней Руси» (66, с. 23). Жизнь исправила эти непродуманные решения. В том же 1700 г. он воссоздает Монастырский приказ (отмененный было патриархом Никоном), в управление которому передается земельная собственность монастырей. Петру нужны были деньги для создания армии и флота.

В разгар начатого им преобразования России по среднеевропейскому образцу, царь вознамерился изменить и систему управления Церковью. К этому его побуждало не только названная ненависть к «московскому образу жизни», питаемая детскими воспоминаниями о диком стрельцком бунте и страшном упорстве раскольников, но и искреннее и глубокое преклонение перед благоустроенной и образованной Европой с ее аккуратными и грамотными пасторами, в то время как русское духовенство имело немало разных недостатков. Петр стремился к возвеличиванию роли государства, абсолютной монархии в общественной жизни, а этому препятствовала самостоятельная Церковь. «Священство выше царства», – утверждал Никон, и самовластный царь не желал появления рядом с собою «соправителя» в омофоре.

Для приучения умов к необходимости уничтожения патриаршества Петр создал некий орден или шутовскую «церковь» – «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор» под председательством наибольшего шута Никиты Зотова, носившего титул «князь-папа или всешумнейший и всешутейший патриарх московский, кокуйский и всея Яузы». При нем состоял конклав из 12 кардиналов и множества «епископов», «архимандритов» и прочих лиц, носивших такие прозвища, которые, по выражению В. О. Ключевского, «никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати» (51, т. 2, с. 485). Петр носил в этом «соборе» сан протодьякона. Первой заповедью этого сброда было напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвым. Пародирование Церкви было видно в обряде приема в это сообщество: как в древней Церкви спрашивали «Веруеши ли?», так в этом «соборе» новопринимаемому члену задавали вопрос: «Пиеси ли?»; князь-папа благословлял людей своим «дикирием» – сложенными накрест трубками. В то же время, сам Петр был лично религиозным человеком, уважал нескольких видных русских иерархов – епископов Митрофана Воронежского, Афанасия Холмогорского, говорил, что «кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, либо с природы безумный. Зрячий Творца по

творениям познать должен» (Цит. по: 49, т. 2, с. 322). Но был ли он православным христианином?

Петр понимал, что русские архиереи, поддерживая меры по усилению страны, не одобряют крайности вестернизации, попытки превращения России в Голландию. Идея о реформировании управления Русской Церковью по протестантскому образцу и намерение сделаться самому «главой религии» для упрочения монархической власти родились у Петра, видимо, во время нескольких путешествий по Англии, Германии и Голландии в 1697-1717 гг. Известно, что в составленном англичанином Фрэнсисом Ли по просьбе Петра проекте коллегиального управления Россией предусматривалась «коллегия для пропаганды христианской религии», а известный В.Лейбниц в 1711 г. предлагал царю создать «Religions Kollegium», который должен был стать деталью в «часовом механизме» государства (76, с. 548). Протестантская система примата государства в религиозной жизни была чужда Русской Церкви, но Петру это было по душе. С присущей ему жестокостью и непреклонностью он создавал тоталитарное государство, в котором Церкви предстояло стать лишь частью государственного механизма.

Митрополит **Стефан (Яворский)** не захотел стать послушным орудием царя, в Москве он начал борьбу против ростков протестантского учения и иконоборцев. В 1713 г. в Москве открылась лютеранская и кальвинистская ересь. Во главе довольно многочисленного кружка стоял лекарь Дмитрий Тверетин, отвергавший авторитет Церкви, почитание икон, святых, таинства и обряды, учивший об оправдании человека одной верою. Быстрое распространение ереси и дерзость зачинщиков требовали скорого и действительного противодействия. Митрополит Стефан, понимая, какой вред мог произойти, если и в простом народе откроется сочувствие к тем мыслям, которые уже имели сильных приверженцев между приближенными царя, «отложил всякое человекоугодие, всякий страх и мужественно обличил еретиков» (70, с. 234-235). Митрополит написал книгу под названием «Камень веры», в которой была дана система христианского вероучения с обличением всех заблуждений протестантов. Петр был крайне недоволен сочинением митрополита Стефана и при своей жизни не разрешал издавать его. В одной из проповедей в марте 1712 г. митрополит обличил «человека, бросившего жену, не соблюдающего постов, не слушающего Церкви», но царь не удалял Стефана, ценя его заслуги и достоинства.

Петр находит себе нового помощника – **Феофана (Прокоповича)** (1681-1736 гг.). Тот поразил его своим приветственным словом, произнесенным 27 июня 1709 г. после Полтавской битвы при богослужении на самом поле сражения. Ученость, красноречие и пылкость киевского архимандрита побудили Петра продвигать его на высшие посты. В 1715 г. Феофан вызывается в Петербург и становится главным помощником царя в подготовке и проведении церковной реформы, (в 1718г. был рукоположен в сан епископа). Прот. Георгий Флоровский дает ему такую характеристику: Феофан «был человек жуткий», «типический наемник и авантюрист», однако «был умен и учен», был «истым любителем и ревнителем всякого «просвещения»; его сочинения пропитаны духом западной реформации, он «не чувствует, не замечает мистической реальности Церкви» (86, с. 92). Именно такой сотрудник и нужен был царю-революционеру в церковных делах.

В 1718-1720 гг. Феофаном Прокоповичем был написан «Духовный регламент», кое в чем исправленный Петром и утвержденный на заседании Сената при участии царя, 6 сенаторов, 6 архиереев и 3 архимандритов. К концу 1720 г. под ним были собраны подписи других провинциальных архиереев, архимандритов и игуменов важнейших монастырей (иногда под прямым давлением власти).

«Духовный регламент» предусматривал замену патриарха «духовной коллегией» в виде Святейшего Правительствующего Синода (получил свое название в феврале 1721 г.), который при контроле назначаемого государем обер-прокурора («ока государева», по

инструкции Петра – «добрый человек из офицеров») ведает текущими церковными делами. Также были установлены некоторые правила церковной жизни (в частности, введена духовная инквизиция для надзора над церковным управлением, отмененная вскоре после кончины Петра), а церковная собственность возвращалась Церкви из-под ведения Монастырского приказа. На двести лет в церковной службе наряду с поминанием за литургией православных патриархов вместо отечественного патриарха поминался Святейший Синод, хотя Петр сумел в 1723 г. получить от патриархов признание нового неканонического церковного управления в России как канонического. «Главою Церкви» становился император как «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния». В Своде законов Российской империи далее утверждалось, что «в управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного» (49, т. 2, с. 368).

Показательно, что члены Синода не избирались, а назначались властью и были обязаны приносить присягу на верность государю (присяга была отменена в феврале 1901 г.). Президентом Синода (с 1726 г. – первоприсутствующим) был назначен митрополит Стефан (Яворский), вице-президентами – архиепископы Феодосии (Яновский) и Феофан (Прокопович), членами – четыре советника и четыре ассессора (позднее – присутствующие) из представителей монашеского и белого духовенства. Главную роль в Синоде до конца своей жизни играл всемогущий Феофан.

Церковной реформой Петра восхищались на Западе, но не в России. Православный народ по обыкновению «безмолвствовал», раскольники в своей рукописной литературе изображали дело Петра как «антихристово». Архиереи внешне покорились, но, испытав в царствование Анны Иоанновны прямое подчинение лютеранину Остерману, его жестокий и бессмысленный гнет, втайне вознегодовали. В 1742 г. при воцарении Елизаветы митрополит Ростовский Арсений (Мациевич) и архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич) заявили о благовременности уничтожения Синода и восстановлении патриаршества. Реакция со стороны власти была враждебной, а другие архиереи поддержать эту инициативу не решились.

Тем не менее, Церковь в России оставалась государственной, она своей духовной властью через миропомазание санкционировала законность царской власти, император был обязан принадлежать к Православию.

В середине XVIII в. благодаря общему развитию государства и возникшей потребности в защите православного учения происходит активизация богословской жизни. Правда, в церковных школах наступает господство латино-протестантской схоластики, но переводятся с греческого книги Отцов Церкви, четырежды изданиями выходит исправленная Славянская (Елизаветинская) Библия и оригинальные сочинения по церковной догматике и канонам (см. 86, с. 104-114).

2. Тяжкими испытаниями для Русской Церкви стали царствования Петра III и Екатерины II. Немецкий принц, лютеранин по крещению, принявший православие в 14 лет, царствовал всего полгода и открыто высказывал презрение к господствующей религии своего государства. Он намеревался дать полную свободу в России всем неправославным конфессиям, запретить обязательность постов, не считать грехом прелюбодеяние, всех монастырских крестьян перевести в собственность царскую. 28 июня 1762 г., накануне своего свержения он повелел первоприсутствующему в Синоде архиепископу Новгородскому Димитрию (Сеченову) «оставить в церквах иконы Христа и Богородицы, остальные же убрать», а «русским попам обрить бороды и вместо рясы носить платье западных пасторов» (71, т. 1, с. 188, 189).

Свергнувшая с престола своего мужа Екатерина II, ученица Вольтера и поклонница Монтескье, поразила современников «философским либерализмом» своих мыслей. Все церковные вопросы она рассматривала с точки зрения государственных интересов. Воспитанная в строго протестантском духе, она тем не менее удивляла многих знанием Православия, пунктуальным соблюдением церковных правил (выстаивала долгие службы, ходила пешком в Троице-Сергиеву лавру), но это оставалось для нее чисто внешним, обрядовым делом, к вере она была глубоко равнодушна.

Екатерина II провела секуляризацию церковных земель, считая, что «громадные церковные имения появились благодаря фанатизму и суеверию». Открытым противником этой реформы в марте 1763 г. выступил митрополит Ростовский **Арсений (Мацевич)** (1697-1772 гг.), искренне считая грехом отнятие чужой собственности, тем более – употребление церковного дохода на нецерковные нужды. Разгневанная Екатерина приказала Синоду предать непослушного архиерея суду. К тому времени большинство церковных иерархов уже смирились с неизбежностью подчинения государству. Угодливый Синод поспешил лишить Арсения архиерейства и монашества, сослать в отдаленный монастырь «под крепкое смотрение и ни бумаги, ни чернил не давать там» (49, т. 2, с. 466). Екатерина «смягчила» приговор: позволила оставить черный клобук, но приказала три дня в неделю водить старика на черные работы. Арсений не сдерживал своего языка, высказывал сочувствие содержащемуся в заточении Иоанну Антоновичу и негодовал на его убийство. Монахам Ферапонтова монастыря он мешал предаваться пьянству, и они написали донос. Тогда по приказу императрицы он был расстрижен и посажен в Ревельскую крепость, где и скончался под именем Андрея Вралья. Святитель Арсений как страдалец за веру был причислен к лику святых на Архиерейском Соборе РПЦ в августе 2000 г.

26 февраля 1764 г. был издан манифест об упразднении землевладения церковных учреждений. Бывшие монастырские земли и крестьяне на них были взяты под управление государства. Из полученного от 910 тыс. душ в 1764-1768 гг. 1367 тыс. рублей оброка на содержание Церкви и духовенства правительство ассигновало 463 тыс. рублей, в дальнейшем эта доля составляла около 1/8 от общей суммы оброка, остальное оставалось у государства (49, т. 2, с. 471).

Не менее яркое представление о церковной политике Екатерины II дает проект церковной реформы, предложенный в 1767 г. Синоду обер-прокурором И.И. Мелиссино (открытым вольнодумцем антицерковного толка): предоставить полную свободу вероисповедания иностранцам, позволить раскольникам совершать свое богослужение и иметь свое духовенство, ослабить и сократить посты, создать комиссию для рассмотрения необходимости икон и мощей в церквях, сократить продолжительные церковные службы, заменив их полезными поучениями народу, прекратить содержание монахов, епископам разрешить иметь законную жену, разрешить духовенству ношение «более приличного платья», отменить обычай поминовения усопших, запретить причастие детей до 10-летнего возраста и т.д. (49, т. 2, с. 486-487). Письменной реакции членов Синода на этот проект не было. Другой обер-прокурор П.П.Чебышев (управлял в 1768-1774 гг.) открыто называл себя атеистом, был крайне груб, «позаимствовал» из кассы Синода 10 440 рублей, что обнаружилось ревизией Сената (49, т.2, с.489). Занимавшие позднее кресло обер-прокурора С. В. Акчурин, А. И. Наумов, А. И. Мусин-Пушкин были достаточно благочестивыми чиновниками и хорошо ладили с архиереями.

В те же десятилетия в образованной части русского общества начался процесс формирования новой, национальной русской культуры, в этом синтезе сочетались традиционные национальные начала и западноевропейские идеи, но основой служило христианство.

Яркими примерами новой, светской, но и христианской по духу культуры можно назвать поэтическое творчество М. В. Ломоносова (1711-1765 гг.) и Г. Р. Державина (1743-1816 гг.). Приведем отрывки из их наиболее известных стихотворений.

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И Божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель Сам!..

М.В. Ломоносов.

*«Утреннее размышление
о Божием величестве», 1783 г.*

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: *Бог...*
Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность прежде век рожденну,
В Себе Самом Ты основал:
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавший все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь век!..

Г. Р. Державин «Бог», 1784 г.

3. К числу видных иерархов екатерининского времени принадлежит митрополит Санкт-Петербургский **Гавриил (Петров)** (1730-1801 гг.), ставший епископом в 33 года, в 43 года – митрополитом и первенствующим членом Синода. В историю он вошел не только как церковный администратор, но, по выражению А. В. Карташева, как «творческая личность в великом и славном деле возрождения русского монашества» (49, т. 2, с. 490). Петровские реформы сильно стеснили монашество внешне, раскол притянул к себе многие пламенные верой души, но постепенно началось внутреннее возрождение иночества. Владыка Гавриил всячески помогал монастырям в своей епархии, добиваясь от Екатерины увеличения «штатов»; например, ему обязана возрождением Валаамская обитель; он прямо поддерживал великого старца Паисия (Величковского) и помогал напечатанию его «Добротолюбия» (10, т. 1, стлб. 602-603). Он поддержал принятие в церковное общение старообрядцев, что помогло формированию единоверческого течения. До нас дошли некоторые его проповеди и толкования апостольских посланий. Был владыка Гавриил

строгим постником, молитвенником и аскетом, был полным бессеребренником, раздавал всю жизнь свои достатки бедным (в Новгороде и Петербурге каждую субботу раздавал милостыню бедным, а его келейник кормил всех странников). В своем завещании митрополит распределяет две рясы, четверо часов, один сервиз, книги латинские и русские, а если останутся деньги – раздать по новгородским церквам, не меньше десяти рублей на церковь (23, с.478-479). Это не помешало возвести на него ложное обвинение в «недостатке вещей по лаврской ризницы и по Петербургскому архиерейскому дому» (29, с.8). Павел I его недолюбливал и по своем воцарении заменил более послушным митрополитом Амвросием (Подобедовым).

Самым блестящим светилом среди архиереев этой эпохи был митрополит Московский **Платон (Левшин)** (1737-1812 гг.), сын дьячка из подмосковного села. Он учился в московской славяно-греко-латинской академии, в 21 год принял монашество, был учителем риторике в Троицкой семинарии, в 1761 г. стал ее ректором и получил широкую известность своими талантами, знанием языков (латинского, греческого, французского) и красноречием.

Екатерина II при первом своем посещении Троице-Сергиевой лавры услышала живое и в то же время приподнято-торжественное слово молодого монаха, восхитилась и назначила Платона законоучителем к наследнику престола, а заодно придворным проповедником. При дворе императрицы Платон блистал тонким умом и красноречием. Показательно, что австрийский император Иосиф II перед отъездом из России на вопрос, что он нашел достопримечательного в Москве, ответил: «Платона». В 31 год Платона делают членом Синода, в 33 года рукополагают сразу в сан архиепископа, в 1775 г. ставят на московскую кафедру, но продолжают вызывать в Петербург. Его проповеди по приказу Екатерины переводят на европейские языки.

Для примера его красноречия приведем отрывок из одной из его последних проповедей, при встрече императора Александра I в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в 1801 г. Митрополит сказал: «...Какая причина побудила вас оставить домашние, даже государственные попечения и нужды, предпринять не малое путешествие и прийти в уединенное место сие?.. Дубравы ли одни, ветром воздеваемые и колебанием своим производящие шум, не столько приятный, сколько унылый? «Чесо изыстосте в пустыню сие видети?».. Уважаемый нами днесь в пустыне сей праведник во многом подобен Иоанну пророку... Сергей тоже очи всех своей непорочностью обратил на себя, и тем еще превзошел Иоанна, что и по смерти своей не меньше к себе привлекает, и место своего обиталища сделал вечным местом прославления Божия» (62, с. 60-61).

Несмотря на почтение от царицы, синодская атмосфера угнетала Платона, он знал, что духовник императрицы Иоанн Памфилов – принципиальный враг монахов и архиереев, а стало быть, его недоброжелатель. В 1782 г. он впервые попросился на покой, но императрица не отпустила, а позволила назначить для помощи викария. В Москве владыка Платон стал поднимать уровень духовного обучения, создал новую монашескую обитель Вифанию и при ней семинарию. Он благоустроил Троице-Сергиеву лавру, во всех соборах сделал новые иконостасы. При нем было положено начало *единоверию*, сближению Церкви с раскольниками-половцами, которым позволено было открыто иметь церкви и своих священников; Платон в 1800 г. написал «Правила единоверия». Был он скромен, на коленях перед воцарившемся Павлом I отказывался от высшего ордена св. Андрея Первозванного, говоря, что «для монаха все награды на небесах» и он «хочет умереть архиереем, а не кавалером», но бывший ученик его не послушал. При коронации Александра I московский митрополит произнес к новому царю речь резкую и поучительную, ставшую широко известной и переведенную на несколько европейских языков. Платон любил юношество и поощрял самых способных семинаристов, получавших вместе со стипендией от митрополита и прибавку к фамилии – Платонов. Его перу принадлежат несколько

катехизисов, педагогические инструкции, «Краткая российская церковная история» и около 500 проповедей.

Большую известность в России в то время имели также святители Митрофан Воронежский, Димитрий Ростовский, Тихон Задонский, Иоасаф Белгородский.

Святитель **Митрофан Воронежский** (1623-1703 гг.) пользовался большим уважением у Петра I, оказывал царю помощь в постройке флота и поддержку в добрых начинаниях. Святитель **Димитрий Ростовский** (1651-1709 гг.) был высокообразованным человеком, сочетая любовь к просвещению с личной праведностью. Бессмертным памятником ему стали его сочинения и прежде всего – Четьи-Минеи (Жития Святых), в которых по порядку месяцев и дней излагаются повествования о жизни святых Православной Церкви. Святитель Димитрий работал более 20 лет, критически используя в своем труде ранние «Минеи» митрополита Макария (XVI в.) и другие отечественные и западные издания. Это издание остается до наших дней непревзойденным по полноте охвата и яркости языка. Святитель **Иоасаф Белгородский** (1705-1754 гг.) своей праведной жизнью заслужил уважение и простого народа и императрицы Елизаветы Петровны, которая впервые после Петра показывала уважение к Православной Церкви. За недолгое время служения на архиерейской кафедре святитель Иоасаф прилагал большие усилия для повышения чувства ответственности и благоговения у духовенства, боролся с грубым невежеством и языческими суевериями простого народа.

Святитель **Тихон Задонский** (1724-1783 гг.) менее 5 лет правил Воронежской епархией, в 1767 г. испросил себе увольнение «по расстройству здоровья» и поселился в Задонском монастыре. Здесь он своей жизнью показал пример высокого благочестия и аскетизма: жил в самой бедной обстановке, раздавая свою 500-рублевую пенсию, спал 4-5 часов, тратя время на молитву, литературные занятия и прием посетителей. Он составил немало проповедей, благочестивых писем и наставлений о христианской жизни, некоторые из которых уже в XIX в. вышли 48-ю изданиями. Он был человеком новой, послепетровской эпохи, кроме Отцов Церкви любил переписывать новых западных писателей, больше всего И. Арндта. Его сочинения поражают простотой, прозрачностью стиля, силой мысли и чувства. «Он писал для этого мира, свидетельствовал о Спасителе погибающему миру, и не ищущему спасения. Это был апостольский отклик на безумие вольнодумного века». Известно, что у святителя Тихона часто бывали видения Фаворского света: разверзались небеса и загорались сиянием нестерпимым. «Напряженная собранность духа» сочеталась у него «с какой-то исключительной силой милующего внимания и любви» (86, с. 124,125).

В разных городах и краях России почитали своих праведников и подвижников. В Петербурге все знали блаженную **Ксению** (между 1719-1730 гг.– ок. 1803 г.). После смерти мужа, в 26 лет она приняла подвиг юродства. Оставив свой дом, она скиталась по городу в рубище, называла себя именем мужа – Андрей Феодорович – будучи психически совершенно здоровой. Юродство – самый полный и, может быть, самый трудный отказ человека от мира. Проходя по улицам, матушка Ксения самым видом напоминала всем: «Опомнитесь! Все здесь – призрак. Одно только неизбежно – смерть. Одно только вечно и неизменно – Бог. Его ищите, к Нему стремитесь!» Вскоре она стала известна своими пророчествами, предсказаниями. Днем она ходила из дома в дом, а ночами молилась в поле. Во время строительства церкви на Смоленском кладбище блаженная Ксения по ночам носила кирпичи на верх постройки. Она была похоронена на этом кладбище, и часовня над ее могилой превратилась в место поклонения. Канонизирована в 1988 г.

4. В церковной жизни России к концу XVIII в. происходит не только постепенное возрождение монашества в его аскетическом направлении, но идет не менее важный процесс подъема духовного образования.

Ранее сложился порядок наследования священнических мест и диаконских, часто и причетнических мест. Духовенство стало замкнутым сословием, дворянство в него не шло, а крестьян не пускали. В основе этого, по мнению А. В. Карташева, лежал не только страх потерять верный кусок хлеба, но и опасение потерять свою гражданскую свободу, перейти в податное, «рабье» положение, ведь Петр I взял да и перевел в податное сословие «излишки» духовных семей (49, т. 2, с. 519, 521). Правда, Петр I пытался и побороть эту замкнутость указанием в «Регламенте» на важность учения, в 1714 г. вышел указ о позволении брать в духовенство младших сыновей из дворянских семей, но мало что изменилось. Напротив, при Анне Иоанновне в 1736 г. было приказано набрать в армию из духовных лиц 7 тыс. чел., т.е. забрать всех сыновей духовенства от 15 до 40 лет, не состоящих в церковных штатах. При Елизавете Петровне указом от 1752 г. и вовсе разрешалось «заштатных духовных» обращать в крепостное состояние (49, т. 2, с. 528, 534). Но с 1775 г. разрешено семинаристам поступать на государственную службу и начинается пополнение бюрократии «поповичами» (самый яркий пример тому – М. М. Сперанский). В 1778 г. были сокращены приходские штаты, в 1784 г. проведен общий разбор всего духовенства, и государство убавило свое самоуправство, но не ослабило контроля за духовенством. Стоит заметить, что именным указом Павла I в 1797 г. предписывалось при произведении в сан священства обращать внимание на политическую благонадежность, чтобы в церкви не попадали участники мужицких бунтов – а значит такое случалось (49, т. 2, с. 514, 517). Тот же Павел избавил духовных от телесного наказания и стал их награждать светскими наградами, камилавками, митрами и наперсными крестами. Духовенство, несмотря на нищенский уровень существования, было опорой власти.

«Наследование» прихода в то время стало прочным обычаем. Это породило явление «бродячих попов», т.е. вполне легальных, но не приписанных к храму. Они служили по частным заказам ранние литургии и другие службы, составляя конкуренцию приходским священникам. Верующие могли выбирать. Иногда группы прихожан того или иного храма обращались с просьбой к архиерею о поставлении приглянувшегося им кандидата. Так создались условия для неуклонного понижения уровня духовенства. Доходило до того, что иные иереи сами не понимали смысла читаемого или заученного ими текста, тем более не могли они стать духовными наставниками прихожан. Большинстве архиереев с этим мирилось, хотя святитель Иосаф Белгородский (Горленко) беспощадно гнал от себя рекомендованных, но не выдержавших у него экзамен. Митрополит Арсений (Мациевич), например, полагал возможным поставление священника при условии, что он знает катехизис Петра Могилы (опираясь на слова Екклесиаста *«во многой мудрости много печали»* (Еккл., 1:18), но иначе смотрели на это владыки Гавриил и Платон.

Митрополит Платон твердо и неуклонно проводил замещение вакантных священнических мест «образованными», т.е. закончившими семинарию. Он не признавал проводившихся «выборов», не считался ни со слезами кандидатов, ни с просьбами сильных мира сего. Многие жаловались, роптали, писали доносы, но после благодарили. «Школьные аттестаты побеждали», – пишет А. В. Карташев. В Московской епархии священнические места получали преимущественно закончившие высший класс семинарии – богословский, а диаконские – выпускники низшего, философского класса. Консистория стала сообщать списки вакансий прямо в семинарию, и это стимулировало успехи обучающихся.

Система духовного обучения сформировалась в петровское время: в 1722-1723 гг. имелись семинарии в Петербурге, Москве, Чернигове, Ростове Великом, Тобольске, Новгороде, Твери, Белгороде, Казани, Вятке, Холмогорах, Коломне, Рязани, Вологде. Духовенство обязывалось отдавать сыновей учиться, но поначалу батюшки всячески избавляли своих отпрысков от этого «мучения». Многие семинарии приходили в запустение, и лишь в конце века ситуация стала меняться. Но семинарии владели нищенское существование, срок обучения в них составлял 8 лет, в некоторых 13 лет,

уровень обучения был неодинаков, философию и богословие стали преподавать на русском, а не на латинском языке (49, т.2, с.551). Но как бы то ни было, везде преподавалось богословие.

В 1797 г. Санкт-Петербургская и Казанская главные семинарии были преобразованы в академии, дополнив Московскую и Киевскую академии, тогда же вдвое были увеличены ассигнования на духовные школы (71, т. 1, с. 788; подробнее см. 11, т. РПЦ, с. 415-419). При Павле I возникли новые семинарии в Вифании близ Сергеева Посада, Туле, Калуге, Пензе, Перми, Оренбурге.

Дальнейшее развитие получило храмостроительство. Начало петербургского периода русской истории в сфере архитектуры стало периодом барокко. В первой половине XVIII в. в столицах и крупных городах воздвигаются храмы в стиле барокко, имеющие, однако, самобытные национальные особенности (использование декоративных приемов русского зодчества). В середине XVIII в. соборам и церквям повелением Елизаветы Петровны было дозволено традиционное пятиглавие. Яркими памятниками той эпохи стали Смольный монастырь в Петербурге (1748-1764), пятиярусная колокольня в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре (1740-1770 гг.), церковь св. Климента, папы Римского в Москве (1754-1774 гг.). Во второй половине XVIII в. в архитектуре утверждается стиль классицизма, примерами которого являются Преображенский и Троицкий, но прежде них – Петропавловский соборы в Петербурге, церковь св. Филиппа, митрополита в Москве.

Сам Павел I был верующим человеком, однако заботливо относился не только к православному духовенству, но и к католическому. Например, он предложил папе Римскому, униженному французской революцией, переселиться в Россию (как ранее его мать пригласила иезуитский орден). Он приютил в стране Мальтийский орден, приняв на себя звание Великого мастера ордена. Павел даже пытался наградить митрополита Гавриила Мальтийским крестом, от чего тот, разумеется, отказался к неудовольствию императора (49, т. 2, с. 556; 76, с. 587).

Лекция 13. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ в XIX в.

1. Император **Александр I** вступил на престол, будучи воспитан атеистом Лагарпом и всей атмосферой екатерининского двора в духе вольнодумства французского Просвещения, далеким от Церкви, с существованием которой он считался как с необходимым обрядовым институтом. Не удивительно, что и на место обер-прокурора Синода он поставил близкого ему по духу своего друга детства, князя А.Н.Голицына. Тот прямо сказал царю: «Какой я обер-прокурор, ведь я ничему не верю», но принужден был подчиниться.

В первые годы царствования Александр I пытался проводить некоторые реформы, среди которых намечался и подъем духовенства. В 1807 г. был создан специальный Комитет, в который вошли наряду с членами Синода – князь А. Н. Голицын и М. М. Сперанский. Был разработан план реорганизации всего духовного образования для подъема его уровня и передачи под контроль местных архиереев, а также план изыскания средств для этого (путем выделения некоторой части свечных доходов церквей, средств Синода и пособия от государства) (76, с. 727). Война 1812 г. помешала реализации реформы, пришлось восстанавливать множество храмов и монастырей, помогать разоренному духовенству.

Заметим, что война с Наполеоном оказало сильное влияние на русское дворянское общество. Намерение «передовой Франции» подчинить Россию, грабежи и мародерства французов, варварское поругание ими церквей (сравнимое только действиями крестоносцев в Константинополе), попытка взорвать московский Кремль и конечный крах 600-тысячной армии «двунадесяти языков», бегство Наполеона от армии многим открыли глаза. Произошло отрезвление от увлечения как «французщиной», так и либеральным вольнодумством. Сам Александр Павлович в те дни впервые взял в руки Евангелие (на французском языке). «Пожар Москвы, – говорил он, – просветил мою душу, и суд Божий на

ледяных полях наполнил мое сердце теплотой веры, какой я до сих не чувствовал. Тогда я познал Бога, как открывает его Священная Писание» (Цит. по: 76, с. 728).

Особенности личности царя всегда сказывались на развитии России и развитии Русской Церкви, так случилось и при Александре I. Одно из определений второй половины его царствования – «период мистицизма». По окончании войны 1812 г. он приказывает выбить медаль с надписью: «Не нам, не нам, а Имени Твоему». На Воробьевых горах в Москве был заложен огромный храм-памятник во имя Рождества Христова (в день этого праздника последний французский солдат покинул территорию России). С 1813 г. в России быстро разворачивается деятельность Библейского общества, ставившего своей задачей широкое распространение книг Священного Писания на местных языках. В 1820 г. из России выдворяются иезуиты. В 1817 г. для еще большего «поднятия духовности» создается «двойное министерство» – князь А. Н. Голицын становится министром духовных дел и народного просвещения, а обер-прокурор князь П. С. Мещерский оказывается его помощником.

Все это было бы хорошо, но при этом ничуть не изменился самодержавный характер царской власти, а, кроме того, Александр Павлович, лишенный православного воспитания, проникся верой в самые разные мистические учения. Можно допустить, что император полагал необходимым разрешение тех проблем, которые возникли после превращения России в многоконфессиональное государство, в которое входили прибалтийские губернии, населенные во многом протестантами и католиками, Финляндия с чисто протестантским населением и преимущественно католическая Польша, наряду с другими национальными меньшинствами, исповедующими христианство: немцами, шведами, армянами, греками и др.

Однако вследствие этого, созданием двойного министерства Православный Синод оказался унижен, превратившись в один из десятка департаментов. Князь А. Н. Голицын, обретший веру, покровительствовал масонам, сектам хлыстов и скопцов, но запрещал публичную критику мистицизма. Он исповедовал идею надконфессионального Царства Христова на земле, полагая, что такой христианский универсализм не противоречит православной вере. Против министра стали спланиваться иерархи: епископ Иннокентий (Смирнов), митрополит Михаил (Десницкий), митрополит Серафим (Глаголевский), но самым активным оказался архимандрит Фотий (Спасский), не имевший богословского образования, но преисполненный жаром борьбы за веру. Используя сильную поддержку А. А. Аракчеева, им удалось убедить императора ликвидировать в 1824 г. двойное министерство, а в 1826 г. – Библейское общество.

Однако в своей деятельности защитники Православия подчас оказывались неразумно рьяны. С 1816 г. в России под руководством архимандрита Филарета (Дроздова), ректора Санкт-Петербургской Духовной академии, началась работа над русским переводом Священного Писания. В 1820 г. вышел Новый Завет на русском языке. Но это, казалось бы, очевидно благое дело встретило ожесточенное сопротивление со стороны ревнителей старины, полагавших церковно-славянский язык богодухновенным, считавших, что если всякий сможет купить и прочитать Писание на «простонародном наречии», то возрастет вольнодумство и упадет уважение к Церкви. В лагере охранителей оказались такие светские лица как адмирал А. С. Шишков, М. М. Сперанский, генерал А. А. Аракчеев, такие иерархи как митрополит Серафим (Глаголевский), митрополит Евгений (Болховитинов), и неистовый архимандрит Фотий (Спасский). Эта мощная партия добилась запрета работы над переводом Писания и даже изъятия в 1822 г. из продажи Катехизиса владыки Филарета (Дроздова), в котором молитвы «Верую» и «Отче наш» были даны на русском языке. Запрет был снят только в 1827 г.

Лишь в последние годы жизни Александр I духовно прозревает. Он все чаще навещает старцев в Александро-Невской лавре, посещает Валаамский монастырь. Покидая навсегда свою столицу 1 сентября 1825 г., он заезжает в лавру для беседы со старцем Алексием.

2. Сменивший его на троне **Николай I** был человеком глубоко верующим и церковным, лишенным религиозных сомнений и умствований, но религиозное образование его было крайне поверхностным. По его словам, в детстве его и брата Михаила «учили только креститься в известное время обедни, да говорить наизусть разные молитвы, не заботясь о том, что делалось в нашей душе» (68, т. 1, с. 21). Он смотрел на Церковь прежде всего как на полезную опору государства. Не чуждый идее преобразований, он одобрил в 1841 г. проводимую обер-прокурором графом Н.А.Протасовым (управлял в 1836-1855 гг.) церковную реформу. Она состояла в перестройке деятельности духовных консисторий, что сократило возможности для произвола архиереев (хотя сам граф при этом вел себя деспотом по отношению к архиереям). При нем возросли расходы государства на духовное образование, были созданы школы для дочерей духовных лиц. Обнаружилось тогда же, что число выпускников семинарий значительно превышает число священнических вакансий. После долгих споров Синод в 1850 г. разрешил выход из духовного сословия и освободил духовных лиц от обязанности посылать своих сыновей в семинарии. Но в целом, власть в николаевское царствование скорее сковывала, чем освобождала Церковь. Так, в соответствии с пожеланием императора граф Н. А. Протасов создал в 1839 г. новый устав духовных учебных заведений и новые программы. В них были сокращены общеобразовательные предметы, философия сведена к психологии, оставлены пастырское богословие и гомилетика, но введены такие «полезные дисциплины» как основы медицины, крестьянского хозяйства и естествознание. Тем не менее, в семинариях изучали также латинский и греческий языки (факультативно – древнееврейский, французский и немецкий), литургику, догматику, патристику, библейскую и церковную историю, церковное право, историю Русской Церкви (71, т. 1, с. 432; см. И, т. РПЦ, с. 411-414).

По-прежнему духовенство было освобождено от подушного налога, от воинской службы и телесных наказаний, оно имело право приобретения земель в городах и деревнях, освобождалось от военного постоя. Ему запрещалось брать на себя судебные обязательства и поручительства, выступать ходатаями других лиц по гражданским делам, заниматься винокурением на своих землях, заниматься торговой деятельностью (49, т. 1, с. 346-347). В материальном плане священство во многом зависело от платы за требы, потому что заниматься земледелием было непросто, но при Николае I начинается постепенный его перевод на государственное жалованье. В 1855 г. жалованье получали 57 тыс. священно- и церковнослужителей при наличии 13 862 приходов (71, т. 1, с. 364-365).

При всей строгости и даже суровости николаевского правления, в эти десятилетия шло внутреннее развитие русского общества. Пережитые испытания – война 1812 года и мятеж 1825 года – побудили многих передовых людей к осмыслению положения России и поиску путей выхода из назревавшего кризиса. Многие находили эти пути в православии.

3. Известный русский философ Петр Яковлевич **Чаадаев** (1794-1856 гг.) получил широкую известность своими критическими высказываниями в отношении России, ее исторического опыта и тогдашнего состояния (что и послужило причиной опалы со стороны Николая Павловича). Однако П. Я. Чаадаев, мыслитель столь же глубокий, сколь и честный, искренний, в своих размышлениях постоянно обращался к проблемам веры, отвергал не православие, но тогдашний уровень развития отечественного богословия. Стоит заметить, что его духовные искания были во многом типичными (по целям, не по результатам) для высокообразованной части дворянского общества, разочаровавшейся в достижениях европейской культуры и обратившейся к отечественному наследию.

Приведем некоторые высказывания «басманного философа» из статей и писем 1830-40-х годов: «Царствия Божия ищите, и все прочее вам дано будет! – Что может быть простее урока, заключенного в этих словах нашего Спасителя? Не ищите благ для самих себя, говорят они нам; ищите для других; тогда неминуемо будут они и вашим уделом; без домогания ваших найдут они вас; счастье частное не заключено ли в счастье общем?» «Религия – есть познание Бога. Наука есть познание вселенной. Но с еще большим основанием можно утверждать, что религия научает познавать Бога в Его сущности, а наука в Его деяниях; таким образом, обе в конце концов приходят к Богу...» «Есть только три способа быть счастливым: думать только о Боге, думать только о ближнем, думать только об одной идее». «Как бы то ни было, этой Церкви, столь смиренной, столь покорной, столь униженной, наша страна обязана не только самыми прекрасными страницами своей истории, но и своим сохранением». «Божественная мудрость никогда не помышляла затормозить движение мира. Это она внушила человечеству большинство идей, которые его теперь потрясают. Она не могла и не хотела упразднить свободу человеческого духа». «... я желал бы для моей страны, чтобы в ней проснулось религиозное чувство, чтобы религия вышла из того состояния летаргии, в которое она погружена в настоящее время». «Да, Библия есть драгоценнейшее сокровище человечества; она – источник всякой моральной истины; она пролила на мир потоки света, она утвердила человеческий разум и обосновала общество; Библии род человеческий главным образом обязан теми благами, которыми он пользуется, и ей будет он, по всей вероятности, обязан и концом тех бед, которые еще тяготят над ним; но воздержимся от того, чтобы ставить писаное слово на высоту, которой оно не имеет, остережемся, как бы нам ни впасть в поклонение, в идолопоклонство букве, в особенности же остережемся представления, что все христианство замкнуто в Священной Книге. Нет, тысячу раз нет. Никогда Божественное слово не могло быть заточено между двумя досками какой-либо книги; весь мир не столь обширен, чтобы объять его; оно живет в беспредельных областях духа, оно содержится в неизреченном таинстве Евхаристии, на непреходящем памятнике креста оно начертало свои мощные глаголы» (92, ее. 159, 176, 208, 215, 227, 415).

Другой представитель столбового русского дворянства, Алексей Степанович **Хомяков** (1804-1860 гг.) в своих духовных и интеллектуальных исканиях стал подлинным православным богословом; апологетические труды его, учение о Церкви, полемика с католичеством и протестантизмом не потеряли своего значения до настоящего времени. В молодые годы А. С. Хомяков служил в гвардейском полку, но вскоре вышел в отставку и поселился в Москве. Он занимался историей, богословием, философией, писал стихи. Сложившийся вокруг его кружок друзей постепенно образовал новое течение в общественной мысли России – славянофильство. «До славянофилов, до Чаадаева в России было лишь поверхностное, наносное, не выстраданное западничество русского барства и полуварварского просветительства, да официально-казенный национализм, – скорее практика власти, чем идеология», – писал в биографии Хомякова Н. А. Бердяев (24, с. 5-6). То было первой в новое, послепетровское время попыткой выработки самостоятельной русской идеологии. Основой ее естественно стало православие. «Славянофилы впервые ясно сформулировали, что центр русской духовной жизни – религиозный, что русская тревога и русское искание в существе своем религиозны» (24, с. 6).

В первой половине XIX в. русская мысль, не скованная казенными рамками, помнящая исторический опыт и изведавшая соблазны и искушения западной мысли, пытается в новых, изменившихся со времен св. князя Владимира и преподобного Сергия, условиях осознать и утвердить в русской жизни основы православия, а значит – Православной Церкви. «Для славянофилов цельная жизнь духа осуществлялась лишь в Церкви Христовой и там лишь личность получала полноту и свободу, – писал Н.А.Бердяев.– Цельность достигается лишь религиозно, а славянофилы не признавали какой-то религии вообще,

религии отвлеченной, признавали лишь религию христианскую и даже православную. Истина о цельной жизни духа и была для них истиной Христовой, через Христа лишь и Его Церковь достижимой. Вне Христа и Церкви Его цельная жизнь духа рассекается и торжествует рационализм» (24, с. 17).

А. С. Хомяков как будто не знал религиозных сомнений и исканий. Его счастливая семейная жизнь скоро разрушилась, умерли жена и двое детей. Власти опасливо косились на вождя славянофилов, его богословские труды были запрещены к публикации, но все это не смутило его веру. «Через всю свою жизнь пронес Хомяков незыблемое церковное сознание, твердую, как скалу, веру христианскую, ничем не соблазняясь, ни отчего не колебался, никакого кризиса не переживал» (24, с. 19).

Приведем извлечения из сочинения А.С.Хомякова «Церковь одна», написанного в 1840-е годы: «1. Единство Церкви следует необходимо из единства Божиего, ибо Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати. Дается же благодать и непокорным, и не пользующимся ею (зарывающим талант), но они не в Церкви. Единство же Церкви не мнимое; не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в теле живом.

Церковь одна, несмотря на видимое ее деление для человека, еще живущего на земле. Только в отношении к человеку можно признавать раздел Церкви на видимую и невидимую; единство же ее есть истинное и безусловное. Живущий на земле, совершивший земной путь, не созданный для земного пути (как ангелы), не начинавший еще земного пути (будущие поколения), все соединены в одной Церкви – в одной благодати Божией.

2. ...Церковь же земная судит только себе по благодати Духа и по свободе, дарованной ей через Христа, призывая все остальное человечество к единству и к усыновлению Божьему во Христе, но над неслышащими ее призывы не произносит приговора, зная повеление своего Спасителя и Главы «не судить чужому рабу».

3. С сотворения мира пребывала Церковь земная непрерывно на земле и будет до совершения всех дел Божьих по обещанию, данному ей Самим Богом. Признаки же ее суть: внутренняя святость, не позволяющая никакой примеси лжи, ибо в ней живет дух истины, и внешняя неизменность, ибо неизменен Хранитель и Глава ее Христос...

В Церкви, то есть в ее членах, зарождаются ложные учения, но тогда зараженные члены отпадают, составляя ересь или раскол и не оскверняя уже собою святости церковной.

4. Церковь называется единою, святою, соборною (католическою и вселенскою), апостольскою, потому что она едина и свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею святятся все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или одна страна, потому что сущность ее состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех ее членов, по всей земле признающих ее, потому, наконец, что в Писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и ее любви...» (89, с. 5-7).

4. В первые годы царствования **Александра II** (1855-1881 гг.), когда в обществе стали широко обсуждаться вопросы, связанные с реформами, это нашло отражение и в церковных журналах, и в публикациях за границей (например, обличительная критика священника Иоанна Беллюстина). Единство Церкви с обществом и народом проявилось в том, что предметом обсуждения стали такие важные проблемы общественного развития как связь христианства, Русской Церкви и духовенства с национальным, социальным и культурным развитием русского народа и вытекающие из этой связи обязанности Церкви и священнослужителей. Тем не менее, в открытой печати нельзя было обсуждать вопрос об обязанностях государства к Церкви и характере отношений между ними. В то же время,

неверно было бы представлять Церковь в России того времени как заостеневший организм, нет, в ней было немало сил, и имелся потенциал для развития.

Старейший и наиболее уважаемый иерарх Русской Церкви митрополит Московский Филарет (Дроздов) воспользовался присутствием на коронации Александра II в Москве в августе 1856 г. четырех митрополитов и четырех архиепископов для проведения своеобразного архиерейского Собора. Из нескольких обсуждавшихся на нем вопросов наибольшего внимания заслуживает решение авторитетнейших иерархов о желательности перевода Библии на русский язык.

В условиях немалого общественного подъема можно было бы, на первый взгляд, потребовать от государства большего (и такие предложения раздавались – в записках видного церковного деятеля и писателя А.Н.Муравьева, архиепископа Агафангела (Соловьева), святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Никодима (Казанцева). Суть этих предложений сводилась к «оцерковлению» церковного управления, удалению из него светских чиновников, восстановлению практики регулярных созывов архиерейских и Поместных Соборов и даже – к восстановлению патриаршества. Таким образом с наступлением «оттепели», как только представилась возможность, Церковь попыталась заявить о своих правах. Реакция государства оказалась скорее негативной, чем позитивной.

После некоторых проволочек, Александр II утвердил решение о создании Русской Библии, работа над которой была завершена в 1876 г. Однако другие конкретные предложения архиереев (о созыве собора, об увеличении доли духовных лиц в церковном управлении, о восстановлении патриаршества, о создании митрополичьих округов) были оставлены «без последствий». Так сохранялась для Церкви «стесненность» синодального управления, хотя то же государство защищало Церковь и давало ей деньги. Правда, в 1860-е годы министром внутренних дел П.А. Валуевым, а затем обер-прокурором графом Д.А. Толстым были предприняты попытки проведения реформы духовного суда и духовных училищ, должностные стеснить права епархиальных архиереев и ослабить их гнет над белым духовенством. Но удалось лишь повысить правовое положение и улучшить материальное положение духовенства, существенно преобразовать систему церковного образования, другие попытки реформ были провалены архиереями (71, т. 1, с. 228). В те годы в двух столицах и некоторых провинциальных городах издаются более десяти церковных журналов, в Москве в 1863 г. создается Общество любителей духовного просвещения, в Духовных академиях развивается церковно-историческая наука, догматика и другие ветви богословия. Эти явления становились основой для будущего развития Русской Церкви.

В то же время, государству не удалось повысить авторитет духовенства в обществе, Церкви не удалось ослабить свою жесткую привязанность к государству. К сожалению, затягивалось дело возвращения раскольников (старообрядцев) в лоно матери-Церкви. В этом, как и в ряде других вопросов сказывались как петровские традиции российской государственности, так и разобщенность архиереев, определенная консервативность русского духовенства, не готового к решению стоящих перед Церковью проблем. Так, фактический патриарх того времени, митрополит Московский Филарет (Дроздов), реально оценивая возможности Церкви и общества, не помышлял о действительной самостоятельности Церкви, предпочитая широким планам и громким словам малые дела. В беседах с близкими он замечал: «Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления». Из этого святитель делал прозорливый вывод: «Скоро наступят для Церкви такие же времена, какие были для нее в первые три века. Но да будет воля Божия. Солома отлетит, останется зато чистое зерно» (83, т. 5, ч. 1, с. 177).

5. Царствование **Александра III** (1881-1894 гг.) стало для Русской Церкви «царствованием» К.П.Победоносцева, занимавшего пост обер-прокурора Святейшего Синода с 1880 г. по 1905 г. Видный юрист, один из «отцов» русской судебной реформы, К.П.Победоносцев обладал энергичным характером и твердыми убеждениями. В основе его взглядов на развитие России и Церкви лежали страх перед радикальными преобразованиями, естественно поначалу ослабляющими государство, и страх перед народом, диким, необразованным и воспринимавшим лишь обрядовую сторону церковной жизни. Обладая большими возможностями, обер-прокурор приложил немало усилий для укрепления православной веры, но не путем развития вероучения и подъема внутрицерковной жизни, а путем всяческого укрепления патриархальных основ жизни и закрепления православия как государственной религии. В то же время, необходимо отметить огромную позитивную роль обер-прокурора в решении ряда насущных практических проблем Церкви. Большой его заслугой стало широкое развитие церковно-приходских школ в России, превратившихся в самую широкую сеть начального образования. Он добился обеспечения всего духовенства государственным жалованьем, повышения окладов преподавателям духовно-учебных заведений. В эти годы стали созываться съезды епископов и миссионеров. Были учреждены четыре новые епархии, созданы четыре новые семинарии, получило широкое развитие издание духовно-нравственных книг для народа. Однако в целом охранительный консерватизм К.П.Победоносцева затормозил развитие Церкви. «В православной традиции он дорожил не тем, чем она действительно жива и сильна, не дерзновением подвига, но только ее привычными, обычными формами, – указывал прот. Георгий Флоровский. – Он был уверен, что вера крепка и крепится нерассуждением, а искуса мысли и рефлексии выдержать не сможет» (86, с. 411).

Между тем, в 1870-80-е годы образованное русское общество переживает период религиозно-моралистического возбуждения, и то же состояние характерно и для простого народа. В своих письмах святитель Феофан Вышинский многожды писал об этом: «Вслед за окончанием Крымской войны (как будто плотина какая прорвалась) широкой рекой потекли к нам западные учения о неслыханных дотоле, противных духу Христову порядках в жизни семейной, религиозной, политической, кои гласно стали слышаться в речах и читаться в печати... Нельзя не видеть, что молитвословие и церковность начали быть вытекаемы из жизни нашей. Многие живут и действуют так, как бы для них не было Господа и св. Церкви Его... Идут в театр, когда надо бы идти в церковь; учреждают гуляния с шумом и музыкой во время церковных служб и даже близ церкви, отвлекая от нее простодушных и развлекая в ней желающих благочествовать... Идут мимо церкви и не молятся, – оттого, что не помнят о ней: голова не тем занята. Входя в дома, не обращаются к иконам, не полагают крестного знамения и домохозяев приветствуют не по-христиански. Да и иконы из домов повынесли, как молоко. Есть даже такие, кои не считают долгом крестить детей своих... И это не пройдет нам даром» (8.09.1863). «Западом и наказывал и накажет нас Господь, а нам в толк не берется», – пророчествовал Вышинский старец, но оглушенное шумом прогресса российское общество не слышало его предупреждений: «Если не изменят у нас образа воспитания и обычаев общества, то будет больше и больше слабеть истинное христианство, а наконец и совсем кончится; останется только имя христианское, а духа христианского не будет. Всех преисполнит дух мира». «Закрываю отсюда, что чрез поколение, много чрез два, иссякнет наше Православие» (79, с. 172; 80, с. 69, 77).

Усиливается сектантское движение (штунда, пришедшая из немецких колоний по Волге, пашковцы, редстокисты и иные). В верхах и низах общества, вследствие переживаемого страной и народом переходного состояния коренных реформ, усиливается тревога, уверенность в неправде окружающей и собственной жизни, возникает апокалиптическое

беспокойство, вспыхивает жажда какого-то решающего поворота жизни к лучшему. В то же время возрастает значение науки, усиливается авторитет научного знания, широко распространяются идеи позитивизма. Одним из выразителей такого рода настроений стал Л.Н.Толстой, обратившийся к сфере философии и богословия и создавший свое антихристианское, антицерковное учение, сухое и рассудочное по характеру, питаемое страхом смерти. Его попытка создать «новую религию, соответствующую развитию человечества, религию Христа, но очищенную от веры и таинственности, религию практическую, не обещающую будущее блаженство, но дающую блаженство на земле», встретила в части общества понимание (86, с. 401-409). Это духовное беспокойство неизбежно отражалось и на церковной жизни.

Разного рода идеальные построения наряду с революционными идеями «хождения в народ», а затем поклонением идолю террора, оказывались страшно заманчивыми и заразительными для молодого поколения. В то же время, церковная жизнь оставалась во многом оказанной. К. П. Победоносцева пугали далеко идущие церковные идеи философа В. С. Соловьева, тревожила деятельность таких церковных подвижников и учителей духовного делания как святитель Феофан Вышинский и даже прот. Иоанн Кронштадтский, выходявших за рамки синодального регламента. Это порождало у части общества тенденцию к отходу от Церкви, остававшейся «на обочине» общественного развития или безразличие к религии («Я давно растерял свою веру и с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего», – признавался А. П. Чехов); в другой части усиливалось недовольство «бездарным безмолвием испуганных охранителей», по выражению К. Леонтьева, и стремление к самостоятельному богословствованию в рамках церковного учения. Большинство же покорно следовало сложившемуся укладу жизни, неотъемлемой частью которого была Церковь.

6. На рубеже веков общественная жизнь в России усложнилась. Соблазнов стало больше, жизнь стала опаснее, свершавшиеся события серьезнее. Постоянное «откладывание на потом» самодержавной властью назревших преобразований в общественной жизни России, в т.ч. в положении Церкви, побудили **Николая II** (1894-1917) решиться на начало еще не решения, но обсуждения главных проблем церковной жизни. В целом политика власти оказалась нерешительной и половинчатой.

В Манифесте 1903 г. было подтверждено положение православной Церкви как первенствующей и господствующей, однако Манифест 1905 г. «Об основах веротерпимости» создавал для иных конфессий, в т.ч. старообрядцев и сектантов, более свободные условия деятельности, чем для православных. Весной 1905 г. по инициативе С. Ю. Витте и митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) стали разрабатываться в нескольких вариантах планы «желательных преобразований» в православной Церкви. В них сразу же был поставлен главный вопрос – о церковном управлении, предлагалось восстановление патриаршества и соборного начала как основ церковного управления. Решительным противником этого выступил К. П. Победоносцев, однако в своем ведомстве, в Синоде он оказался в одиночестве. Несмотря на это, он смог убедить царя в своей правоте. Николай II счел «неуместным» созыв Поместного Собора в «столь тревожное время», хотя позволил собрать у всех епархиальных архиереев их мнения относительно церковных реформ и дозволил в 1906 г. деятельность Предсоборного Присутствия.

В эти годы священнослужители оказались прямо втянутыми в политическую жизнь страны. Среди белого духовенства складывались радикально-либеральные группы – депутатами II Государственной Думы стали священники Г. Петров от партии кадетов и К. Колокольцев от партии эсеров. Крайне правые группы духовенства выступали за неограниченное самодержавие, поддерживали монархические организации и боролись

против революции. Так, широкую известность получили произнесенные 17 октября 1905 г. проповеди о Страшном суде митрополита Московского Владимира (Богоявленского) и архиепископа Волынского Антония (Храповицкого). Можно предположить, что созданный в таких условиях Собор оказался бы чрезмерно политизированным.

Как бы то ни было, следует согласиться с мнением депутатов IV Государственной Думы, заявивших при обсуждении бюджета Святейшего Синода на 1916 г.: «...нужно раскрепостить Церковь, освободить Церковь от всех внешних посторонних неотчетливых влияний... Церковь не должна быть только орудием в руках государства» (Цит. по: 71, т. 1, с. 244). Однако самодержавная власть оказалась не готова к разрешению этих вопросов.

Столь же двойственным оказалось и отношение общества и народа к Церкви. На пороге XX в. вера продолжала жить в народе, тысячи паломников посещали монастыри. В то же время, верхи общества оставляли тысячи на карточных столах и рулетках, десятки тысяч тратили на отделку особняков и дач, оранжерей и покупку новомодных авто, на туалеты, драгоценности, балы и маскарады, – а низы общества несли свои рубли в «казенку», и доходный для правительства алкоголь развращал народ. Активизировались многочисленные секты скопцов, хлыстов, духоборов, молокан. В 1910 г. в одном Петербурге по воскресным дням проходило 28 баптистских собраний. В верхах общество широко распространялись различные мистические увлечения, более всего – спиритизм.

В общественном мнении возникло ироническое, а то и враждебное отношение к Церкви и к «церковникам», образованные люди стыдились ходить в храмы и публично креститься. Это положение еще в конце XIX в. предсказал святитель Феофан (Говоров), писавший: «когда в обществе начнут преобладать житейские и земные интересы, тогда оно неблагоприятно смотрит на тех, которые обнаруживают другие, неземные искания; оно даже понять не может, как можно интересоваться такими вещами, и людей, которые служат представителями образа жизни, непохожего на их жизнь, они терпеть не могут. Это совершается ныне воочию всех. Не знамение ли это времени?» (79, с. 166). Часть интеллигенции в поисках духовных ценностей предпочла Церкви – искусство. Возникновение символизма стало попыткой ухода от действительности и создания «своего мира», что прот. Георгий Флоровский оценил как «искушение демонизма» (86, с. 469). Иные продолжали поиски «своей церкви», «своей веры», выразителем таких идей стал выдающийся литератор В. В. Розанов (1856-1919 гг.), в открытой печати постоянно критиковавший реальные и мнимые недостатки в жизни Церкви.

В самой Церкви появились такие одиозные личности как Георгий Гапон, возглавивший в Петербурге рабочие кружки с видимой целью просветительства и духовного просвещения, а на деле выполнявший указания то революционеров, то охраны. Не менее яркой авантюрной личностью был священник Илиодор Труфанов, демагогическими проповедями вызывавший массовые волнения в народе. В высших кругах столичного общества появился Григорий Распутин, странник, искавший Бога, но поддавшийся искушениям «мира сего».

Но в то же время активизировалась миссионерская деятельность Церкви, в разных городах возникали православные братства, развивалось трезвенническое движение, в котором видную роль играли священники (в Петербурге общества трезвости возглавил священник Александр Рождественский (1872-1905)). В общественной жизни возникает течение «богоискательства». Самым громким и ярким поворотным событием в отношении интеллигенции к Церкви и вере стало появление в марте 1909 г. сборника статей «Вехи». Это был сборник статей о русской интеллигенции, которая крайне враждебно встретила его. Авторы впервые за последние десятилетия обратились в поисках истины к Церкви; один из авторов сборника, С.Н. Булгаков (1871-1944), пройдя путь «от марксизма к идеализму», в 1917 г., будучи профессором университета, принял сан священника, а в дальнейшем, в эмиграции стал известным богословом.

Стоит заметить, что, по мнению подавляющего большинства иерархов Русской Церкви (опубликованному в 1906 г. в четырех томах), Церковь нуждалась в разного рода преобразованиях и прежде всего в большей самостоятельности. В церковной и светской печати обсуждались самими священнослужителями вопросы о богослужебном языке (предлагалось заменить церковно-славянский язык русским), об исправлении богослужебных книг, об упорядочении богослужебного устава, о совершении литургии и обрядов, о возможности богослужебного творчества. Таким образом, в самой церковной среде уже сформировалось понимание неблагоприятного положения и имелись силы для его преодоления.

Противоречивым явлением, свидетельствующем, однако, о непрекращающемся духовном творчестве в Церкви, стало возникновение течения т.н. имяславцев. В 1907 г. вышла книга старца Илариона «На горах Кавказа», в которой старый монах делился своим опытом совершения известной Иисусовой молитвы. Книга была издана трижды за пять лет, встречена доброжелательно частью духовенства (преп. Варсанофий Оптинский, епископ Феодор (Поздеевский), епископ Феофан (Быстров) и др.), однако вызвала и резкую критику. Вскоре с осуждением книги выступил известный и авторитетный иерарх, архиепископ Антоний (Храповицкий, 1863-1936 гг.), который в 1913 г. обвинил автора и его последователей в том, что они обожествляют самые звуки и буквы имени «Иисус». Вспыхнувшая в печати полемика имела давние корни в спорах об исихазме, учении св. Григория Паламы, но в условиях государственной Церкви ее нормальное завершение оказалось невозможным. На Афоне греческие монашеские власти объявили имяславцев «еретиками», в русских монастырях им запретили совершать богослужение, потом лишили их продовольствия, получения почты, денежных переводов. Для разрешения конфликта прибыл архиепископ Никон (Рождественский), но он не сумел уговорить отказаться от своих идей имяславцев. 3 июля 1913 г. 883 (по иным данным более 1 тысячи) монаха-имяславца были насильственно, с помощью 118 русских солдат выселены с Афона, а после прибытия в Россию они были частью лишены монашества, частью разосланы по монастырям. Спор об имяславии продолжается до настоящего времени.

7. Приведем некоторые фактические данные о состоянии Русской Православной Церкви в синодальный период. Имелось 69 епархий (разделенных в 1764-1867 гг. на три степени), в т.ч. Грузинский экзархат, Алеутская епархия в США, духовные миссии в Японии, Китае, Иерусалиме и Персии. Доля расходов на церковные нужды в государственном бюджете составляла в 1832 г. – 0,6%, 1857 г. – 1,3%, 1887 г. – 1,3%, 1897 г. – 1,5% (71, т. 1, с. 655).

Число церквей составляло: 1722 г. – 15,8 тыс., 1825 г. – 27, 6 тыс., 1908 г. – 51, 9 тыс. Численность духовенства в те же годы соответственно: 61,1 тыс. чел., 101,0 тыс. чел., 107,9 тыс. Количество монастырей: 1701 г. – 965 мужских и 236 женских, 1810 г. – 358 и 94, 1850 г. – 464 и 123, 1908 г. – 523 и 408, 1914 г. – 550 и 475. Число монашествующих: 1724 г. – 14,5 тыс. мужчин и 10,7 тыс. женщин, 1796 г. – 4,2 тыс. и 1,7 тыс., 1850 г. – 10,0 тыс. и 8,5 тыс., 1908 г. – 18,5 тыс. и 53,6 тыс., 1914 г. – 21,3 тыс. и 73,3 тыс. (49, т. 1, с. 665, 666, 669).

8. К числу виднейших русских иерархов XIX в. принадлежат святители Филарет (Дроздов), Игнатий (Брянчанинов), Иннокентий (Вениаминов) и Феофан (Говоров), архиепископ Иннокентий (Борисов), митрополит Филарет (Амфитеатров), митрополит Макарий (Булгаков).

Состав епископата в синодальный период пополнялся преимущественно за счет не монастырского, как ранее, а ученого монашества. В то же время, поскольку продвижение по иерархической лестнице прямо зависело от обер-прокурора, многое определялось особенностями его личности: один предпочитал более светских, другой – аскетов, третий – энергичных деятелей, четвертый – послушных простецов. Окончательное же решение о

возведении в сан епископа зависело лично от царя, которому по заведенному со времен Петра I правилу, подавали список из двух-трех кандидатов в архиереи. Значение государственной власти определялось еще и возможностями по перемещению епископа с кафедры на кафедру для его понижения, либо повышения. Постепенно сформировался институт викариатства, который проходили все молодые архиереи.

Архиерей был властью и властью высокой, окруженной в народе ореолом почитания и поклонения. Высокомерие и властолюбие, часто – жестокость в отношении подчиненного духовенства, роскошный образ жизни были характерной чертой архиереев в XVIII в., исключения редки – святитель Тихон Задонский, митрополит Гавриил (Петров), митрополит Платон (Левшин), но в XIX в. постепенно приходит опрощение. Подчас это не принималось в народе, например, жители Костромы осуждали своего епископа Августина (Гуляницкого, 1889-1892 гг.) за его странности: «ходит по городу с визитами к знакомым пешком!», а не ездит в карете. Понятнее было, когда появление епископа вызывало «страх и трепет». Популярность епископа определялась его способностью торжественно и величаво совершать богослужение, ведь архиерейское богослужение всегда привлекает в церковь больше молящихся. Также значимым было и красноречие епископа, его умение произносить проповеди. Таким образом, в отличие от апостольских времен, епископы видели свою главную задачу в управлении верующими, а не в пастырском окормлении их.

Среди иерархов XIX в. немало выдающихся ученых, это историки митрополит Евгений (Болховитинов – 1767-1837), митрополит Макарий (Булгаков – 1816-1882), откровенно тяготившийся епископским служением, историк и богослов архиепископ Филарет (Гумилевский – 1805-1866); человек феноменальной учености архиепископ Афанасий (Дроздов – 1800-1876), знавший шесть Древних и четыре новых языка, но не оставивший после себя научных работ – он их сжигал.

Святитель **Филарет** (Василий Михайлович Дроздов – 1782-1867 гг.) своей деятельностью в Церкви составил целую эпоху, его вклад весом во всех областях церковной жизни, но он также принимал участие в делах государственных, оставил литературные произведения. Он родился в Коломне в семье бедного священника. В годы обучения в Троицкой семинарии выделился блестящими способностями и обратил на себя внимание митрополита Платона. В 1808 г. Василий Дроздов принимает монашество с именем Филарета, а в 1809 г. его переводят в Петербург. Занимая посты ректора семинарии, духовной академии, профессора философии, святитель Филарет получил широкую известность и заслужил уважение как отличный администратор, глубокий богослов и блестящий проповедник. В 1817 г. он был возведен в сан епископа, в 1821 г. назначен на московскую кафедру (с 1826 г. – в сане митрополита), на которой оставался до последнего дня жизни. На всем протяжении своего церковного служения святитель Филарет неизменно оставался верным служителем Церкви, которой служил самоотверженно. Это видно в его гениальной проповеднической деятельности.

Приведем краткие выдержки из нескольких его проповедей, глубоких по мысли и вдохновенных по тону: «...желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою... Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятыя Троицы? Вошел бы я в него на всеобщее бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их досягает до неба... Отворите мне дверь тесной келлии, чтобы я мог вздохнуть ея воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия...» (произнесено в Лавре в 1842 г.);

«*Рече Мариам: се раба Господня, буди мне по глаголу твоему*» (Лк, 1:38)... Кто слышит Твой тихий глагол в Твоей затворенной молитвенной храмине? Кто провидит, какие огромные дела ведет за собою Твое малое слово? Мир ощущает ли сию минуту, в которую делается перелом всецелой судьбы его, в которую изменяются отношения между землею и

небом? Знает ли мечтающий о всемирном владычестве Рим, что в одной из дальних областей его, некая дочь царей, называющая себя «рабой Господней», изрекла приговор, который готовит миру нового, лучшего, высочайшего Владыку, а Риму разрушение гордого и своенравного владычества?..» (произнесено в Чудовом монастыре в праздник Благовещения в 1843 г.).

В праздник столетия Московского университета в 1855 г. московский митрополит произнес свое приветственное слово в университетской церкви св. мученицы Татианы: «Обитель высших учений празднует ныне день своего рождения... С благоговением приводит она и наставников и наставляемых пред лице Учителя, который провозгласил Себя единственным учителем и следственно всех человеческих учителей низвел в разряд учеников... Аз есмь путь и истина и живот (Ин, 14:6)... Ревнителям знания, просвещения, мудрости, следственно ревнителям истины, не радостно ли видеть, какую высокую важность дает Он истине, и как сильно побуждает к исканию и уразумению ея... Но скажет мне кто-нибудь: это истина Божия; предоставляем ее богословам; нам предлежит подвиг о истине естественной, полезной для человека и для общества человеческого?.. Для чего хотят рассекать истину? Рассекать значит убивать. Нет жизни без единства. Неужели думают, что истина Божия и Христова есть нечто постороннее для истины естественной... и что последняя так же может жить без первой, как и в соединении с нею?.. Исторгните солнце из мира: что будет с миром? Исторгните сердце из тела: что будет с телом?.. Исторгните истину Божию и Христову из человечества: с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца» (81, т. 4, с. 193-194, 235-237; т. 5, с. 293-294, 297-298).

Главным делом жизни святителя Филарета стала борьба за перевод Священного Писания с церковно-славянского на русский язык, начало которому положил он сам в 1816 г. переводами отдельных книг. Несмотря на видимую полезность Русской Библии долгие годы светская и духовная власть сопротивлялась этому, и лишь в 1858 г. Александр II позволил начать работу. В 1860 г. вышло в свет на русском языке Четвероевангелие, а полный текст Библии (т.н. Синодальный перевод) был опубликован в 1876 г.

Московский архипастырь был поэтом, помимо переводов с греческого его перу принадлежит поэтический ответ А.С.Пушкину на стансы «Дар напрасный, дар случайный...» Святитель Филарет был прямо причастен к государственным делам – он составил в 1823 г. акты об отречении великого князя Константина Павловича от прав на российский трон и о передаче этих прав великому князю Николаю Павловичу, в 1861 г. ему было поручено написание Манифеста об освобождении крестьян. Святитель был награжден всеми высшими наградами империи, однако власть побаивалась его независимого характера. Например, он, несмотря на гнев Николая I, отказался освятить построенные в Москве Триумфальные ворота с изображениями языческих богов. С 1842 г. его перестали призывать на заседания Святейшего Синода, хотя обер-прокуроры постоянно обращались к «Филарету мудрому» за советами.

Московский архипастырь, будучи ревностным монахом, хорошо знал мир, в котором жил. В своем епископальном отчете за 1863 г. он писал: «...Литература, зрелища, вино губительно действуют на общественную нравственность. Чрезмерно размноженные светские повременные издания, усиленно распространяемые в народе, неблагоприятно действуют даже тем, что возбуждают и питают не столько истинную любознательность, сколько бесплодное любопытство, дают много чтения приятного и занимательного, но мало назидательного... делают умы поверхностными и ленивыми для глубоких размышлений о важнейших предметах знания...» Он писал о пьянстве, вошедшем в привычку, ввергающем людей в праздность и пороки, и делал вывод: «зло растет... Лучшее богатство государства...– христианская нравственность народа».

Святитель Филарет оставил обширное наследие, его перу принадлежат Катехизис, по которому почти полтора века русские люди узнавали основы Православной веры,

различные богословские сочинения, сотни резолюций по множеству церковно-административных, догматических и канонических вопросов; глубокие и выдающиеся по литературному мастерству проповеди «московского Златоуста» собраны в пятитомном собрании, сотни его писем к духовным лицам и мирянам изданы отдельными книгами, а мысли и изречения из них – в многочисленных сборниках. Приведем некоторые примеры: «На порицание лучше отвечать кротостью, нежели порицанием. Чистою водою надобно смывать грязь. Грязью грязи не смоешь»; «Слово человеческое может быть изострено как меч, и тогда оно будет ранить и убивать; и может быть умягчено, как елей, и тогда будет врачевать»; «Невидимые, но подлинные грехи видеть иногда препятствуют человеку видимые, но мнимые добродетели»; «Надо чтобы простота была не без мудрости»; «В молчании все рождается и растет. Дела, о которых рано провозглашают, часто кончаются звуком слов»; «В наше время мы много хвалимся и не довольно каемся. А время советует меньше хвалиться и больше молиться».

Святитель **Игнатий** (Дмитрий Александрович Брянчанинов, 1807-1867 гг.) родился в родовитой дворянской семье, но вопреки светскому укладу ее жизни с детства мечтал о монастырской келье. По воле отца он поступил в Военно-инженерное училище, где его блестящие способности оценил шеф училища – великий князь Николай Павлович, ставший покровителем талантливого юнкера. А сам юнкер думал не о военной или светской карьере. «Родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, тоска невыносимая – по Богу...» – вспоминал он позднее (72, с.553). В 1827 г. Дмитрий был произведен в офицеры, но тяжело заболел и тут же подал в отставку. Несколько лет с другом Михаилом Чихачевым, также оставившим службу, он странствовал по монашеским обителям. Наставником его стал старец Леонид (Наголкин). В 1831 г. он был пострижен в монашество с именем Игнатий (вопреки воле родителей), а вскоре сделан настоятелем небольшой Пельмешской обители в глубине вологодских лесов. Известие о строгом аскет-молитвеннике быстро распространилось. Митрополит Филарет (Дроздов) вознамерился перевести инока Игнатия к себе в Москву, но император рассудил по-своему. Николай I повелел возвести 26-летнего монаха в сан архимандрита, и назначил его настоятелем основанной сто лет назад Свято-Троицкой Сергиевой пустыни в 19 верстах от Петербурга. За четверть века, проведенную в этой обители, святитель Игнатий возродил в ней подлинно монашескую жизнь, а сам стал признанным духовным писателем и богословом. В 1857 г. он был хиротонисан во епископа и назначен на Ставропольскую (Кавказскую) кафедру, но в 1861 г. по болезни ушел на покой и провел последние годы жизни в Николо-Бабаевском монастыре в Костромской епархии. Самые значительные сочинения святителя Игнатия – «Аскетические опыты», «Аскетическая проповедь», собрание правил и норм монашеской жизни и многочисленные письма к верующим, просившим его советов.

Приведем выдержки лишь из трех писем святителя: от 25 октября 1864 г.: «Положение Церкви и христианства самое горестное, горестное повсеместно. Предсказанное в Писании совершается: охлаждение к вере объяло и наш народ и все страны, в которых доселе держалось Православие. В особенной чистоте оно было сохраняемо в Молдавии, Валахии, Сербии»; от 23 мая 1865 г.: «Необходима преданность воле Божией в самых попущениях Божиих. Очевидно, что христианство – этот таинственный духовный дар Божий человекам – удаляется неприметным образом (для невнимающих своему спасению) из общества человеческого, пренебрегшего этим даром. Надо увидеть это, чтоб не быть обманутым актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустного зрелища, чтоб не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, так как милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись»; от 22 марта 1865 г.: «Если оставишь всякое стремление к мнимому преуспеянию, возложив дело преуспеяния твоего на Бога, и вручишь временную и вечную участь твою воле Божией, – будешь заботиться при молитве

твоей единственно о внимании, от которого обыкновенно является и которому обыкновенно содействует умиление, то молитвенный подвиг твой получит правильность. Это значительно успокоит тебя. Спокойствие будет знамение милости Божией. Также я не советовал бы тебе очень вдаваться в рассматриванье своей греховности. Достаточно, если будешь знать это. Духовный подвиг должен быть как можно менее сложным» (39, с. 443, 446, 454).

Святитель **Феофан** (Георгий Васильевич Говоров, 1815-1894 гг.) родился в семье священника Орловской губернии. Юный Георгий от отца унаследовал светлый и глубокий ум, а от матери – нежное сердце, кротость, скромность и впечатлительность. Он шел путем своих предков, закончил семинарию и Киевскую духовную академию, но влияние киево-печерского монашества привело его к избранию пути не священника, а инока. Сильное влияние на молодого Георгия Говорова оказал там строгий аскет старец Парфений. В феврале 1841 г. Говоров принимает постриг с именем Феофан (что значит «Богом явленный»), позднее был рукоположен в сан иеромонаха и вступил на путь служения в духовных учебных заведениях. В 1847-1853 гг. иеромонах Феофан служил в Русской духовной миссии в Иерусалиме, в 1856-1857 гг. в сане архимандрита – в Константинополе. В мае 1859 г., будучи ректором Петербургской духовной академии, был возведен в сан епископа. С Тамбовской кафедры он переведен на Владимирскую, но столь успешное течение церковной карьеры не радовало святителя Феофана. Еще при своей архиерейской хиротонии он сказал: «Не скрываю, что не чуждо было бы тайным желанием сердца, если бы на мою долю выпало такое место, где бы я свободно мог предаться занятиям по сердцу». В 1863 г. святитель Феофан решился: к удивлению своих собратий он добровольно оставляет свою кафедру для того, чтобы затвориться в маленьком монастыре – Вышенской пустыне, расположенной в пустынных лесных местах Тамбовской епархии. Он был назначен туда настоятелем, но в 1866 г. подал прошение об уходе на покой, а в 1872 г. ушел в полный затвор. Он занимал две комнаты в маленьком домике, сам совершая богослужение в домашней церкви.

Более четверти века святитель Феофан прожил на Выше, и эти годы стали не только годами его возрастания в духовной, аскетической жизни, но и годами многообразного и интенсивного труда. Его библиотека насчитывала сотни томов и не только богословских трудов, но и книг по истории, философии, медицине, астрономии, географии; у него были телескоп, микроскоп, фотоаппарат, краски – и сам святитель писал иконы.

Но главное состояло в другом. Вкусив опыта старцев Киево-Печерской лавры, узнав труды древних Отцов Церкви и опыт создателей Православной аскетики, владыка Феофан стал подлинным старцем. Правда, с сотнями своих духовных сыновей и дочерей святитель не виделся, он общался с ними путем переписки. Важной частью его наследия стали «Письма о христианской жизни», «Начертание христианского нравоучения», «Путь ко спасению» (краткое обозрение аскетики).

Приведем выдержки из книги святителя Феофана «Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия»: «*Се оставляется дом ваш пуст*», сказал Господь об Иерусалиме. Значит, есть мера долготерпению Божию. Милосердие Божие вечно бы готово терпеть, ожидая добра, но что делать, когда мы доходим до такого расстройства, что не к чему и рук приложить? Потому и бросают нас. Так будет и в вечности. Все говорят: милосердие Божие не попустит вечного отвержения. Да оно и не хочет того, но что делать с теми, которые преисполнены зла, а исправиться не хотят? Они сами себя ставят за пределами милости Божией, и оставляются там потому, что не хотят выйти оттуда. Спириты придумали множество рождений, как средство к перечищению грешников. Но осквернившийся грехами в одно рождение может таким же явиться и в десяти других, а затем и без конца. Как есть прогресс в добре, так есть прогресс и в зле... Когда придет всему конец... куда девать этих ожесточившихся во зле?.. Вот и ад! Не исправившийся при

лучших обстоятельствах исправится ли при худших? А если же нет, то вот и вечный ад! Не Бог виновник ада и вечных в нем мучений, а сами грешники»; «...кто не примет Царствия Божия как дитя, тот не войдет в него» (Лк, 18:17). Как же это принимать, как дитя? А вот как: в простоте, полным сердцем, без раздумываний. Рассудочный анализ неприложим в области веры. Он может иметь место только в преддверии ее. Как анатом все тело разлагает до подробности, а жизни не видит, так и рассудок – сколько ни рассуждает, силы веры не постигает. Вера сама дает созерцания, которые в целом представляют веру всецело удовлетворяющую всем потребностям естества нашего, и обязуют сознание, совесть, сердце принять веру... верующий знает истинность веры непосредственно. Сама вера вселяет в нем непоколебимое убеждение, что она вера» (79, с. 166-167, 174).

Во всех своих работах святитель Феофан стремился показать, что высшая цель христианина – единение с Богом через веру. Его учение в теоретической части основывается на идее об обожении, а в практической – на идеях православных аскетов. Он заново перевел на русский язык собрание наставлений древних Отцов Церкви, изданное в пяти томах под названием «Добротолубие»; написал толкование на все послания апостола Павла; десятки его статей были опубликованы в церковных газетах и журналах; собранные его почитателями письма составили восемь томов.

Лекция 14. РУССКОЕ МОНАШЕСТВО в XIX – начале XX в.

1. Возникновение монашества и появление на Руси монастырей относится к первым временам принятия Русью христианства. Монашество особенно сильно начинает развиваться с XI в., главным образом со времени основания в 1062 г. Киево-Печерского монастыря. Строгая подвижническая жизнь первых печерских иноков, святых Антония, Феодосия, митрополита Илариона и других способствовала принятию и укреплению в народе аскетического образа христианства. Это вело к постоянному увеличению числа монастырей, ставших важной основой Церкви, а также очагами новой христианской культуры.

По мере развития Русской Церкви развивалось и монашество, внутри которого возникли различные течения, усложнился и разнообразился уклад жизни монашества. Видимым рубежом считается здесь спор между нестяжателями и иосифлянами в начале XVI в.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю Русского государства, прямо отразились и на развитии иночества. С началом синодального периода усиливается стремление государства к обмирщению Церкви и использованию ее для государственных нужд, что прямо и негативно отозвалось и на состоянии монашества, на образе его жизни. Уже в XI в. св. Феодосий Печерский обличал в своих поучениях иноков в лености к богослужению, в несоблюдении правил воздержания и нестяжания, в ропоте на священноначалие. Стремление к отшельничеству позднее породило явление бродяжничества. Частые случаи насильственного пострижения также отражались на упадке нравов. Вотчинные монастырские владения вели к прямому включению иночества в разнообразные отношения с внешним миром. В том же направлении действовало и государство. «Духовный Регламент» Петра I прямо ставил задачей власти сдерживание численного роста монашества, «дармоедов и суеверов», по мнению этого «революционера на троне». В правление Анны Леопольдовны Синод выразил даже опасение, что русское монашество находится на грани полного уничтожения (72, с. 287).

Однако во второй половине XVIII в. Святейший Синод принимает меры к поднятию уровня нравственности в монастырях, поощряет формирование ученого монашества. Согласно «Духовным штатам» Екатерины II, в мужских монастырях 1-го класса полагалось 33 монаха, во второклассных – по 17, в третьеклассных – по 12 монахов; в первоклассных женских монастырях имелось от 52 до 101 монахини, в иных – по 17. Монастыри штатные существовали на средства от государства, заштатные монастыри – на добротные

приношения и пожертвования верующих, в XIX в. их число резко сократилось. В каждом монастыре имелись также послушники (которые готовятся к принятию иночества, но в любой момент могут покинуть монастырь), из их числа по разрешению Синода избирались кандидаты к пострижению. Тогда же было разрешено создание женских обителей, в которых насельницы не принимают монашеских обетов, но исполняют все правила монашеского общежития, в XIX в. более 100 из них были преобразованы в женские монастыри (12, т. 2, с. 164-165).

Но все же возрождение русского монашества связано прежде всего не с деятельностью государства, а с хранящимся в народе благочестием и оживлением монашества изнутри. Решающую роль в этом сыграла деятельность преподобного *Паисия* (Петра Ивановича Величковского, 1722-1794 гг.), архимандрита Нямецкого монастыря в Молдавии. Он в 17 лет принял монашество, с 1748 г. прожил несколько лет на Афоне, где основал особую монашескую общину, с частью которой переселился в 1763 г. в Валахию по просьбе тамошнего господаря для лучшего устройства там монашеской жизни. Строго аскетический образ жизни и любовь к духовному просвещению на основе святоотеческой литературы сделали его имя очень известным, а Няцкий монастырь – притягательным для православных. Преподобным Паисием были изданы на церковно-славянском языке многие произведения Отцов Церкви, забытые или утраченные в православных странах: «Добротолубие», сочинения святых Исаака Сирина, Феодора Студита, Григория Паламы, Максима Исповедника, Иоанна Златоустого и других.

Преподобный Паисий возродил не только аскетический дух и мистическое предание Восточной Церкви, но и древнее явление старчества. *Старец* – это пожилой инок, по благословению игумена занимающийся духовным окормлением юных послушников, в духовной и обыденной жизни полностью покорных воле своего наставника. Старчество стало верным средством христианского совершенствования и для самого старца и для вверенных ему послушников, а в дальнейшем и для мирян.

Ученики преподобного Паисия расселились по всей России, насаждая аскетические идеалы. Иеромонах Клеопа I принес основы старчества в Островскую Введенскую пустынь во Владимирской епархии; старец Феодосии – в Молченский Печерский монастырь в Курской епархии; старец Афанасий (Захаров) пришел к преподобному Паисию, оставив гусарский полк, в котором был ротмистром, и закончил свои дни в Площанской пустыни Орловской епархии; старец Филарет стал настоятелем Глинской пустыни в Курской епархии и сумел преобразить к лучшему ее жизнь благодаря введению строгого устава Афонской горы; старцы Феодор и Клеопа II ушли из Нямецкого монастыря в Белобережскую пустынь Орловской епархии, откуда позднее с монахом Леонидом (Наголкиным), добровольно сложившим с себя настоятельство, перешли в Новоезерский монастырь Новгородской епархии, а в 1812 г. три монаха переселяются в уединенный скит на острове Валаам. Повторим, что важную роль во введении старчества в обиход монастырской жизни сыграл митрополит Гавриил (Петров).

При создании первых русских монастырей за образец брался древний устав, предусматривающий общежительное (киновийное) устройство монашеской жизни. По разным причинам в течении веков происходил отход от этого устройства к особножительству. Немалая часть иноков дала примеры сурового подвижничества как раз на стезе отшельничества, но в целом это вело к нестроению. Опасность этого сознавали многие иерархи. Например, в начале XVI в. архиепископ Новгородский Макарий (будущий митрополит Московский) рекомендует всем игуменам своей епархии ввести в обителях строгий общежительный устав. Однако в течение четырех веков шла за это борьба с противившимися монахами, утерявшими понимание внутреннего смысла христианской аскезы для дела спасения. В 1862 г. и 1869 г. Святейший Синод выражает лишь пожелание

о введении общежития как необходимой основы монашеского подвижничества, но до 1917 г. сохранялось два типа монастырей.

Наряду с духовным, в начале XIX в. начинается и материальное возрождение монастырей. В описываемый период люди из разных слоев вносят в монастыри многочисленные вклады в виде ценностей и недвижимости. Характерно, что теперь жертвователи называют определенные благотворительные цели – не только украшение храмов, но и постройку приютов, больниц и школ. Крупнейшей дарительницей была графиня А.А.Орлова-Чесменская, которая в своем завещании в 1848 г. распорядилась пожертвовать по 5 тыс. рублей на 340 монастырей (всего 1700 тыс. руб.), а кроме того подарила ценные вещи Соловецкому и Юрьевскому монастырям и Почаевской лавре. Важным источником доходов монастырей оставалось в то же время ведение монастырского хозяйства (леса, луга, рыбная ловля, различные мастерские).

С ростом престижности монашеского служения изменялся отчасти и социальный состав монашествующих. Например, в 1823 г. в 35 монастырях московской епархии имелось 259 монахов и 261 монахиня, из них выходцами из духовного сословия были соответственно 32,4% и 19,1%, из дворянства – 1,9% и 8%, из купечества – 12,3% и 12,2%, из мещанства – 26,6% и 9,2%, из крестьян – 17% и 42,5%. В 1850-е годы всего было пострижено в монашество 886 мужчин и 357 женщин, из них доля представителей духовенства составила соответственно 53% и 11,8%, дворянства – 3,5% и 14,3%, купечества и мещанства – 17,8% и 31,6%, крестьянства – 15,3% и 31,6% (37, с. 23, 25).

Стоит заметить, что монахи-дворяне внутри обители, как правило, занимали особое положение. Для крестьян поступление в монашество означало повышение своего социального статуса. Приведем данные об образовательном уровне монашества на примерах 293 настоятелей и 310 настоятельниц монастырей и общин в 42 епархиях за 1906 г.: высшее образование имели 8,2% настоятелей и никто из настоятельниц, среднее – соответственно 22,5% и 11,6%, начальное – 26,3% и 6,4%, домашнее – 31,7% и 63,9% (37, с. 169). Четкого деления среди монастырей по сословному признаку в целом не было, хотя, например, Соловецкий и Валаамский монастыри считались «мужицкими», на Соловках в 1885 г. из 228 монахов и послушников имелось лишь два представителя дворянства (37, с. 28).

2. После упадка благочестия, в XIX в. происходит подъем религиозности, ярким показателем чего стало увеличение числа монастырей и численности монашествующих, особенно среди женщин. В истории духовного окормления русских женщин особое место принадлежит старцам – преподобному Серафиму Саровскому, преподобному Амвросию Оптинскому и преподобному Варнаве Гефсиманскому. Все трое стали основателями и духовными наставниками женских обителей – Серафимо-Дивеевского монастыря, Шамординского монастыря и Иверско-Выксунского монастыря.

Основание Дивеевской обители положила вдова полковника, помещица Агафья Семеновна Мельгунова. Лишившись мужа еще в молодые года, в Киеве она принимает монашество с именем **Александра**. Как-то во сне она получила повеление Божией Матери отправиться на север и там заложить основу великой обители. Монахиня Александра получила на это благословение киевских старцев, которые также посоветовали ей до времени скрыть свое пострижение, и отправилась в путь. По дороге из Мурома в Саровскую пустынь она остановилась на ночлег в селе Дивеево и вновь увидела во сне Божию Матерь, которая внушила ей остаться на этом месте. Александра Мельгунова покупает землю в Дивеево, поселяется там, пользуется наставлениями старцев Саровского монастыря, строит на свои средства церковь в честь Казанской иконы Божией Матери и создает женскую общину из крестьянок – вдов и девиц. После кончины Александры Мельгуновой в 1789 г., духовное попечение над общиной принял на себя иеродиакон,

позднее иеромонах Серафим (Мошнин). К середине XIX в. Серафимо-Дивеевская женская обитель получила широкую известность совершенным общежитием, строгим аскетическим деланием и неукоснительным соблюдением богослужебного устава (36, с. 121-125).

Другой монахиней-подвижницей стала игуменья **Феодания** Готовцева (1787-1866 гг.) из старого дворянского рода. После получения образования в Екатерининском институте благородных девиц в 1809 г. она выходит замуж за генерала А. С. Готовцева, но ее замужество продолжалось всего два дня. Мужу было приказано отправиться к месту боевых действий (шла война России со Швецией), где он погиб. Дочь ее умирает в четырехлетнем возрасте, и спустя несколько лет после этого вдова генерала с 12 своими крепостными девушками поступает послушницей в Горицкий женский монастырь в Новгородской епархии. Во время пребывания в обители она переписывается со старцем Феофаном (Соколовым) из Кирилло-Новоезерского монастыря, который был ревностным поборником иноческого общежития. В 1837 г. она решила принять иноческий постриг в схиму и выбрала имя в память о своем духовном наставнике. В 1845 г. монахиня Феодания получила приглашение от императора Николая I представиться ему. Николай Павлович обратился к ней с просьбой: устроить на правильных началах женский Воскресенский Новодевичий монастырь в Санкт-Петербурге (основанный в 1748 г.), введя там строгий общежительный устав, а Синоду он приказал назначить ее игуменией обители. Так было положено начало возрождению пришедшей в упадок обители, которая дважды меняла место, пока не была устроена на Московском проспекте близ Триумфальных ворот. Игуменья Феодания подвизалась в монастыре с удивительной энергией и немалым успехом, правда, ей сильно помогало покровительство императорской семьи. К концу XIX в. в обители было более 300 сестер, имелись различные мастерские по шитью золотом и жемчугом, изготовлению священнических облачений. Монахини стирали белье для сиротских приютов и домов престарелых. Были открыты приют для девочек, школы для девочек и для мальчиков (72, с. 302; 67, с. 184).

Схиигуменья **Феодания** Сидорова (1800-1888 гг.) была родом из небогатой вологодской купеческой семьи. В 27 лет она овдовела и около 20 лет странствовала по разным монашеским обителям России, совершила паломничество в Палестину. В 60 лет все свое имущество она пожертвовала на церковные нужды и приняла иноческий постриг, а в 1865 г. – великую схиму с именем Феодания. В 1866 г. ее назначили игуменья вновь воссозданного северного Свято-Троицкого женского монастыря в Шенкурске в Архангельской епархии. Мать Феодания сумела установить в обители строгое исполнение всех правил общежительного устава и стала главной духовной наставницей инокинь (72, с. 302; 67, с. 69-70).

Баронесса Варвара Шлиппенбах (наполовину немка) закончила Петербургский Патриотический институт благородных девиц и совсем молодой девушкой стала послушницей древнего Свято-Духовского монастыря в Новгороде. В 1848 г. она принимает иноческий постриг с именем **Филарета** и выполняет в качестве послушания руководство школой для девочек-сирот при Михаило-Архангельском женском монастыре в Одессе. В 1848 г. мать Филарету назначают игуменья Николаевского необщежительного монастыря близ села Лебедино в Киевской епархии. Там она организовала воскресные школы для крестьянских детей, профессиональную школу для 150 девочек и училище иконописания (72, с. 303; 67, с. 595).

3. Монастыри в России прежде всего выполняли свои функции центров народно-религиозной жизни, но некоторые имели «специализацию». Особое место занимали общероссийские святые – лавры и некоторые особо почитаемые обители, где имелись чудотворные иконы или известные старцы. В Казанской епархии, на границе с Азией и мусульманским населением создавались обители для выполнения миссионерских функций,

что способствовало также просвещению некоторых отставших в своем развитии народов. В Поволжье для борьбы с расколом создавались единоверческие монастыри, к концу XIX в. их имелось во всей России 16. Были «исправительные» монастыри, выполнявшие функции церковных мест заключения по церковному суду для совершивших различные нарушения или преступления священнослужителей и мирян (раскольников, двоеженцев, жестоких помещиков, богохульников, отступников от норм православия, послушников родителей). Из них самыми известными были Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале и Соловецкий монастырь, а самый известный заключенный в них – монах-прорицатель Авель. Можно назвать и «рабочие» монастыри, в которых усилиями монахов (отчасти и добровольных «трудников») успешно и эффективно велось обширное хозяйство. Например, в первом классе Соловецком монастыре имелись верфь, скотный двор, кожевенные, сапожные и швейные мастерские, пекарни, были свои школы и даже монастырская школа живописи. Всех богомольцев в течение трех дней бесплатно обеспечивали питанием в трех трапезных (37, с. 115; 40, с. 23-24).

Из монашествующих выходило большинство православных миссионеров и богословов, все иерархи, хотя их судьбы складывались очень по-разному.

Среди русских монахов-миссионеров одним из самых известных является **Иакинф** (Никита Яковлевич Бичурин, 1777-1853 гг.). Он родился в семье диакона-чуваша, в 1800 г. по окончании Казанской Духовной академии, принял монашеский постриг. В 1802 г. в сане архимандрита назначен настоятелем Вознесенского монастыря близ Иркутска и ректором Иркутской семинарии. В 1807 г. назначен главой Пекинской духовной миссии и настоятелем Пекинского Успенского монастыря. Во время пребывания в Китае в 1808-1820 гг. архимандрит Иакинф обрел главное дело своей жизни – синологию. Он изучал язык, философию, историю, культуру, хозяйство Китая, собрал обширную коллекцию сочинений китайских авторов. К сожалению, в своей увлеченности изучением Китая отец Иакинф совсем запустил дела миссии, которые пришли в полный упадок. За это и другие грехи он был в январе 1822 г. предан церковному суду и сослан простым монахом в Валаамский монастырь. В 1826 г. он был возвращен в Петербург и служил при министерстве иностранных дел, в 1831 г. просил о снятии монашеского сана, Синод был согласен, но Николай I отказал ему в этом.

Совсем иным был другой монах, подлинный миссионер – архимандрит **Макарий** (Михаил Яковлевич Глухарев, 1792-1847 гг.). «У него было открытое сердце, исполненное смирения и любви, в сочетании с энергией и устремленностью к одной ясной цели – переводу Священного Писания на русский язык», – писал И.К.Смолич (72, с.315). По окончании Петербургской Духовной академии он не собирался принимать монашество. Обладая врожденным талантом исследователя и блестящими знаниями еврейского языка и Ветхого Завета, он занимается разносторонней научной деятельностью. Но после знакомства с некоторыми иноками из Молдавии, наследниками преподобного Паисия, он принимает монашеский постриг, служит ректором Костромской духовной семинарии. Церковная власть запрещает ему то, что виделось главным – перевод Библии. Тогда отец Макарий в 1829 г. отправляется в Сибирь, а в 1830 г. основывает Алтайскую миссию и посвящает ей все свои силы. Он быстро изучает местные языки и переводит на них Евангелие от Матфея, Псалтирь, молитвы. В своей миссионерской деятельности он не гнался за цифрами обращенных, не прибегал к мерам давления или обмана, им обращено к православию 675 чел. В 1843 г. в связи с резким ухудшением состояния здоровья он возвратился в Россию, успел в одном из монастырей Орловской епархии поработать над переводом Библии, но вскоре скончался после тяжелой болезни (72, с. 315-316; 10, т. 2, стлб. 1547).

Из ученого монашества, как правило, выходили епископы. Исключения были редки, назовем, например, архиепископа Тобольского **Варлаама** (Петрова, ск. 1802 г.). В

Александро-Невской лавре в Петербурге он был послушником у известного старца Досифея и сформировался как истинный монах и подвижник. На своей кафедре он провел 34 года и пользовался безграничной любовью духовенства. Это был настоящий аскет в епископском облачении, смиренный, добрый, бескорыстный, все свое содержание он отдавал нуждающимся (72, с. 308; 10, т. 1, стлб. 444).

Епископ **Иеремия** (Иродион Иванович Соловьев, 1799-1884 гг.) родился в семье пономаря Орловской епархии. С юности он был расположен более всего к аскетическому образу жизни, но со смирением, подчас вопреки своим желанием, следовал по тому пути, который ему предлагался. Духовную семинарию он закончил блестяще и был оставлен преподавать там греческий язык, но вдруг оставил свое место и ушел послушником в Печерский монастырь под Брянском, где ему пришлось пасти скот. В 1823 г. он принимает монашество и по уговорам ректора родной семинарии поступает в Киевскую Духовную академию. Там он превосходил всех студентов своими способностями, но на третьем году обучения вдруг не явился на экзамен – он сделал это нарочно, дабы не получать степени магистра богословия, стремление к которой ему виделось несовместимым с иноческим смирением. Тем не менее, позднее академия присвоила ему эту степень без экзаменов. В 1841 г. Иеремия был хиротонисан во епископа и занимал в 1841-1857 гг. известные кафедры, но будучи нижегородским архиереем подает прошение об увольнении на покой. Архиерейское служение оказалось для него нелегким делом, часто порождало конфликты и внутреннюю скорбь. Уйдя на покой, он тайно принимает схиму с именем Иоанна и более Двадцати лет ведет смиренный, подлинно подвижнический образ жизни. Он оставил много научных трудов, часть которых не издана (72, с. 311; 10, т. 1, стлб. 1042).

Архимандрит **Феодор** (Александр Матвеевич Бухарев, 1824-1871 гг.) принял постриг в 22 года, сразу после окончания Московской Духовной академии, но не ради следования по пути идеалов аскетизма, а для того, чтобы полностью отдаться богословской науке. Постриг не стал для него духовным событием, новым рождением, а просто необходимым шагом в устройстве жизни. Он был оставлен преподавателем в академии, его лекции по экзегетике (или герменевтике – толкованию Священного Писания) вызывали восторг у студентов; его первые статьи вызвали интерес в обществе. Однако митрополит Филарет (Дроздов) не одобрил отстаиваемую молодым монахом идею соединения мирского с духовным в написанном Бухаревым сочинении «Три письма» в защиту «Выбранных мест из переписки» Н. В. Гоголя, а академическое начальство сочло лекции Бухарева слишком «либеральными» и «протестантскими». После получения сана архимандрита в 1854 г. он был переведен в Казанскую Духовную академию, но и там стал одним из центров духовной жизни. Начальство перевело его в 1858 г. в Петербург в Комитет духовной цензуры. В 1860 г. он издает книгу «О православии в отношении к современности», в которой указывает на необходимость социальных реформ в русской жизни в свете христианского учения. Книга вызвала резкую критику, особенно со стороны известного журналиста В. И. Аскоченского, назвавшего автора «безбожником» и «еретиком». Бухарева переводят в Никитский монастырь в Переяславле, где он упорно работает над своим толкованием Апокалипсиса. Эта его работа была запрещена к изданию Синодом, после чего в 1863 г. архимандрит Феодор подает прошение о сложении монашеского сана. После этого шага он женится. Он пишет статьи, в которых развивает идеи социального служения христианства, но эти идеи оказались чужды и либералам и консерваторам того времени. Средств к существованию у Бухарева не было, последние годы жизни он провел одиноким, в болезнях и нищете, получая помощь от немногих знакомых, в числе которых был и митрополит Филарет (72, с. 316-318).

Образ высоко ученого монаха создает жизнь митрополита московского и Коломенского **Макария** (Михаила Петровича Булгакова, 1816-1882 гг.). Он родился в небогатой семье сельского священника, показал блестящие способности при обучении в семинарии и

Киевской Духовной академии (в которой подружился с Георгием Васильевичем Говоровым, будущим святителем Феофаном, затворником Вышинским). Первые написанные им в академии исторические труды встретили доброжелательное отношение и церковного иерарха – митрополита Филарета (Дроздова), и светского историка – М. М. Погодина. По окончании академии следует принятие монашества с именем Макария, после чего молодого бакалавра оставляют преподавателем гражданской и церковной русской истории. Так начинается многолетний труд Макария в качестве церковного историка. В 1857 г. выходит первый том «Истории Русской Церкви» епископа Макария (хиротонисан в 1851 г.) и далее, параллельно с «Историей» С.М.Соловьева из печати один за другим выходят 13 томов «Истории» Макария, последние два – уже после его кончины. Архиерейское служение отчасти было тягостно Макарию, устававшему от административных дел, хотя и выполнявшему их со всем тщанием, введя некоторые преобразования в епархиях, где служил. Находясь с 1879 г. на Московской кафедре, в своих проповедях он обличал революционеров, ненавистников порядка, и призывал всех христиан к любви. Владыка Макарий, не любивший пышности и раболепия, запрещал священнослужителям в своих епархиях в приветственных речах употреблять льстивые выражения, а при встрече с ним – совершать земной поклон. Истинный аскет, он особое внимание обращал на духовное просвещение, расходуя на эти цели свои сбережения и гонорары. В своем завещании он распорядился употребить оставшийся капитал на учреждение премий, присуждаемых поочередно Синодом и Академией наук за научные исследования по богословским и светским гуманитарным наукам, и Макариевская премия стала одной из самых почетных (58, т. 1, с. 11-32).

4. Самой большой известностью пользовались старцы, нескольких из них знала вся Россия. Преподобный **Серафим** (Прохор Мошнин, 1759-1833 гг.) родился в Курске в семье купца. С детских лет он искал одиночества, усердно читал Священное Писание и Жития святых, очень любил богослужение. В 18 лет он совершил паломничество в Киев и у старца Досифея испросил благословение на пострижение в монашество, причем прозорливый старец сразу направил его в Саровскую обитель. После восьми лет послушания, в 1786 г. Прохор был пострижен с именем Серафим, что означает «пламенный», и воистину он пламенел верой. Во время тяжелой болезни – водянки он отказался от помощи врача, но получил помощь от чудесного явления Божией Матери. При одном из служений иеродиаконном за ранней литургией Великого Четверга ему было дано увидеть Бога.

В 1793 г. его рукополагают в иеромонаха, но преподобный стремился к более строгому аскетизму. На следующий год он оставляет монастырь и начинает посреди густого леса свое отшельническое служение в маленькой хижине, состоящей из одной маленькой комнатки, освещаемой двумя окошками. Зимой, после сильных снегопадов сообщение с монастырем вовсе прекращалось. В те годы преподобный Серафим был высокого роста и сильного телосложения, имел свежее лицо, ясные синие глаза, длинные светлые волосы его достигали плеч, большая широкая борода обрамляла лицо. Его одежда была крайне проста и белого цвета, на ногах лапти, на голове – белая шапочка. На груди он носил железный крест, подаренный матерью, а на спине – мешок с камнями и Евангелием. Под рубахою он носил несколько железных крестов и был препоясан железным поясом. Зимой он рубил дрова для печки, но топил ее слабо. Летом выращивал овощи на огороде, которыми и питался. На первой неделе Великого поста старец не вкушал никакой пищи. Два года во время своего отшельничества он питался только одним растением – сниткой в свежем, сушеном и вареном виде.

Подобно Симеону Столпнику, три года он провел в коленопреклоненной молитве на камне. Ежедневно он прочитывал несколько глав из Евангелия и Посланий апостольских, а также аскетические писания Отцов Церкви, но главным его занятием была молитва. В

своем уединении он не общался с посторонними лицами. «Мы бегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христова, но пороков, ими творимых. Удаляемся мы из общества братьев не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог», – говорил он (36, с.290). Весь образ жизни преподобного Серафима следовал заветам св. Василия Великого. Позднее он рассказывал о бесовских искушениях, которые посещали его среди ночи. На вопрос о злых духах, преподобный ответил: «Они гнусны».

Осенью 1801 г. на него напали трое крестьян с требованием денег. Не найдя ничего, разбойники жестоко избили старца, причем он не сопротивлялся. Придя в монастырь, он отказался от помощи врача и чудесным образом поправился, но после этого остался навсегда согбенным. Пойманных разбойников он простил. В 1806 г. преподобный Серафим избирает подвиг молчания (и отклоняет избрание его игуменом обители). Три года он прожил в совершенном молчании, не разговаривая даже с монахом, приносившем ему хлеб. Когда кто-нибудь приближался к нему, он набрасывал платок на лицо или падал на землю. В 1810 г. старец возвращается в монастырь и начинает новый подвиг – затворничество, продолжавшееся пятнадцать с половиной лет. Годами он жил в нетопленной келье, спал сидя на полене или в сделанном им самим гробу. Дни напролет старец молился и читал вслух Евангелие, Послания и Деяния апостольские. По воскресеньям и праздникам он причащался Святых Даров, которые ему подавались через окошечко в двери. Он не принимал никого, даже приехавшего архиерея.

В ноябре 1825 г. он открывает дверь своей келий внешнему миру. Начинается его старчество. Всех посетителей преподобный Серафим принимал с равной любовью и вниманием. Часто после беседы старец возлагал епитрахиль на голову исповедовавшегося, произносил разрешительную молитву и помазывал его от всегда горящей лампы, а на прощание целовал со словами: «Христос воскрес, радость моя!»

Толпы посетителей ожидали батюшку Серафима каждый день и ходили за ним постоянно. Дар прозорливости у старца поражал людей, он также имел дар исцеления. Особенную известность получило чудесное исцеление помещика Михаила Мантурова, от которого отказались врачи. По молитвам преподобного Мантуров смог встать на ноги и ходить. На его вопрос, чем отблагодарить Бога, старец ответил: «Радость моя, отдай все, что имеешь, Господу и прими на себя добровольную бедность!» Помещик опешил, как же ему прожить с молодой женой? Старец, узнав его мысли, ответил сразу: «Оставь все и не беспокойся о том, о чем ты сейчас думаешь. Господь не оставит тебя ни в этой, ни в будущей жизни. Ты не будешь богат, но хлеб насущный у тебя всегда будет». Мантуров продал свое поместье, дал вольную крестьянам и купил маленький кусок земли близ Сарова, который потом пожертвовал вместе с деньгами Дивеевскому женскому монастырю.

В сентябре 1831 г. в Саровскую пустынь привезли больного помещика Николая Мотовилова, он три года не мог ходить. На руках четыре человека отнесли его в ближнюю пустыньку к преподобному. «Да ведь я не доктор, – ответил старец. – К докторам надобно относиться, когда хотят лечиться». Мотовилов объяснил, что врачи от него отказались, и он надеется только на Бога. «А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек и в Пречистую Его Божию Матерь, что она есть Приснодева?» «Верую». «А веруете ли, что Господь Иисус Христос мгновенно и одним словом может исцелить вас?» «Верую всей душой и сердцем!» «А если веруете, то вы здоровы уже!» И преподобный Серафим сам приподнял Мотовилова и поставил на ноги. «Крепче стойте, ваше боголюбие, – вы совершенно здоровы теперь!»

Позднее Мотовилов не раз навещал преподобного Серафима, ему было дано увидеть великого старца «светлее солнца» в момент сошествия Святого Духа, ему были открыты многие тайны. Одна из них состоит в учении о стяжании Святого Духа. Мотовилов с юных

лет задавался вопросом, в чем состоит цель жизни христианина, но ему обыкновенно отвечали просто: «Ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божий, твори добро – вот тебе и цель». А некоторые даже негодовали на него за небогоугодное любопытство и говорили: «Высших себя не ищи». «Но они не так говорили, как бы следовало, – сказал старец Мотовилову, когда в зимний день они сидели на полянке посреди леса.– Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит. Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго...», главным средством для чего является сердечная молитва. И вот тогда-то Мотовилов взглянул в лицо его – «и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе: в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпавшую сверху и меня и великого Старца». Наряду с этим видением, Мотовилову дано было ощутить «необыкновенную радость во всем моем сердце», «тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу», «необыкновенную сладость», «теплоту» и «бесподобное благоухание» (61, с. 560-598).

Преподобный Серафим еще при жизни почитался святым. Он был канонизирован семьдесят лет спустя после кончины, в 1903 г.

Во второй половине XIX в. большую известность имела Козельская Оптина пустынь, именно в ней традиции старчества получили наиболее полное развитие. Пустынь (т. е. монашеская обитель) существует с середины XVII в., в 1821 г. при ней был создан скит во имя Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Первым известным Оптинским старцем стал иеромонах **Леонид**, в схиме – Лев (Наголкин, 1769-1841 гг.). Иеросхимонах **Макарий** (Иванов, 1788- 1860 гг.) стал его преемником, именно он заложил традицию письменных ответов старцев на вопросы верующих (оставил пять томов своих писем) и развернул издательскую деятельность для возвращения в обиход верующих трудов Отцов Церкви.

Из сонма Оптинских старцев выделим преподобного **Амвросия** (Александра Михайловича Гренкова, 1812-1891 гг.). Он родился в семье пономаря в Тамбовской губернии, в детстве был бойким, смышленным и веселым мальчиком. Окончив с отличием семинарию, он стал служить учителем в духовном училище. Как-то тяжело заболел, надежды на выздоровление почти не было, и он дал обет в случае выздоровления пойти в монастырь, но по словам самого старца, еще четыре года «жался, не решался сразу покончить с миром». Летом 1839 г. по дороге в Троице-Сергиеву лавру, Александр Гренков со своим другом заехал к старцу Илариону в Троеруково. И подвижник сказал Гренкову: «Иди в Оптину, ты там нужен», а другу посоветовал пока пожить в миру. Пометавшись несколько дней, молодой учитель тайно ото всех сбежал в Оптину.

В 1842 г. Александр Гренков был пострижен в монашество, в 1845 г. был рукоположен в иеромонаха. Несколько лет он был келейником старца Макария (Иванова), стал его учеником и преемником в старчестве. После тяжелой болезни в 1846 г. он был признан инвалидом и выведен за штат, занимался подготовкой к изданию святоотеческих книг и писанием ответов от старца к духовным чадам. После кончины старца Макария для него был построен домик, «хибарка», в которой он принимал посетителей с утра и до глубокого вечера.

Его лицо было лицом настоящего великорусского крестьянина, с белой бородой и умными глазами, взгляд которых проникал глубоко в человеческое сердце. Он неизменно

был скромнен и благодушен, и в его речах посетители обнаруживали изумительно богатый опыт, знание жизни и людей. Каждый вопрос и каждую просьбу, самую жгучую и жизненно важную или практическую он рассматривал с одинаковой серьезностью и вниманием. А между тем, он был очень тяжело болен, после 1868 г. уже не мог ходить в церковь и причащаться в келье; он мог есть только протертую пищу и в количестве, какого хватало трехлетнему ребенку.

Необъяснимо здравым смыслом, как в таком состоянии он мог принимать каждый день толпы людей, монахов (приходивших на исповедание помыслов) и отвечать на десятки писем (ответы под его диктовку писали келейники). К нему шли крестьяне, купцы, аристократы, интеллигенты. В 1878 г. побеседовать со старцем приехали Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев. Трижды к нему приезжал Л. Н. Толстой, о котором старец отозвался: «Горд очень». В четвертый раз Толстой приехал в Оптину в 1910 г. накануне смерти. Писатель и философ К. Н. Леонтьев, выйдя в отставку, поселился в Оптиной, где прожил 15 лет, пользуясь наставлениями от старца Амвросия.

Старец всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъясняя его и давая ответ тихим, слабым голосом. Но в продолжении десяти-пятнадцати минут такой беседы решался не один вопрос: в это время преподобный вмещал в свое сердце всего человека с его внутренним и внешним миром. Предлагая свое решение, старец имел в виду все стороны жизни, с которыми обсуждаемое дело соприкасалось. Для него не существовало тайн: он видел все. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а он знал его жизнь и обстоятельства и зачем пришел.

Иногда по живости характера это знание обнаруживалось. Однажды к нему подошел молодой человек из мещан с рукой на перевязи и стал жаловаться, что никак не может ее вылечить. Старец его перебил: «И будет болеть, зачем мать обидел?» Заметив удивленные взгляды монахов, старец смутился и продолжил: «А ты ведешь себя хорошо? Хороший ли ты сын?..»

Пришел помещик с жалобой на трудности в хозяйстве. Старец ему с живостью: «Говорят [ему никто ничего не говорил – он *знал*], возле тебя продается выгодное имение, купи!» Помещик удивился: «Продается, батюшка, да это мечта – денег нет». «Денег...– тихо повторил старец. – Деньги будут!» Стоит ли пояснять, что деньги действительно вдруг нашлись.

Как-то в Оптиной к молодому иеромонаху Палладию, только что совершившему литургию, подходит келейник старца и передает его слова: постричься в схиму и читать канон на исход души. Удивленный Палладий отвечает, что совсем здоров. Через несколько дней старец вновь посылает к нему своего келейника с таким же повелением, потом еще и еще. После четвертого раза иеромонах испытал удар, сделался парализованным и умер.

Другой помещик из Орловской губернии в разговоре с батюшкой Амвросием между прочим упомянул, что хочет устроить водопровод в своих яблоневых садах. «Хорошо! – загорелся старец. – Люди говорят [ну кто мог в скиту говорить о водопроводе?], что вот как всего лучше устраивать...» У себя дома помещик читает научный журнал, в котором описываются новейшие изобретения по этой части, только что рассказанные ему старцем.

Мелочей для старца не существовало. Он знал, что все в жизни имеет свою цену и последствия. Однажды возле крыльца старца остановила женщина, которая ходила за помещичьими индюшками. Индюшки почему-то дохли, и помещица хотела ее рассчитать. «Батюшка Абросим, – в слезах обратилась она к старцу, – пожалей меня!» Присутствующие смеялись над ней. Старец с участием расспросил, как она кормит птиц и дал ей совет, благословил ее и отпустил. Позже стало известно, что индюшки у нее больше не дохли.

По молитвам преподобного Амвросия частыми были исцеления. Иногда он как бы в шутку стукнет по голове – и болезнь проходит. Исцелялись и в безнадежных с

медицинской точки зрения случаях (например, туберкулез горла). Известен случай, когда он, услышав плач бедной крестьянки, поднял ударом хворостины мертвую лошадь. В его житиях приводят много случаев чудотворения. Свою кончину старец Амвросий предвидел. В 1988 г. преподобный Амвросий Оптинский был причислен к лику святых.

Старец иеромонах **Варнава** (Василий Ильич Меркулов, 1831-1906 гг.) всю свою жизнь провел в Гефсиманском скиту близ Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Склонный с юных лет к созерцательному образу жизни, в детские годы испытывавший несколько чудесных видений, Василий Меркулов тяготился сим миром и неудержимо тянулся к монашеству, в чем его поддерживал старец Геронтий из Зосимовой пустыни. В 1851 г. получив благословение родителей, двадцатилетний Василий отправился в лавру преподобного Сергия, где его определили в недавно основанный митрополитом Филаретом (Дроздовым) Гефсиманский скит. Здесь его наставником стал старец Даниил, опытно обучавший его прежде всего послушанию. В 1856 г. Василий Меркулов был освобожден из крепостного состояния, а в 1857 г. был принят послушником скита. В 1866 г. он был пострижен в монашество с именем Варнава, а в 1872 г. был возведен в сан иеромонаха. Тогда же лаврское начальство назначило его духовником, т.е. старцем в Гефсиманском скиту.

Теперь все дни с утра и до ночи он посвящал служению людям. Шли старушки, студенты, сановники, мастеровые, торговцы, монахини, дети, университетские профессора, простецы-паломники – для всех старец был доступен. Батюшка Варнава радовался с сорадующимися, соскорбел скорбящим; он был серьезным и полезным собеседником деловых людей, снисходительно и ласково наставлял молодежь. «Ах, сынок, сынок... На этот раз Бог простит тебя, смотри, не грехи больше!.. Сынок, ты попробуй этого не делать, удержи себя один разок, а я за тебя помолюсь – Господь и поможет». И велика была сила его молитвы. Ежедневно он подолгу молился перед чудотворным Черниговским образом Божией Матери. Старец по несколько раз за год навещал своих Духовных чад в Москве и Петербурге.

По описаниям посетителей, его лицо всегда было озарено светлой радостью, несмотря на то, что он часто испытывал крайнее переутомление. Спал он не более трех часов в сутки, иногда сутки проводил без еды. Образ жизни его был строг и крайне скромнен, на чужой взгляд – просто убог. Он обладал даром прозрения и предвидения, исцелял людей от телесных и духовных немощей по их вере, хотя в серьезных случаях давал благословение лечиться у докторов.

Чудесным подвигом старца стало основание им Иверского Выксунского женского монастыря в Нижегородской епархии.

В 1995 г. иеромонах Варнава Гефсиманский был причислен к лику святых.

Нельзя не сказать и о таком ярчайшем проявлении «старчества в миру» как св. **Иоанн Кронштадтский** (Иван Ильич Сергиев, 1829-1908 гг.). Он не имел монашеского сана, был женат (хотя жил с женой как с сестрой), всю жизнь провел в миру, но его деятельность стала важной частью жизни Русской Православной Церкви. После окончания петербургской Духовной академии о. Иоанн был направлен в Кронштадт, в главный Морской собор которого прослужил 53 года. Тысячи и тысячи людей стекались к нему, чтобы присутствовать при совершении им литургии; он был вынужден прибегать к неканоничной форме общей исповеди, что было уникальным явлением в жизни Церкви. Проповеди его были кратки и просты, чаще всего он говорил о раскаянии и покаянии, советовал всегда молиться от всего сердца, церковные молитвы делать своими. Одно его слово или один взгляд часто перерождали людей, что можно объяснить только дарованным ему благодатным даром. Сохранились сотни свидетельств об исцелениях по его молитвам. В Петербурге он основал женский Иоанновский монастырь, а в Кронштадте на обильные пожертвования – Дом трудолюбия, в котором безработные и бездомные могли заработать на кусок хлеба и крышу над головой. Из числа фанатизированных его поклонников

образовалась секта иоаннитов, члены которой считали отца Иоанна – вопреки его собственной воле – воплощением Христа.

Отец Иоанн стал всероссийским пастырем. В его поездках по России его постоянно осаждали толпы людей. В качестве наставления христианской жизни о. Иоанн издал свой дневник «Моя жизнь во Христе» (получивший также широкую известность в Англии и Америке). Запечатленные там мысли не есть просто плоды самоанализа ума человеческого, но, мнению архиепископа Иоанна (Шаховского), «мысли Духа – откровение Божие» (44, с.123). «Утверди ты в уме и в сердце твоём ту истину, что невидимое играет первую роль во всем мире, во всех существах, и когда невидимое оставляет известное существо, это последнее теряет жизнь и разрушается, так что видимое в существах составляет без невидимого одну массу земли. Я и все люди живем невидимым началом»; «Людей покрывает тьма неведения о Боге, о себе самих и о врагах своего спасения, которые потому легко обкрадывают мысленный дом души нашей, его мысленное богатство»; «Мы только называем Господа Богом, а на деле-то у нас свои боги, потому что волю Божию не творим, а волю плоти своей и помышления, волю сердца своего, страстей своих; наши боги – плоть наша, сласти, одежды, деньги и проч.» (43, т. 1, с. 94, 341).

Отца Иоанна Кронштадтского воспринимали не только как духовника России, но и как пророка, посланного для призыва ее к покаянию. «Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами» – таково одно из многих пророчеств о. Иоанна Кронштадтского, в 1990 г. причисленного к лику святых.

Лекция 15. ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ в XX в.

1. К началу современной эпохи Христианская Церковь столкнулась со многими внешними и внутренними трудностями. Возникшая на Западе на основе христианства культура Средних веков дала человеческому мышлению новый масштаб, новую глубину; было создано много великого в разных сферах европейской культуры. Однако со временем материальный прогресс привёл людей к представлению о безграничных возможностях человеческого разума и деятельности людей, одновременно ослабло или исчезло упование на будущую жизнь вечную в Царстве Небесном. Христианские ценности вытеснялись из практической сферы в умозрительную, укреплялся скептицизм в отношении веры, которая становилась «личным делом» каждого. Эти процессы неуклонно вели к кризисным явлениям в западной культуре, но проявились и в России.

Охлаждению отношения людей к христианству способствовало утверждение в XVIII в. в эпоху Просвещения рационалистического (с позиций разума) подхода к познанию и осмыслению мира, породившее сомнение в традиционных авторитетах и ставшее основой атеизма (от греч. «безбожный», «нечестивый») – отрицания существования личного Бога. Метод исторического критицизма, примененный к Священному Писанию, подорвал в глазах многих авторитет Библии как Божественного Откровения. Развитие науки и техники также способствовало ощущению людьми своего могущества и возрастанию чувства независимости от Бога. Капиталистическое (точно также как и социалистическое) развитие требовало индустриализации и создания мегаполисов, что вело к совершенно иному, чем ранее, укладу жизни людей. Развитие экономики превратилось из средства существования людей и государств в самоцель. Сформировалась иная, основанная не на христианских ценностях культура модерна. Ужасы первой и второй мировых войн вызвали кризис христианского сознания и подтвердили распад былого христианского единства в рамках государств; внутри общества вера и Церковь оказались отесненными на периферию общественной жизни. В сознании людей западного общества могущественными средствами массовой информации, к концу XX в. повсеместно оказавшимися в рабском подчинении у

крупного капитала и государства, насаждались новые ценности – потребительства и эгоизма.

Известный светский апологет христианства, английский писатель К. Льюис на собрании англиканских священников в 1945 г. отмечал: «Одна из наших трудностей в том, что исчезло чувство греха... Мы обращаемся к людям, которых приучили думать, что все мирское зло идет не от них, а от капиталистов, правительства, фашистов, евреев и т. п. Они думают не о том, может ли Бог простить им грехи, а о том, могут ли они простить Его за такой плохой мир» (Собрание сочинений в 8 т., т. 2, М., 1998, с. 307).

Русский священник Александр Ельчанинов еще в 1920-е годы писал: «Рационализм и материализм, отвергая религию, пытаясь научно объяснить все тайны мироздания, проявляют прежде всего научную нечестность, т. к. по существу они ничего не объясняют, положительного ответа на многое не дают и не хотят признать эту свою несостоятельность. Основная ошибка их в том, что они не видят поврежденное^{TM} грехом человеческого разума, т. е. именно той основы, на которую они опираются. Второе – то, что они считают, что все может быть объяснено. Отсюда их жалкие и бесплодные попытки дать материалистическое объяснение всему, в то время, как признание поврежденности грехом человеческой природы, а, следовательно, и разума, преклонение перед Высшим и признание существования Тайны – есть самая сущность религии. Она не дает объяснения всему – потому что и нет этого объяснения здесь, но дает обещание и предчувствие гармонии там, где будет примирение всех антиномий» (34а, с. 107-108).

На место отверженной христианской веры люди пытались поставить иные духовные и идеологические основы: марксизм-ленинизм, национализм, бездуховное потребительство и т.п., а подчас обращались к язычеству, мистицизму, буддизму. Идеал пытались заменить идолами. Таким образом, в условиях плюралистического общества христианство становится выбором отдельного человека, ему отводят место одного из множества общественных объединений, «клуба по интересам».

Этот процесс происходил постепенно. На Западе начало ему было положено в эпоху Великой Французской революции, в ходе которой одной из целей революционеров было уничтожение христианства. Ради достижения этой цели в 1789-1795 гг. произошли закрытие церквей по всей стране и продажа их имущества, отказ от христианского календаря, насаждение «революционного культа», а также репрессии против католического духовенства вплоть до физического уничтожения сотен священников. Поэтому после заключения в 1801 г. конкордата (соглашения) Наполеона с папой Пием VII, а затем реставрации старого порядка, католицизм уже не смог вернуть себе место государственной религии. Вслед за Францией на путь секуляризации в 1803 г. вступила Германия, в которой по воле Наполеона I церковные владения полностью переходили в распоряжение светской государственной власти. Это представляло собой «обычный грабеж, – пишет Йозеф Лортц. – Необычным были только размер награбленного и та культурная безграмотность, с которой большая часть прекраснейших строений в стиле барокко была превращена в дома для умалишенных и каторжные тюрьмы» (7, т. 2, с. 316).

После создания Германской империи в 1871 г. по всей Германии прокатывается волна культуркампфа – духовно-политического движения, имеющего антицерковную (преимущественно антикатолическую) направленность и основанного на идеях либерализма, атеизма и поощряемого государством национализма. Были ущемлены права католического духовенства, стеснена деятельность церковных орденов и системы духовного образования. Характер отношений государства и католиков в то время передает такой факт: согласно имперскому уголовному законодательству, духовные лица, совершившие «вредные» для государства проступки, наказывались лишением свободы сроком до двух лет. Любопытна реакция Рима на эти события. В письме папы Пия IX императору Вильгельму I от 7 июля 1873 г. говорилось: «Каждый, над кем совершен обряд

крещения, в какой-то мере принадлежит папе» (Цит. по: 7, т. 2, с. 381). Тем не менее, католицизм смог выстоять в Германии благодаря не амбициозной политике римского понтифика, а благодаря стойкости и борьбе за свои права духовенства и верующих. Во Франции в конце XIX в. также разворачивается ожесточенная борьба против христианства, что привело в 1905 г. к разрыву конкордата с Римом, т.е. отделению Церкви от государства.

Однако вера продолжала жить в народе. Её подкрепляли многочисленные чудеса исцеления, случавшиеся в Лурде, где в 1858 г. благочестивой девушке Бернадетте Субиру явилась Божия Матерь, а затем возник источник, от которого происходили исцеления. В тот век Божия Матерь являлась довольно часто, преимущественно в горных или пустынных районах, людям простым и бедным. 13 октября 1917 г. в маленькой португальской деревне Фатиме около семидесяти тысяч человек стали свидетелями чуда явления Богородицы: солнце сделалось почти бело-жёлтым, испускало разноцветные лучи света, три раза провернулось вокруг оси, а затем к ужасу всех собравшихся стало зигзагами опускаться к земле. Но собравшиеся не видели главного. Лишь трое детей, Франсиско и Жасинта Марто и Лусия Аобра видели Матерь Божию. Впервые их встреча произошла в мае 1917 г. Их рассказу тогда никто не поверил, местный падре посмеялся, староста пытался запереть их, чтобы они не пошли на следующую встречу с Богородицей. Тем не менее, известие о чудесном происшествии стало широко известным, в августе и сентябре 1917 г. к Фатиме собралось несколько тысяч людей, а в октябре – десятки тысяч. Богородица открыла детям весть о будущем мира (о будущей ужасной войне и об особой роли России в мире), завещала людям жить лучше и просить прощения за грехи, не обижать Господа нашего. Римский престол долгое время держал в тайне эти откровения.

Тем не менее, бурные революционные перемены в политике, технике, науке, в быту людей оттесняли веру на периферию их бытия. В столь радикально изменившихся условиях Ватикан начал проведение внутренних реформ. В 1917 г. папой Бенедиктом XV был провозглашен новый Кодекс канонического права, согласно которому, в частности, отменялись пытки и смертные приговоры за ересь. В 1920 г. к лику святых были причислены Жанна д'Арк, в 1936 г. – Томас Мор. Открылись новые возможности для возрастания ответственности мирян, что позволило Й. Лортцу предположить в будущем «такое положение вещей, при котором история Церкви в значительно большей степени, чем с конца эпохи древнего христианства, будет историей мирян», правда, католический автор тут же уточняет – «действующих под руководством и совместно с иерархией сакраментального священства» (7, т. 2, с. 539).

В 20-30-е годы Рим заключает новые конкордаты, папские нунции действовали в 32 странах Европы и Америки. Папы принимали активные меры для активизации деятельности верующих путем издания энциклик (посланий) на актуальные темы, проведения различных мероприятий и создания новых католических объединений (например, христианско-демократических партий). Согласно Латеранским соглашениям в 1929 г. Италия признала существование государства Ватикан (уничтоженного в 1870 г.), а католическая религия была объявлена государственной (30, с. 366). В 1933 г. папа Пий XI заключил конкордат с Гитлером, что было использовано фашистским диктатором в своих интересах, но не в интересах немецких католиков, оттесненных в «католическое гетто» (30, с. 371). Тогда же папа решительно осуждал атеистов-коммунистов, составлявших основу антифашистского движения в Европе, и запрещал сотрудничество с ними в каких бы то ни было сферах. А в Югославии под давлением Ватикана в 1937 г. были случаи жесткого разгона полицией крестных ходов перед православными церквями в Белграде.

В то же время, завершению в России «безбожной пятилетки» в 1942 г. помешала не только война, но и давление западной церковной общественности на правительство СССР. В 1941 г. американский Совет церквей Христа вынес резолюцию о том, что участие США в войне на стороне СССР недопустимо уже потому, что Советский Союз – это безбожное

государство (90, с. 270). Ф. Рузвельт сообщил об этой обеспокоенности И. В. Сталину, и бывший семинарист отчасти и по этой причине круто изменил своё отношение к Церкви.

Среди католиков и англикан в начале XX в. возникла негативная реакция на отрицательные стороны капиталистической действительности: в хозяйственной жизни – культ индивидуализма, прославление конкуренции как неизбежного закона экономики, сдерживание регулирующего вмешательства государства в экономику; в сфере нравственности – упадок нравственности и образования, связанный с утратой традиционных ценностей. Папа Лев XIII в одной из своих энциклик защищал права рабочих, а в Британии англикане провели в 1924 г. конференцию, на которой утверждали необходимость внедрения принципов равенства, призывали к тому, чтобы интересы увеличения прибыли у предпринимателей были подчинены интересам служения обществу (96, с. 327, 328).

Решительный поворот Римско-Католической церкви к современности начался в правление папы Иоанна XXIII (1958-1963 гг.), выходца из итальянской крестьянской семьи, человека мудрого и терпимого, простого и доступного для каждого. Он провозгласил и вопреки консервативным силам внутри римской курии смог начать реализацию программы обновления католической церкви, предусматривающей, в частности, диалог с остальными христианами («отделившимися братьями», как называл их Иоанн XXIII) (30, с. 397). Были установлены отношения с СССР и прекращена политика оголтелого антикоммунизма. В 1961 г. папа созывает II Ватиканский собор с целью самопознания католической церкви, приближения ее к требованиям эпохи, обновления христианской жизни верующих. В ходе работы собора в 1962-1965 гг. были подтверждены все основные догматы католичества, но разрешено совершать богослужение не на латыни, а на местных языках, мирянам было разрешено читать Библию, а католическим богословам – исследовать Священное Писание, было положено начало движению экуменизма – диалогу различных конфессий (54, с. 307-310). Перемены в политике Рима, продолженные преемниками Иоанна XXIII, привели к возрастанию авторитета католичества в мире и его широкому распространению в развивающихся странах (своеобразная «теология освобождения» возникла в странах Латинской Америки). Папа Павел VI снял отлучение от Церкви 1054 года с константинопольского патриарха, который, в свою очередь, отменил анафему на представителя папы.

В то же время нововведения II Ватиканского собора, предложенные в русле экуменизма, вступили в противоречие с христианским учением. Так, римо-католики заявили и обосновали положение о «вселенской универсальной церкви», в которую призваны по-разному войти христиане всех конфессий и «все, верующие во «Творца» – иудеи, мусульмане и язычники», что фактически отвергает истину о Церкви Христовой. В решениях собора «обоснована» возможность спасения различными путями, что также противоречит Откровению и извращает Промысел Божий о спасении человечества и миссии воплотившегося Сына Божия. Там же фактически признаны истинными боги-идолы, языческие откровения, но подвергнуты отвержению истины о Пресвятой Троице, Иисусе Христе как Едином Спасителе мира и Судии человечества и как Богочеловеке, о Его Пречистой Матери как Богородице, о Церкви Христовой (см. 28). Духовная жизнь там свелась к культу папы, подчас крайне обмирщенным формам служения, формализму в подсчете грехов и выдаче индульгенций, а также часто к крайней душевной экзальтации, по образу Франциска Ассизского. Потому-то «католики заблуждаются», – писал св. Иоанн Кронштадтский еще в начале XX в., – что «гордостью обложены как ожерельем... Папа сковал духовную свободу и совесть христиан-католиков», ведь «христиане – члены Церкви, а Церковь есть Тело Христово с Главою Самим Христом и Просветителем духом святым» (75, т. 1, с. 140-141). Однако в стремлении к созданию вселенской универсальной религии римо-католики сумели добиться немалых успехов.

Тем не менее, можно согласиться с предположением прот. Сергия Булгакова о том, что «каковы бы ни были отдельные успехи и завоевания католицизма в настоящем и ближайшем будущем (которые, к тому же, среди малокультурных народов Востока [но прежде всего Африки – А. Я.] объясняются не только религиозными мотивами, но и культурным превосходством католичества), однако можно сказать, что покорение христианского мира папизму есть задача в наше время совершенно безнадежная... Мир не станет католическим» (26, с. 395). Экспансия католицизма путем обмана и насилия в России и на Украине в конце XX – начале XXI в. как раз свидетельствует об отчаянии Рима, теряющего свою основу в Европе. В то же время, в самом католичестве «подпочвенно живет иное соборное сознание Вселенской Церкви, которое естественно стремится к иному внутреннему единству, – писал прот. Сергей Булгаков.– Об этом свидетельствует прежде всего вся живая святость, присутствующая в католичестве, конечно, не в силу папизма, но несмотря на него, а иногда и вопреки ему» (26, с. 396).

Обеспокоенность нарастанием в мире процесса апостасии (обезбоживания) ощутима в Римско-Католической церкви. Об этом пишет в своей книге кардинал Йозеф Ратцингер, с 2005 г.– папа Бенедикт XVI: «Положение веры и богословия сегодня в Европе отмечено реакцией усталости по отношению к Церкви. Противопоставление «Иисус – да, Церковь – нет» кажется типичным для образа мыслей целого поколения. Перед лицом подобного отношения нет большого смысла пытаться подчеркнуть позитивные аспекты Церкви, показывая, что она неотделима от Христа. Чтобы по-настоящему понять нелегкую ситуацию, в которой оказалась в наше время вера, нужно идти глубже. В действительности за столь распространенным противопоставлением Иисуса Церкви кроется, в конечном счете, христологическая проблема. На самом деле это противопоставление, по отношению к которому мы должны занять определенную позицию, выражается не в формуле «Иисус – да, Церковь – нет», а в другой: «Иисус – да, Христос – нет» или «Иисус – да, Сын Божий – нет». Иисус сегодня наводняет Собою все вокруг, в самых разных вариантах: Иисус как ключевое слово политического выбора в критический момент. Все эти явления – не что иное, как выражение разных форм религиозного энтузиазма или страсти, стремящихся ухватиться за таинственную фигуру Иисуса и Его внутреннюю силу, но не желающих и слушать, что говорят об Иисусе Церковь и вера евангелистов, заложившая основу веры Церкви. Иисус оказывается как бы одним из «тех людей, что дают мерку человеческого», по словам Карла Ясперса. Нас в Нем трогает и задевает именно человеческое; исповедание Его Единородным Сыном Божиим могло бы только отдалить Его от нас, сделать Его чуждым нам, оттеснить куда-то в недоступное и нереальное и в то же время отдать Его во власть Церкви, ее владению. Разделять Иисуса и Христа – значит тем самым разделять Иисуса и Церковь: Христос предоставляется Церкви и кажется ее созданием. Отворачиваясь от Него, мы надеемся обрести Иисуса, а с ним – новую форму свободы, «спасения».

Но подумаем о причинах такого отношения в наше время. Их много. Первая из них, скорее поверхностная, но крайне активная, – это желание реконструировать Иисуса «исторического» из Иисуса библейского, дистиллировав Его, исходя при этом как бы из источников, но в то же время против них самих, согласно критериям так называемого современного видения мира и историографии, вдохновленного Просвещением. Предполагается, что в истории может произойти только то, что по сути своей всегда возможно; предполагается, что нормальная причинно-следственная связь не может прерваться, а стало быть, то, что вопреки известным нам законам неисторично. Поэтому Иисус Евангелий не может быть подлинным Иисусом; нужно найти нового, Которого следует прежде «освободить» от всего того, что может найти объяснение только в Боге. Принцип, которым руководствуется такой процесс восстановления образа Иисуса, по очевидным причинам исключает все, что может в Нем показаться Божественным: этот «исторический» Иисус может быть только не-Христом, не-Сыном. Так получается, что с

человеком сегодняшнего дня, который соглашается руководствоваться подобными объяснениями при прочтении Библии, говорит не евангельский Иисус, а Иисус Просвещения, «просвещенный» Иисус. Тогда с Церковью покончено: она становится лишь организацией, учрежденной людьми, пытающейся, более или менее умело, более или менее систематично, использовать этого Иисуса. Разумеется, сами Таинства тоже терпят провал: о каком реальном присутствии «исторического» Иисуса в Евхаристии может идти речь? Остаются только знаки учреждения общины, ритуалы, обеспечивающие ее объединение и стимулирующие ее деятельность в мире.

Искушение, заместительная Жертва, удовлетворение – все это ни о чем ему не говорит» [см. 44а, с. 38-40].

Следует отметить в политике Иоанна-Павла II (папа Римский с 1978 г., первый папа – славянин) большую активность во всемирной пропаганде католицизма, а также более жесткую позицию в богословских вопросах, чем у Иоанна XXIII и Павла VI. По указанию папы в 80-е годы XX в. к церковному суду были привлечены швейцарский теолог Ганс Кюнг, отрицающий догматы о Св. Троице, папской непогрешимости, и несколько американских, французских, бельгийских и немецких теологов за «отклонение от истинного вероучения». Между тем, наряду с католическими теологами в XX в. большой вклад в развитие западного богословия внесли Х. Тилике, К. Барт, П. Тиллих и др. представители евангельского и неоортодоксального христианства.

Стоит назвать в этом ряду и имя английского писателя Герберта Честертона (1874-1936 гг.), католического апологета, написавшего ряд христианских апологий, самая известная из которых «Вечный человек» (1925 г., русский перевод 2004 г.). Раскрывая принципиальное отличие христианства от иных верований, Г. Честертон писал: «Теософы строят пантеон – но это пантеон для пантеистов. Они созывают парламент вер, думая объединить всех людей, – и объединяют всех умников... Мы не поймем, что такое Церковь и почему с давних пор так звенит ее голос, если не поймем, что однажды мир чуть не погиб от широты взглядов и братства всех вер»; «Христианство смотрит на мир через тысячу окон, а древние стоики или наши агностики – через одно. Оно смотрит на жизнь глазами самых разных людей. У него найдется ключ для всех настроений, для всех человеческих типов, ему ведомы тайны психики, бездны зла, оно умеет отличать ложное чудо от истинного, а его тонкость, такт, воображение – многообразны, как реальная жизнь, которую не охватишь заунывными или бодрыми трюизмами древней и новой этики»; Г. Честертон для понимания явления веры предлагает образ ключа: «Вера подобна ключу в трех отношениях. Во-первых, у ключа определенная форма, без формы он уже не ключ. Если она неверна, дверь не откроется. Христианство, прежде всего, философия твердых очертаний, оно враждебно всякой расплывчатости. Это и отличает его от бесформенной бесконечности, манихейской или буддийской, образующей темную заводь в темных глубинах Азии... Во-вторых, форма ключа очень причудлива... [но] о ключе спорить нечего, он или входит в скважину или нет... И в третьих, форма ключа не только точна, но и сложна... во многом ключ сложен, в одном – прост. Он открывал дверь»; «Да, в недавние время мы видели, как умирает вера, но то же самое видывали люди много веков назад. И тогда, и сейчас это кончилось одинаково. Вера не исчезла; к нам возвращается даже то, что казалось давно утерянным» (с. 234, 238, 262, 295).

В 1996 г., по оценкам, доля христиан в населении Земли составляла 34%, мусульман – около 18%, индуистов – 13,5%, буддистов – 6%, иудаистов – 0,3%. В мире насчитывалось 213 млн. христиан, принадлежащих к Православной Церкви, 980 млн. католиков, 6 млн. старокатоликов, 350 млн. протестантов, 58 млн. англикан, около 500 млн. иных христиан (96, с.210-211).

Например, в Великобритании, по данным социологов, около 10% населения посещает церковь по воскресеньям, из них 3% принадлежат к англиканам, около 4% – к католикам,

около 3% – к протестантам. В Италии 85% жителей заявляют о своей принадлежности к католицизму и 33% регулярно посещают службу в церкви; в США в церковь регулярно ходит около 42% населения, во Франции – около 13% (96, с. 229-230). Однако, в 2002 г. шесть из десяти опрошенных американцев назвали веру «очень важной частью своей жизни», что, возможно, стало следствием потрясения 11 сентября 2001 г. (International Herald Tribune, 21-22.12.2002). Это предвидел Г. Кюнг, писавший в 1985 г.: «если нас не обманывают глаза, мы сейчас в самом разгаре процесса нового открытия религии в первом, втором и третьем мирах. Религия оказывается более устойчивой, чем того хотелось бы диагностам от культуры, придерживающихся критических по отношению к религии позиций всех оттенков» (52, с. 390-391).

Англиканское содружество объединяет Церковь Англии – 26 млн. чел., Церковь Ирландии – 210 тыс. чел., Церковь Уэльса – 94 тыс. чел., Епископальную Церковь Шотландии – 54 тыс. чел., Епископальную Церковь США – 2 500 тыс. чел., Церковь Англии в Австралии – 3 998 тыс. чел., церкви в разных странах Африки и Латинской Америки.

В основе богослужения во всех исповеданиях протестантизма – чтение Священного Писания, его толкование (проповедь), пение религиозных гимнов хором или в сопровождении органа, а также совершение причастия: таинства – у лютеран, или обряда – у кальвинистов. В англиканской Церкви и епископальной Церкви в США сохранен во многом католический порядок богослужения. Единство обрядовой практики в Англиканском содружестве обеспечивается наличием епископата и литургическим характером богослужения. Раз в 10 лет проходят конференции, на которых обсуждаются возникающие проблемы содружества (11, т. 2, с. 334-337).

В протестантизме следует различать два разных направления: ортодоксальный протестантизм последователей Лютера и Кальвина и т.н. современный протестантизм, у приверженцев которого личные переживания становятся мерою вещей, а познание Истины соборным церковным разумом отвергается. Современные протестанты по-прежнему убеждены, что человек спасается только верой. Священство для протестантов не сан, а должность, поэтому у них появилось женское священство. Это противоречит традиции Церкви, ведь среди апостолов, избранных Иисусом Христом, не было ни одной женщины, на долю которых выпала иная миссия, иные обязанности в Церкви (63, с. 155-156). Модернистские явления в католической церкви, среди англикан и протестантов вызывают нередко протест среди верующих, часть которых проявляет интерес к Православию.

Однако в целом, постмодернизм с его акцентом на личный опыт, а не на объективную истину, все очевиднее приводит к игнорированию христианской точки зрения на Западе. По мнению Дж. Янга, на Западе «организованная религия пришла в упадок, а вера в Бога не часто становится главным фактором в принятии решений», западное общество с учетом широчайшего распространения гороскопов скорее «можно назвать суеверным» (96, с. 331). «Круг замкнулся, – писал в 1997 г. епископ Каллист (Уэр).– Сегодняшние христиане ближе к ранней Церкви, чем их деды и прадеды. Христианство возникло как религия незначительного меньшинства в окружении преобладающего нехристианского населения, и в наши дни оно вернулось к тому же состоянию» (47, с. 17-18).

В 1954 г. был создан Всемирный Совет Церквей, как сообщество самостоятельных и независимых Церквей, признающих Иисуса Христа Богом и Спасителем. Там представлены все протестантские объединения и некоторые Православные Церкви, всего около 200 объединений и групп. Русская Православная Церковь была принята в Совет в 1961 г. В то же время, Православие отвергает протестантскую «теорию ветвей», согласно которой существует единая христианская Церковь как единое древо, ветвями которого являются различные исповедания: римо-католическое, англиканское, протестантское, православное и др. (23, с. 261).

Диалог с инославными не означает возвращения единства Церкви. «Терпимость значит не согласие на всеобращения, не признание ересей, а только отсутствие гонения, допущение иноверцам пребывать в своей природной религии, коснеть в заблуждениях, доколе не озарит их свет благодати, квакер ли это или еврей, гернгутер или мусульманин, папешник или язычник», – писал святитель Филарет (Дроздов) полтора века назад (83, т. 4. с. 557-558). «Когда мы говорим о Вселенской Церкви в ее настоящем явлении на земле, мы разумеем всю совокупность всех нам известных автокефальных Православных Церквей, находящихся между собой в церковном общении; и всякий, хотя бы и православный, до тех пор, пока он не войдет в церковное общение с этой совокупностью, состоит вне Церкви», – писал в 1903 г. епископ, будущий патриарх Сергей (Страгородский), уточняя далее: «христианином мы называем всякого крещенного человека, даже самого крайнего еретика, точно также и христианскую церковь можно назвать и какую угодно христианскую, хотя бы и еретическую, общину, но можно назвать только в известном, относительном смысле, совсем не признавая их за часть Церкви Вселенской» (Цит. по: 63, с. 169).

О глубине христианской веры на Западе свидетельствует, в частности, жизненный путь видного английского историка Арнольда Тойнби (1889-1975 гг.). В статье «Христианство и цивилизация» он признавал реальность духовного кризиса в современном мире: «волна христианства действительно откатывается и наша постхристианская секулярная Западная цивилизация представляет собой цивилизацию того же порядка, что и дохристианская Греко-римская». Ученый, тем не менее, призывал не обольщаться мнимостью величия Западной цивилизации. «Когда мы наблюдаем за ее развитием, от первого предчувствия этого развития гением Фридриха II Гогеншауфена, через Возрождение, до вспышки демократии и науки, а также современной научной технологии, мы воспринимаем этот бурный процесс как великое новое явление в мире... Если же попытаться посмотреть на это как на одно из напрасных повторений язычества – почти бессмысленное повторение того, что греки и римляне делали до нас, и делали великолепно, – то мы увидим, что величайшим новым явлением в истории человечества стало как раз совсем иное явление. На самом деле величайшим новым явлением следует считать не монотонное возвышение в течение нескольких последних веков еще одной светской цивилизации из лона христианской Церкви, а по-прежнему – Распятие Христа и духовные последствия этого». А. Тойнби утверждал, что «духовный прогресс отдельной личности в этом мире несет с собой гораздо более существенный социальный прогресс, нежели какой-либо другой способ достижения этой цели», и потому «высшей ценностью и целью в этом мире является стремление индивидуальной души к Богу, а не прогресс общества» (77а, с. 411, 415, 422, 424).

Вселенская Православная Церковь в последние десятилетия XX в. вела активный диалог с различными христианскими церквями и течениями. Православный епископ Каллист (Тимофей Уэр, р. 1934 г.), англичанин по рождению, присоединился к Православию в 24 года, принадлежит к Константинопольскому патриархату. В попытках объяснить притягательность православной веры, он писал: она «представляет собой нечто в корне отличное от любой западной религиозной системы. Но всякий, кто пристальнее взглянет в этот «неизведанный мир», откроет в нем много такого, что при всем своем отличии покажется ему странно близким: «Именно в это я всегда верил!» Поэтому, «на протяжении нашего столетия [XX в.] во множестве общин возникло и набрало силу беспрецедентное стремление к единству всех христиан, что подхлестнуло интерес к Православной Церкви» (47, с.8-9). Правда, заявленный епископом Каллистом оптимизм в отношении перспектив сближения православных с другими общинами представляется чрезмерным.

Тем не менее, достойно внимания то, что Константинопольская Церковь, как и другие Православные Церкви, вела диалог с нехалкидонскими церквями в 1964 г. в Дании, 1967 г. в Англии, 1970 г. в Женеве, 1971 г. в Аддис-Абебе, причем обе стороны выразили надежду на скорое восстановление молитвенного и евхаристического общения.

Контакты англикан с Православной Церковью были связаны отчасти с либеральным Оксфордским движением 1830-1850-х годов и начались с приездом в Москву в 1840 г. Уильяма Пальмера и его встреч с митрополитом Филаретом (Дроздовым) и А. С. Хомяковым, продолжались в ходе визитов англиканских епископов в конце XIX в., а далее – на конференциях в 1930 г. и 1931 г. в Лондоне, 1935 г. в Бухаресте, 1956 г. в Лондоне. Далее возник кризис, связанный с рукоположением женщин в сан священника и епископа в некоторых церквях Англиканского содружества. Диалог продолжается, хотя реальных плодов его не видно (см. 11, т. II, с. 311-321).

Переговоры со старо-католиками ведутся уже более века: 1874 г., 1875 г., 1931 г., в 1975-1987 гг. работала совместная комиссия, обсуждавшая вопросы богословия Святой Троицы, христологии, учения о Церкви и таинствах. С 1981 г. ведется международный православно-лютеранский диалог, с 1988 г. – православно-реформатский диалог (47, с. 323-332), но дальнейшее сближение маловероятно.

В 1980 г. на греческих островах Патмос и Родос состоялось заседание международной комиссии по богословскому диалогу между Православием и Римом, положившее начало выработке документов для будущих обсуждений спорных вопросов касательно Церкви, таинств и апостольского преемства (не затрагивая непосредственно проблем *filioque* и папских притязаний на абсолютное главенство). С конца 80-х годов работа комиссии застопорилась из-за растущей напряженности между греко-католиками и православными на Украине. Для возобновления диалога в 1993 г. комиссия работала в православном университете Антиохийского патриархата в ливанском городе Баламанде. Там было составлено соглашение, которое подписали католики и представители девяти Поместных Православных Церквей, в т.ч. и РПЦ. В этом документе предлагается забыть «печальную историю», а Православная и Католическая Церкви рассматриваются в качестве «Церквей-сестер», которые обе ведут ко спасению. Соглашение официально признало униатов (католиков, сохранивших православный обряд), частью Римо-Католической церкви и призвало к созданию «новых структур Рима на Востоке», что ныне и делает Ватикан на территории бывшего СССР. Соглашение было порождено к жизни стремлением некоторых поместных Церквей, например, Антиохийской, утвердить свои позиции в сложной политической и конфессиональной ситуации в регионе Ближнего Востока, однако вызвало резкую критику внутри РПЦ. В этих условиях в РПЦ вызывает все большее сомнение необходимость участия в экуменическом движении, от которого уже отказались в 1987 г. Иерусалимская, в 1997 г. Грузинская, 1998 г. Болгарская Церкви.

Таким образом, отпадение римо-католиков и протестантов разного толка от Православной Церкви сохраняется и это вызывает сожаление. «Ужас разделения Церквей в том, – писал о. Александр Шмеман, – что на протяжении веков мы не встречаем почти ни одного проявления страдания от разделения, тоски по единству, сознания ненормальности греха, ужаса этого раскола в христианстве! В нем доминирует не сознание невозможности единства предпочесть Истине, единство отделить от Истины... сколько почти удовлетворение разделением, желание найти все больше и больше темных сторон в противоположном лагере. Это эпоха разделения Церквей не только в смысле их фактической разделенности, но и в смысле постоянного углубления и расширения этого рва в сознании церковного общества» (94, с. 298).

2. Вселенская Православная Церковь также переживала немалые трудности. В XIX в. во многом благодаря разнообразной помощи России смогли выжить христиане на Балканах под гнетом Османской империи. В синодальный период своей истории Русская Православная Церковь поддерживала отношения с другими поместными Церквями и в настоящее время сохраняет дружеские связи с древнейшими Церквями (численность верующих, входящих в юрисдикцию каждой Церкви дается оценочно по: 47, с. 12):

Константинопольская – 6 млн. чел.: каноническая территория – Турция и Греция; юрисдикция Патриархата распространяется также на ряд епархий в странах Западной Европы, Северной и Южной Америки, в Австралии и Новой Зеландии, а также на Святую Гору Афон; **Александрийская** – 350 тыс. чел.: каноническая территория – страны Африки; **Антиохийская** – 750 тыс. чел.: каноническая территория – Сирия, Ливан, Ирак, Кувейт; **Иерусалимская** – 60 тыс. чел.: каноническая территория – Израиль, Иордания и Палестина, **Кипрская** – 450 тыс. чел.

В XIX в. возникли новые самостоятельные поместные Церкви: **Сербская** – 8 млн. чел., **Болгарская** – 8 млн. чел., **Элладская** (Греческая) – 9 млн. чел., в XX в. к ним добавились **Румынская** – 23 млн., **Грузинская** – 5 млн. чел., **Польская** – 750 тыс. чел., **Албанская** – 160 тыс. чел. и **Чешская** – 55 тыс. чел.

Единству Вселенской Церкви не противоречит образование разными народами в разных странах Поместных Церквей (охватывающих все население страны или какую-то его часть) как составных ее частей с самостоятельным в своих местных делах управлением при условии, что в них сохраняется в неизменности догматическое апостольское учение Вселенской Церкви и таинства, при некоторых расхождениях в обрядах (в то время как на Западе «Церковью» признается всякое религиозное объединение или вероисповедное общество, признанное в государстве). Таким образом, Православная Церковь представляет собой семейство самоуправляемых Церквей, которое удерживается не централизованной организацией и не единоличной властью (подобно власти папы у римо-католиков или архиепископа Кентерберийского у англикан), а узлами единства в вере и общения в таинствах. В то же время, признается особый «авторитет чести, но не главенства» Константинопольского патриархата, как память о формировании вселенской Церкви с центром в Константинополе. Глава одной Церкви лишен права вмешательства в дела другой Церкви.

«Святая Церковь есть Церковь кафолическая, то есть Вселенская и Единая, собранная из множества поместных Церквей, каждая из которых обладает всей полнотой благодати. Кафолическая Церковь способна вместить все присущее миру культурное и национальное многообразие», в 1993 г. утверждал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) (28а, с. 115).

Кроме того, существуют епархии разных Церквей на территории Западной Европы, США, Канады, Австралии. По всему миру рассеяна большая православная диаспора.

3. С отречением императора Николая II от престола и падением самодержавия в России 2 марта 1917 г. начинаются изменения в положении Русской Церкви. Видимым знаком важности новой эпохи стало явление в тот же день Державной иконы Божией Матери в с. Коломенском под Москвой (а также явление самой Божией Матери в Португалии, в местечке Фатима шесть раз в мае-октябре 1917 г.). Святейший Синод признал Временное правительство, а в июле объявил о созыве Поместного Собора.

С 15 августа 1917 г. по 7(20) сентября 1918 г. в Москве с перерывами работал Поместный Собор Православной Российской Церкви. В его работе участвовали представители епископата, монашества, белого духовенства и мирян, всего 564 чел. Председателем Собора был избран митрополит Московский Тихон (Беллавин).

Собор начал свою деятельность в условиях очевидного притеснения веры со стороны либеральной власти, ориентированной на «передовый Запад» (запрет на преподавание Закона Божьего в учебных заведениях, передача помещений церковно-приходских школ в ведение министерства просвещения, декретирование свободного избрания веры с 14 лет и т.п.). Завершился Собор в условиях загорающейся гражданской войны, когда в Москве и по всей стране гремели пушки и текла кровь, а также войны против христианства, открыто объявленной большевистской властью (отделение Церкви от государства, национализация

всей церковной собственности, массовые репрессии против духовенства). Все это привело к снятию или смягчению разногласий между участниками Собора, к исчезновению мелких человеческих страстей, к возобладанию единодушия. Главным делом, которое успел совершить Собор, стало восстановление патриаршества как канонической формы управления Церковью. После четырех туров голосования, путем жребия из трех кандидатов 5(18) ноября 1917 г. патриархом Московским и Всероссийским был избран **Тихон** (Василий Иванович Беллавин, 1865-1925 гг.). Новая система церковного управления была дополнена формированием Священного Синода из архиереев и Высшего Церковного Совета из архиереев, пресвитеров и мирян. Был принят Приходской устав, регламентирующий условия деятельности православных приходов. Обсуждались также вопросы об отношениях Церкви и государства, об устройстве епархиального управления, о пересмотре канонов богослужения, об отношениях с раскольниками и единоверцами и др.

В воззвании, изданном Собором 17(30) ноября 1917 г., содержался призыв к всеобщему покаянию: «Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения – кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов – смешение языков и ожесточение, ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки, бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затмение совести и разума... Давно уже в русскую душу проникают севы антихристовы и сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого... Русские пушки, поражая святых кремлевские, ранили сердца народные, горящие верою Православною. Но не может никакое земное царство держаться на безбожии: оно гибнет от внутренней распри и партийных раздоров... На наших глазах совершается суд Божий над народом, утратившим святую... К нашему несчастью, доселе не родилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной. И не явится ее на Русской земле, пока со скорбною молитвою и слезным покаянием не обратимся мы к Тому, без Кого все трудятся зиждущие град» (Цит. по: 90, с. 30).

Следует понять, что в сознании многих православных людей кровавая буря революции стала плодом оскудевшей веры, охлаждения к Церкви как «национально-государственному учреждению». Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Дмитрий Алексеевич Шаховской, 1902-1989 гг.) полагал, что не более 10% русских людей остались к 1917 г. верными Церкви и всего 1% – беззаветно преданными сынами Церкви. «Конечно, в безбожии русской революции были все виноваты, а мы, пастыри и учителя, – более всех», – писал он в 1982 г. (44, с. 77).

Возрождающаяся на новых основах Русская Церковь пыталась остаться в стороне от политической жизни в стране. В ноябре 1917 г. участники Собора совершили отпевание всех, кто погиб при штурме Кремля – и юнкеров со студентами и красногвардейцев, в панихиде поминали всех убиенных во дни междоусобицы. Известно, что князь Г. И. Трубецкой перед отъездом на юг к генералу А. И. Деникину тайно посетил патриарха Тихона и просил его благословения – причем не войскам Добровольческой армии, а лично одному из видных участников Белого движения. Патриарх, однако, не счел для себя и это возможным. Но совершенно иначе думали и действовали большевики.

28 октября 1917 г. в Царском Селе красногвардейцами был зверски убит протоиерей **Иоанн Кочуров**, 25 января (7 февраля) 1918 г. в Киеве убит митрополит **Владимир** (Богоявленский). Оба священномученика стали первыми жертвами большевистской анархии в России, начатой борьбы против Церкви. В одном из своих постановлений в феврале 1918г. Собор установил ежегодное молитвенное поминовение исповедников и мучеников. Тогда же на закрытом заседании Собор предложил Патриарху «на случай болезни, смерти и других печальных возможностей» избрать несколько блюстителей Патриаршего престола, которые в порядке старшинства будут преемствовать ему. Это благое постановление впоследствии помогло сохранению канонического преемства власти

в Русской Церкви. Необходимо особо отметить, что единственно прочной структурой, выжившей на обломках Российской империи, оказалась Церковь, которая сумела выстоять и сохранить себя, а значит – и возможность будущего развития России и народа.

В то же время, Церковь не могла остаться безучастной к событиям в стране. В январе 1918 г. консультант Совнаркома И.А. Шпицберг в своих выступлениях в Петрограде неоднократно публично утверждал, что новая власть запретит причащение как «колдовской акт», священные сосуды будут изъяты из храмов, а все духовенство будет объявлено контрреволюционным. «Попы – это вши на народном теле, это пособники мародеров и помещиков... Патриарх еще жив...» – эти его слова, выражавшие суть политики новой власти по отношению к Церкви, стали широко известными. 5 февраля 1918 г. советское правительство издает декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». При формальном допущении исповедания любой религии, власть запрещала преподавание религиозных вероучений во всех учебных заведениях, все церкви и религиозные общества были лишены имущественных прав, а вся их собственность была объявлена «народным достоянием», которое могло быть бесплатно отдано в пользование религиозных обществ. Тем самым, несмотря на видимое допущение религиозной жизни, была создана юридическая основа для полного запрета Церкви.

Патриарх Тихон 1 февраля 1918 г. выпускает резкое по тону послание, в котором предал анафеме (отлучению от церковного общения) всех проливающих невинную кровь и призывает всех верных чад Церкви встать на ее защиту. С этого дня и до конца своей жизни Святейший Тихон нес тяжелый крест патриаршего служения в условиях широкого отхода народа от веры и яростной борьбы власти против Церкви. В годы жестокого голода в Поволжье в 1921-1922 гг. власть под прикрытием лозунга об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим попыталась сокрушить Церковь. Эту борьбу возглавили В.И. Ленин и Л. Д. Троцкий. По масштабам, ожесточенности и степени жестокости политику советской власти в отношении Церкви можно сравнить лишь с гонениями первых веков христианства.

Патриарх Тихон еще летом 1921 г. призвал всех верующих к оказанию всевозможной помощи голодающим, позднее дал разрешение об использовании на эти цели и церковных предметов. Однако, в строго секретном письме В.И. Ленина от 19 марта 1922 г. говорилось: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления... Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности... совершенно немыслимы... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...» (65, с. 141-143). Большевики обманулись в своих ожиданиях: насилие над Церковью вызвало сильное сопротивление народных масс в городах и деревнях, а отобранные церковные ценности в сумме составили много меньше ожидаемых «сотен миллионов» (и были направлены, в частности, на подарок бойцам Первой Конной армии, кремлевским курсантам и служащим ВЦИК - [65, с. 167]).

Тогда по плану Л. Д. Троцкого ОГПУ разработало и осуществило план раскола Церкви, используя выросшее в ее недрах течение за «обновление» церковной жизни. Раскольники

тут же разделились на несколько враждовавших течений, но вместе – при непосредственной финансовой и иной поддержке ОГПУ – вели активную борьбу против Церкви и лично патриарха Тихона. Глава Церкви был арестован, готовился суд над ним с неизбежным расстрельным приговором, но все же большевики были вынуждены отступить. В июне 1923 г. патриарх был освобожден из-под стражи и вернулся к управлению церковными делами, что лишило и тени законности созданную т. н. «обновленческую церковь». За несколько лет своего правления святитель Тихон сумел создать основу для развития церковной жизни в новых условиях, без покровительства и защиты со стороны государства; он смог сохранить единство Русской Церкви, которую активно раскалывала власть руками ВЧК-ОГПУ и некоторых честолюбивых священнослужителей; своим участием в богослужениях и изданием патриарших посланий он укреплял веру в сердцах верных христиан; своим бесстрашием оставил пример верного исповедания Христа. В 1989 г. святитель Тихон был причислен к лику святых.

Позднее канонизированы были многие мученики за православие, составив Собор новомучеников и исповедников Российских XX века, прославленных решением Архиерейского Собора РПЦ 13-16 августа 2000 г. Их сотни и сотни – архиереев, священников, монахов, церковнослужителей и простых мирян, мужчин, женщин и детей.

13 августа 1922 г. были расстреляны в Петрограде митрополит **Вениамин** (Казанский), архимандрит **Сергий** (Шеин) и миряне **Юрий Новицкий** и **Иоанн Ковшаров**. Революционный трибунал приговорил их к смертной казни за мнимое оказание сопротивления изъятию церковных ценностей. Суд был очевидно несправедливый, но процесс еще шел открытый. Митрополит Вениамин в своем последнем слове сказал, что к самому обвинению относится спокойно, он старался обелить обвиняемых тем, что они всего лишь выполняли его распоряжения. На вопрос председателя трибунала о себе святитель Вениамин ответил: «Что же я могу о себе сказать? Я не знаю, что вы скажете мне в своем приговоре: жизнь или смерть. Но что бы вы ни сказали, я осеню себя крестом и скажу: слава Богу за все». Архимандрит Сергей: «Инок вне мира, он живет в общении с Богом. Делайте свое дело. Я буду жалеть вас и о вас молиться».

Среди названных в 2000 г. новых святых исповедников был и известнейший в Москве «старец в миру», протоиерей **Алексей Мечев** (1859-1923 г.), который всей своей жизнью и служением воплотил идеал молитвенника, доброго пастыря, спасающего заблудших овец. В храме святителя Николая на Маросейке, в центре шумной Москвы он тихо служил десятилетия, и его маленький храм постепенно стал одним из центров духовной жизни. Приведем одно из пророчеств св. Алексия, который незадолго до своей кончины при напутствии отъезжающему за границу сказал: «Вы не воображайте, что ваше дело спасти Россию, – это совсем не ваше дело. Когда придет время, то Бог пошлет нужных людей, которые это дело сделают и уничтожат большевиков так, как буря ломает мачтовый лес» (75, т.1, с.185).

Приведем краткую хронику событий в русской церковной истории после кончины в апреле 1925 г. святейшего патриарха Тихона:

1925 г. – митрополит Крутицкий **Петр** (Петр Федорович Полянский, 1862-1937) приступил к исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя; арест митрополита Петра, пребывание в тюрьмах и ссылках, расстрелян по приговору «тройки» НКВД Челябинской области;

– митрополит Нижегородский **Сергий** (Страгородский) приступил к исполнению обязанностей Заместителя патриаршего Местоблюстителя;

– открытие Богословского института в Париже;

– в Берлине проходят переговоры кардинала Пачелли и посла СССР Н.Н. Крестинского об установлении дипломатических отношений между СССР и Ватиканом; папа Пий XI

пытался использовать гонения власти на Православную Церковь для католической экспансии (27а, с. 159-162).

1926 г. – обращение православных епископов, находящихся в ссылке на Соловках, «К Правительству СССР», в котором отвергается возможность сотрудничества Церкви с безбожной властью, однако предлагается легализовать деятельность Церкви в стране в законных формах в соответствии с существующим законодательством;

1927 г. – издание митрополитом Сергием (Страгородским) Декларации о лояльности Русской Православной Церкви к Советской власти. Известно, что в тюрьме под угрозой расстрела сестры и арестованных архиереев и священников от митрополита Сергия потребовали сделать заявление в поддержку советской власти, осуждения контрреволюционных выступлений в стране и за рубежом, устранения не угодных властям епископов от управления епархиями. В Декларации, в частности, говорилось: «Забывали люди, что случайностей для христианина нет, и что в совершающемся у нас, как и везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять «знамений времени», и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием». Декларация расколола церковный народ, возникли течения «катакомбной Церкви» и «непоминающих» митрополита Сергия, не признающих его прав на руководство Церковью, однако удалось сохранить ее саму от уничтожения;

1936 г. – переход прав и обязанностей Патриаршего Местоблюстителя к митрополиту Сергию (Страгородскому). Видный русский философ В. Н. Лососий (1903-1958 гг.) писал после его кончины: «Старый русский мир, мир Русской империи, мир византийских традиций, восходивший к Константину Великому, тот мир, который казался многим миром самого христианства, внезапно рушился до основания, и на его месте возникал новый мир вне христианства, но не вне Божественной воли, определяющей исторические судьбы. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях, в Москве – столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви» (90, с. 315).

1937-38 гг. – в ходе репрессий против Церкви арестовано 165 200 священнослужителей, из них расстреляно 106 800 человек. Начало репрессиям было положено приказом наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г., в котором говорилось: «Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий... Осело много в прошлом репрессированных церковников. Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, раз и навсегда покончить с их подрывной работой... Все репрессируемые разбиваются на две категории: а) к первой категории относятся все наиболее враждебные. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, – расстрелу; б) ко второй категории относятся все остальные менее активные. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет... Операцию начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок. В первую очередь подвергаются репрессии контингента, отнесенные к первой категории...» На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 31 марта 1938 г. деятельность НКВД по руководством Н.И.Ежова была рассмотрена и было принято решение об «утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии», а НКВД СССР было предложено «всю операцию закончить не позднее 15 марта 1938 года» (31, кн.2, с. 17-18). В Соловецком лагере в 1937 г. был расстрелян один из крупнейших русских философов и богословов, священник **Павел Флоренский**, который даже в лагере вел работы по мерзлотоведению, организовал завод по переработке водорослей.

1939 г. – во всей России осталось на свободе 4 епископа, менее 100 действующих церквей и ни одного монастыря;

1941 г. – 22 июня митрополит Сергей (Страгородский) выпускает воззвание к верующим о защите Отечества: «Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... Господь нам дарует победу» (90, с. 262).

1943 г. – избрание на архиерейском соборе Патриархом Московским и всея Руси **Сергия** (Ивана Николаевича Страгородского, 1867-1944 гг.); при СНК СССР создан Совет по делам Русской Православной Церкви; разрешены издание органа РПЦ и деятельность учебных заведений – богословских института и курсов для подготовки священнослужителей;

1945 г. – избрание на архиерейском соборе Патриархом Московским и всея Руси **Алексия** (Сергея Владимировича Симанского, 1877-1970 гг.);

1946 г. – передача Русской Православной Церкви древней Свято-Троицкой Сергиевой Лавры;

1948 г. – празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, совещание глав и представителей поместных Церквей в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре;

1949 г. – число действующих приходов РПЦ составило 14 447. Продолжало расти число верующих. Верными чадами Церкви продолжали оставаться многие видные деятели культуры;

1958-1959 гг. – начало нового наступления коммунистического государства на Церковь; число приходов сократилось до 7 тысяч, вновь стали разрушать храмы, из 67 монастырей осталось 21, из 8 семинарий – 3. Усиливается атеистическая пропаганда. Восстановлен жесткий контроль за деятельностью священников. Увеличивается число осужденных за веру;

1961 г. – решение Священного Синода РПЦ о вступлении во Всемирный Совет Церквей;

1971 г. – избрание на Поместном соборе Патриархом Московским и всея Руси **Пимена** (Сергея Михайловича Извекова, 1910-1990 гг.);

70-е годы – ослабление гонений на Церковь, отчасти благодаря осуждению со стороны западных христиан репрессий против правозащитников и узников за веру;

1983 г. – передача РПЦ московского Свято-Данилова монастыря;

1987 г. – возобновление иноческой жизни во Введенской Оптиной пустыни;

1988 г. – празднование 1000-летия Крещения Руси;

– Поместный собор Русской Православной Церкви;

– возобновление иноческой жизни в Киево-Печерской лавре;

1990 г. – избрание на Поместном соборе Патриархом Московским и всея Руси **Алексия** (Алексея Михайловича Ридигера, р. 1929 г.);

1991 г. – вторичное обретение мощей преподобного Серафима Саровского;

– возобновление иноческой жизни в Серафиме-Дивеевском монастыре;

1994 г. – начало восстановления храма Христа Спасителя в Москве;

2000 г. – великое освящение храма Христа Спасителя;

– на Архиерейском соборе к лику святых причислен сонм новомучеников и исповедников российских, приняты Социальная концепция Церкви и новая редакция Устава;

– Русская Православная Церковь имеет 130 епархий, 545 монастырей (265 мужских и 280 женских), 19 417 приходов со 15 837 священнослужителями, 95 духовных школ

(в т.ч., 5 духовных академий, 29 духовных семинарий, 40 духовных училищ, 1 Богословский институт, 2 православных университета и пр.).

4. В начале нового XXI столетия, в новых условиях Православная Церковь продолжает свое служение. «Главная беда современной жизни – стремительная утрата людьми духовных ориентиров, – отмечал Святейший Патриарх Алексий II в декабре 2000 г. – Религиозный идеал – святость перестает быть общественным идеалом. Греховные проявления человеческой личности – эгоизм, жестокость, распущенность, вседозволенность, неуважение к закону – становятся обыденными, превращаются чуть ли не в повседневную норму жизни».

В принятых в 2000 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви «Основах социальной концепции» РПЦ утверждается: «Церковь есть собрание верующих во Христа, в которое Им Самим призывается войти каждый... В Церкви действием Святого Духа совершается обожение творения, исполняется изначальный замысел Божий о мире и человеке... Именно богочеловеческая природа Церкви делает возможным благодатное преображение и очищение мира, совершающееся в истории в творческом соработничестве, «синергии» членов и Главы церковного тела. Церковь – не от мира сего, так же, как ее Господь, Христос – не от мира сего. Но Он пришел в этот мир, «смирив» себя до его условий, – в мир, который надлежало Ему спасти и восстановить... [Поэтому целью деятельности Церкви] является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира»; «Церковь как богочеловеческий организм имеет не только таинственную сущность, неподвластную стихиям мира, но и историческую составляющую, входящую в соприкосновение и взаимодействие с внешним миром, в том числе с государством... возникновение земного государства должно быть понимаемо не как изначально богоустановленная реальность, но как предоставление Богом людям возможности устроить свою общественную жизнь исходя из их свободного волеизъявления, с тем, чтобы таковое устройство, являющееся ответом на искаженную грехом земную реальность, помогало избежать еще большего греха через противодействие ему средствами мирской власти... Церковь сохраняет лояльность государству, но выше требования лояльности стоит Божественная заповедь... Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении» (62, с. 3, 8, 16).

Возвращение Церкви в России ее места в обществе не означает признание за ней статуса государственной, но – ее законного положения коренного и наиболее распространенного вероисповедания. Появление новых форм деятельности Церкви ни в коем случае не означает отказа от ее основной миссии – служения ради спасения людей для жизни вечной. Также неверно было бы сводить Православие к «русскости», хотя в России Церковь смогла сохранить основы христианской веры в унаследованной от предков полноте.

«Никто не смеет назвать себя православным в строгом, абсолютном смысле слова, – считал архимандрит Софроний (Сахаров), – ибо быть православным означает знать Бога таким, каков Он есть, и служить и поклоняться Ему достойно Его святости» (Цит. по: 23, с.268). Церковь – это не собрание святых, это толпа кающихся грешников. Но быть христианином вне Церкви невозможно.

В бурном, сложном и многообразном XX веке в Православии появлялись как мученики, так и подвижники веры. Одним из наиболее известных является преподобный **Силуан Афонский** (Семен Иванович Антонов, 1866-1938 гг.), иеромонах русского монастыря на Афоне с 1892 г. Внешняя жизнь этого русского крестьянина была бедна событиями, но путем молитвенного подвига он пришел опытным путем к постижению глубоких тайн веры и обретению святости. Он молился за всех, за весь мир: «О, Господи, сподоби нас дара Духа Святого, да разумеем славу Твою и будем жить на земле в мире и любви, да не будет ни злобы, ни войн, ни врагов, но одна любовь да царствует, и не нужны будут ни армии, ни тюрьмы, и легко будет жить всем на земле» (Цит.по: 44, с. 491).

К концу XX века возросла притягательность Православия для иных вероисповеданий, отпавших от Церкви. Православная Церковь численно невелика (например, в Англии всего 8 православных храмов), но так было всегда. По словам архиепископа Алексия (ван дер Менсбрюгге, 1899-1980 гг.), «Церковь – как свеча, зажженная в бескрайнем мире: она, как будто, согревает и освещает совсем малую часть его, и, однако, во всей бескрайности пространства тьма уже не совершенная» (Цит. по: 23, с. 269).

Другое вопрос в том, все ли хотят идти к этому свету. Митрополит Сурожский Антоний (Блум), всю свою жизнь давший пример гармоничного сочетания современного образа мышления и глубокой веры, в своих проповедях и беседах размышлял над этой проблемой. В 1971 г., в один из своих приездов в Москву, он рассказывал об этом: «Сейчас огромный кризис веры на Западе, конкретной веры. Я вам могу дать примеры. Профессор догматики в университете в Оксфорде выпустил книгу, которая называется «Миф о Воплощении», – он просто не верит в Воплощение. Наша православная студентка на богословском факультете в Лондоне участвовала в семинаре и что-то сказала о Воскресении Христовом; профессор-англиканин ей сказал: «Не саботируйте собрание!» Она возразила: «Простите, я верую в Воскресение».– «Глупости! Если вы будете продолжать об этом говорить, я вас попрошу выйти вон!» –и он ее исключил из семинара. Третий пример: у нас приход в северной Голландии, в городе Гронингене. На наше богослужение ходил местный католический епископ. Я его спросил как-то: «Почему вы ходите? Мы вам только рады, но почему вам хочется молиться с нами?» Он ответил: «Потому что мне необходимо побывать среди верующих». Я говорю: «А мало ли у вас своих католиков?» – «Знаете, половина моего духовенства больше не верит в Воскресение и в Божество Иисуса Христа. Остается образ Христа как человека бесподобного, который нам показывает, каким должен быть человек; Богочеловека нет».

Я вам дал, конечно, очень крайние примеры, но такие взгляды сейчас очень распространены. Скажем, я четыре года не могу выступить на Би-би-си по-английски, потому что они не согласны на проповедь такой веры, какую я бы проповедовал. Я говорил о Божестве Христа, и мне сказали: «Простите, вы принадлежите к другому столетию!» – и с тех пор больше не приглашают. Я знаю некоторых епископов Англиканской Церкви, которым туда вход заказан, потому что они веруют, – просто в Евангелие веруют. Так что кризис действительно очень серьезный, и в результате голод по Православию на Западе вообще... очень значительный».

Таким образом, в современном мире наряду с процессом апостасии (отпадения людей от Церкви и утраты ими веры), происходит и прямо противоположный процесс: обретение веры в Бога и приход в Церковь.

«Церковь едина, – писал митрополит Сурожский Антоний (Андрей Борисович Блум, 1914-2003), – и на земле это – Православная Церковь, святая святостью Божией в ее Богочеловеческой природе, в ее тайне... но путь, которым она следует, далеко не прост...» (23, с. 273). Церковь и ныне предлагает ответы на извечные вопросы людей: что есть истина? в чем смысл жизни? «Христианство не стремится поставить точки над *i*, исчерпав все вопрошания человеческого духа. Но оно открывает реальность, настолько превосходящую все окружающее нас в земной жизни, что, встретившись с ней, человек забывает свои вопросы и недоумения, потому что душа его соприкасается с Божеством и умолкает в предстоянии Тайне, выразить Которую не в силах никакое человеческое слово» (41, с. 15).

Литература

Дальнейшее чтение

Понятие о Церкви. Для более глубокого понимания православного учения о Церкви стоит обратиться к названным в тексте авторам – А.С.Хомякову, прот. Сергию Булгакову,

священномученику Илариону (Троицкому) (см. в Литературе). Следует назвать и работу священника, философа и ученого Павла Александровича Флоренского (1882-1937 гг.) «Столп и утверждение Истины», посвященную раскрытию учения о Церкви.

Церковь гонимая. Помимо названной книги Евсевия Памфила (см. в Литературе), вышедшей несколькими изданиями, стоит обратиться к полному своду Жития святых, содержащих красочные, нередко увлекательные и трогательные повествования. Для желающих углубленного изучения этого периода рекомендуем классический и непревзойденный труд церковного историка Василия Васильевича Болотова (1853-1900 гг.) «Лекции по истории древней Церкви». Достойны внимания популярная книга историка А.-Г. Амана «Повседневная жизнь первых христиан» (пер. с фр., М., 2003) и повествование А. Деко «Апостол Павел» (Пер. с фр., М., 2005), вышедшее в серии ЖЗЛ.

Церковь государственная. В последние годы начался настоящий «бум византологии». Много интересных книг об отношениях государства и Церкви изданы Санкт-Петербургским издательством «Алетейя», например, А.А.Васильев. История Византийской империи. 2 т., СПб., 1998; А.П.Лебедев. Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви. СПб., 1998. Интересны «Очерки по истории Вселенской Православной Церкви» (Нижний Новгород, 2003) А. Л. Дворкина, охватывающие период I-XV вв.

Из популярных книг заслуживает внимания исторический роман американского писателя Ф.Дж.Слотера «Чудо пылающего креста» (М., 1997) о св. Константине Великом.

Источники христианского вероучения. Имеется несколько изданий толковой Библии, изданы различные православные толкования Евангелия, есть Библейские энциклопедии и словари. При пользовании этой литературой желательно лишь определить для себя цель углубленного понимания Библии: это простая любознательность или желание понять христианство. Широкоизвестным является православное руководство к изучению Нового Завета, составленное архиепископом Аверкием (см. в Литературе), читавшем курс Священного Писания в духовной семинарии в США. Реально-исторический комментарий к событиям, описанным в Библии, можно почерпнуть в добротных учебниках американских авторов Самуила Шульца «Ветхий Завет говорит...» и Мерила Тени «Обзор Нового Завета».

Вселенские соборы. До наших дней не потеряла интереса «Церковная история» Сократа Схоластика (см. в Литературе), написанная в середине V в. и передающая переживания современника великих событий. Книга епископа Иоанна (Митропольского, 1836-1914 гг.) «История Вселенских Соборов» к настоящему времени отчасти устарела, хотя заслуживает внимания. Монография А.В.Карташева (см. в Литературе) остается лучшим на русском языке исследованием семи великих Соборов.

Учители и Отцы Церкви. Помимо монографий, названных в списке литературы, конечно, интересно почитать творения самих великих каппадокийцев – св. Василия Великого и св. Григория Богослова, имеющиеся в разных изданиях. Проповеди св. Иоанна Златоустого изданы как репринтом в 12 томах, так и отдельными сборниками.

Догматы, таинства и богослужение Православной Церкви. Прежде всего рекомендуем книгу протоиерея Александра Шмемана (1921-1983 гг.) «Евхаристия. Таинство Царства» М., 1992, написанную в США в 1983 г., по словам автора, «с думой о России, с болью и одновременно с радостью о ней». Его же книга «Великий пост» (пер. с англ., М., 1993) посвящена раскрытию богословского смысла семи недель Великого Поста. Стоит прочесть и широко известную работу Н.В.Гоголя «Размышления о Божественной Литургии», написанную на грани богословия и литературы (не включается в собрания сочинений). Четкое изложение догматических истин Православия наряду с раскрытием опыта построения христианского мировоззрения можно найти в глубокой по содержанию и написанной хорошим языком книге самобытного русского богослова Николая Евграфовича Пестова (1892-1978 гг.) – «Современная практика православного благочестия». 2 т. СПб., 1999.

Монашество на Востоке и на Западе в III-XII вв. Помимо названных в тексте исторических исследований стоит обратиться к творениям самих иноков и аскетов православия. Имеется несколько собраний поучений великих представителей древнего монашества: «Добротолубие» в 5 т., выходило разными изданиями; «Отечник», составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым), входит в разные издания его собраний сочинений, выходил и отдельно; «Лествица» св. Иоанна Лествичника также выходила многими изданиями. Заслуживает внимания и «Исповедь» блаженного Августина, выходившая в последние годы много раз.

Отпадение и раскол западной Церкви. Стоит обратиться к использованным в тексте работам протоиерея Александра Шмемана, Й.Лортца, С.Рансимена (см. в Литературе).

Западное богословие и папство. Получив представление о христианской православной догматике можно сравнить ее с римо-католической по Католической Энциклопедии. Яркое представление о религиозной жизни в странах средневековья Европы дают главы в книге Йохана Хейзинга «Осень Средневековья». Обязательно стоит почитать «Мысли» Блеза Паскаля, книга выходила разными изданиями и вполне доступна.

Восточная Церковь в IX-XVII вв. Тема обширнейшая и литературы по ней очень много. Следует с осторожностью использовать книгу О. М. Рапова «Русская Церковь в IX – первой половине XII в. Принятие христианства», она написана с яро атеистических позиций, но все-таки содержит интересные фактические данные. Самая подробная работа на эту тему – многотомная «История» митрополита Макария (см. в Литературе), самая доступная – двухтомная монография русского церковного деятеля, историка и богослова Антона Владимировича Карташева (1875-1960 гг.), выходившая несколькими изданиями (там же смотри подробную библиографию). В качестве дополнительного чтения можно взять оригинальное исследование русского церковного историка Евгения Евсигнеевича Голубинского (1834-1912 гг.) «История Русской Церкви» М., 1997. Обязательно стоит прочесть яркое «Житие» протопопы Аввакума. Из множества специальных исследований заслуживает внимания труд русского историка Николая Федоровича Каптерева (1847-1918 гг.) «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович». 2 т. М., 1909-1913 гг. (репринт). Небезынтересен исторический роман В.А.Бахревского «Никон», М., 1997.

Русская Православная Церковь в XIX в. Смотрите того же А. В. Карташева, но прежде всего «Историю Русской Церкви. 1700-1917 гг.», капитальную работу Игоря Корнильевича Смолича (1898-1970 гг.), русского церковного историка, работавшего в Германии, а также монографию В. А. Федорова «Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. (1700-1917)». М., 2003. Изданы собрания творений святителей Филарета (Дроздова), Игнатия (Брянчанинова), Феофана (Говорова), они адресованы самому широкому читателю. Специальные исследования немногочисленны, например монография С.В.Римского «Российская Церковь в эпоху Великих реформ». М., 1999. Из популярной литературы можно взять роман Н.СЛескова «Соборяне», его же «Мелочи архиерейской жизни», вошедшие в собрания сочинений, а также роман-хронику А.И.Яковлева «Век Филарета». М., 1998; М., 2001.

Русское монашество в XIX – начале XX в. Помимо названных в тексте исследований И.К.Смолича и П.Н.Зырянова (см. в Литературе) надо, конечно же, читать Жития великих русских старцев.

Христианская церковь в XX в. Список литературы по этой проблематике мог бы быть необъятным для нормального человека, но здесь многое определяется собственными интересами и устремлениями. Желаящим понять, что такое христианство советуем обратиться к книгам диакона Андрея Кураева («О нашем поражении». СПб., 1999 и др.), Г. Честертона и К. Льюиса. О духовных опасностях нашего времени рассказывает А. Л. Дворкин в своем исследовании «Сектоведение», анализируя деятельность десятков тоталитарных восточных сект, действующих в России. Для интересующихся развитием

Христианской Церкви советуем обратить внимание на труды митрополита Антония (Блума), возглавлявшего епархию РПЦ в Великобритании. Это «Беседы о вере и Церкви» М., 1991 и многие другие книги, в которых высокий богословский уровень раскрытия важных истин сочетается с ясностью и живостью изложения; в 2002 г. вышло однотомное собрание трудов владыки Антония. Из серьезной литературы стоит почитать работу И. А. Ильина «Аксиомы религиозного опыта», вошедшую в его собрание сочинений и вышедшую отдельным изданием. О политике Ватикана в России в 1900-1950 гг. рассказывается в очень интересном труде католического автора Антуана Венгера «Рим и Москва», в котором использовано много документов из архивов Ватикана. В 2004 г. вышел в свет содержательный том «Поместные Православные Церкви», в котором даны полная информация и красочные очерки о четырнадцати поместных Церквях за пределами России.

Самым основательным историческим трудом по новейшему периоду остается «История Русской Церкви. 1917-1997 гг.» протоиерея Владислава Цыпина. М., 1997 и его же «История Русской Православной Церкви». Синодальный период. Новейший период». М., 2004. Исследование канадского историка Д. В. Поспеловского «Русская Православная Церковь в XX веке» М., 1995 носит печать субъективизма. Лучшее собрание жизнеописаний новомучеников российских составил игумен Дамаскин (Орловский), вышло 6 томов (см. в Литературе). Из популярной

литературы необходимо назвать жизнеописание святителя Тихона (Беллавина) – «Патриарх Тихон» М.И. Вострышева, вышедшее в серии ЖЗЛ двумя изданиями. Материалы для истории гонений на Церковь и обновленческой смуты 1920-х годов содержатся в ярком труде А. Левитина-Краснова и В. Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты». М., 1996. Заслуживает внимания богословско-исторический труд епископа Иллариона (Алфеева) «Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров». 2 т. М., 2002, в котором содержатся как богословский разбор всей проблематики имяславия, так и подробная история этого движения в первые десятилетия XX в.

Использованная литература

Справочные издания и литература по всему курсу

1. Библия.
2. «Закон Божий».
3. Смирнов Е. И. История Христианской Церкви. М., 1997 (репринт).
4. Смирнов Петр, прот. История Христианской Православной Церкви. М., 1998.
5. Рудаков Александр, прот. Краткая история Христианской Церкви. М., 2000.
6. Тальберг Н. История Христианской Церкви. М., 2000.
7. Лортц Й. История Церкви. 2 т. (пер.с нем.). М., 1999.
8. Лоргус Андрей, свящ. и др. Книга о Церкви. М., 1997.
9. Иванов Петр, свящ. и др. Христианство и религии мира. М., 2000.
10. «Полный Православный Богословский Энциклопедический Словарь». 2 т. М., 1992 (репринт).
11. «Православная Энциклопедия». Т. 1-10. М., 2000-2005 [издание продолжается].
12. «Христианство. Энциклопедический Словарь». 3 т. М., 1993-1995.
13. «Большой путеводитель по Библии», (пер. с нем.). М., 1993.
14. Алипий архим., Исая, архим. Догматическое богословие. Курс лекций. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
15. Аверкий, архиеп. Четвероевангелие. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М., 1999.
16. Аверкий, архиеп. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М., 1999.

17. Иларион (Троицкий), архиеп. Очерки из истории догмата о Церкви. М., 1997.
18. Иларион (Троицкий), архиеп. Без Церкви нет спасения. М., 1998.
19. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. Основное богословие. М., 1997.
20. Гаслов И. В. Современное Православное богослужение. СПб., 1996.
21. Мак-Дауэл Дж. Неоспоримые свидетельства (пер. с англ.). М., 1990.

Литература по отдельным периодам и темам

22. Аврелий Августин. Исповедь (пер. с лат.). М., 1997.
23. Антоний (Блум), митр. Беседы о вере и Церкви. М., 1991.
24. Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. Томск, 1996.
25. Булгаков С. Я. Свет Невечерний. М., 1994.
26. Булгаков Сергей, прот. Православие. Очерки учения православной Церкви. М., 1991.
27. Вениамин (Федченков), митр. О вере, неверии и сомнении. СПб., 1992.
- 27а. Ветер А. Рим и Москва. 1900-1950 (пер. с франц.). М., 2000.
28. «Второй Ватиканский собор. Конституции, декреты, декларации». Брюссель, 1992 (репринт).
- 28а. «Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев». СПб., 1996.
29. Гавриил (Петров), митр. Вопреки веку Просвещения. Жизнь. Творчество. Кончина. М., 2000.
30. Гергей Е. История папства (пер. с венг.). М., 1996.
- 30а. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
31. Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 1-6. Тверь, 1992-2001.
32. Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.
33. Дмитриева Н. А. Краткая история искусств. Очерки. М., 1968.
34. Евсевий Памфил. Церковная история, (пер. с древнегреч.). М., 1993. 34а. Ельчанинов Александр, свящ. Записи. М., 1996.
35. «Жития и творения русских святых». М., 1993.
36. «Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца». М., 1998 (репринт).
37. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999.
38. Игнатий (Брянчанинов) свят. Аскетические опыты. М., 1993.
39. Игнатий (Брянчанинов), свят. Письма. М., 1993.
40. «Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)». М., 1969.
41. Илларион (Алфеев), шум. Таинство веры. Введение в Православное догматическое богословие. Клин, 2000.
42. Илларион (Алфеев), иером. Жизнь и учение св. Григория Богослова. М., 1998.
43. Иоанн Кронштадтский, св. Моя жизнь во Христе. 2 т. М., 1998 (репринт).
44. Иоанн (Шаховской), архиеп. Избранное. Петрозаводск. 1992.
- 44а. Йозеф Ратцингер, кардинал. Камни живые. СПб., 2002.
45. «История Древнего мира. III. Упадок древних обществ». М., 1982. Лекции пятая, двенадцатая.
46. Казанский П. С. История православного монашества на Востоке. 2 т. М., 2000.
47. Каллиоп (Уэр), еп. Православная Церковь (пер. с англ.). М., 2001.
48. Карташев А. В. Вселенские Соборы. М., 1994.
49. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. 2 т. М., 1993.
50. Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. М., 2001.
- 50а. Киприан (Керн), архм. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996.
51. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. 3 т. М., 1993-1995.

52. Кюннг Г. Великие христианские мыслители (пер. с нем.). М., 2000.
53. Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви. СПб., 1998.
54. Лейн Т. Христианские мыслители (пер. с англ.). М., 1997.
55. Лозинский С. Г. История папства. М., 1986.
56. Лососий Н. О. Характер русского народа. 2 кн. М., 1990 (репринт).
57. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991.
58. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. 7 т. М., 1994-1996.
59. Мейендорф Иоанн, прот. Введение в святоотеческое богословие. Минск, 2001.
60. Мейендорф Иоанн, прот. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000.
61. Нилус С. А. Полное собрание сочинений, т.1, М., 1999.
62. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви...». М., 2000.
63. Огицкий Д. П., Козлов М., священник. Православие и западное христианство. М., 1999.
64. Паскаль Б. Мысли (пер. с франц.). М., 1996.
65. «Политбюро и Церковь. 1922-1925». Новосибирск-Москва, 1997.
66. Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905 (репринт).
67. «Православные русские обители». СПб., 1994 (репринт).
68. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия (пер. с англ.). М., 1998.
69. Рапов О. М. Русская Церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1998.
70. Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996.
71. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700-1917 гг. 2 т. М., 1996-1997.
72. Смолич И. К. Русское монашество. 988-1917 гг. Жизнь и учение старцев. М., 1998.
73. Сократ Схоластик. Церковная история (пер. с древнегреч.). М., 1996.
74. Софроний (Макрицкий), иерод. Белгородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998.
75. Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. Т. 1-2. М., 1994.
76. Тальберг Н. История Русской Церкви. М., 1997 (репринт).
77. Тени М. Обзор Нового Завета (пер. с англ.). М., 2000.
- 77а. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории (пер. с англ.). М., 2002.
78. Трубецкой С. Н. Избранное. М., 1995.
79. Феофан (Говоров), свят. Мысли на каждый день года... М., 1991 (репринт).
80. Феофан (Говоров), свят. Начертания христианского нравоучения. Т.1, М., 1994 (репринт).
81. Филарет (Дроздов), свят., митрополит Московский. Слова и речи. 5т. М., 1873-1885.
82. Филарет (Дроздов), свят., митрополит Московский. Православный Катехизис. СПб., 1995.
83. Филарет (Дроздов), свят., митрополит Московский. Собрание мнений и отзывов. Т. 1-5, М., 1885-1888.
84. Филарет (Гумилевский), архиеп. Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 1-3. М., 1996 (репринт).
85. Флоренский Павел, священник. Иконостас. М., 1994.
86. Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Париж, 1937 (репринт).
87. Флоровский Г. В., священник. Восточные Отцы IV века. М., 1992 (репринт).
88. Флоровский Г. В., священник. Восточные Отцы V-VIII веков. М., 1992 (репринт).
89. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах, т. 2, М., 1994.
90. Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви. 1917-1997. М., 1997.
91. «Цветочки св. Франциска Ассизского» (пер. с итал.). М., 2000.

92. Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989.
93. Шильдер Н. К. Император Николай I. 2 т. М., 1997.
94. Шмеман Александр, прот. Исторический путь Православия. М., 1993 (репринт).
95. Шульц С. Дж. Ветхий Завет говорит... (пер. с англ.). М., 2000.
96. Янг Дж. Христианство (пер. с англ.). М., 1999.